

Уильям Тенн

ВОТ ИДЕТ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Мастера фантазии

Уильям Тенн

Вот идет цивилизация

«Издательство АСТ»

2001

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Тенн У.

Вот идет цивилизация / У. Тенн — «Издательство АСТ»,
2001 — (Мастера фантазии)

ISBN 978-5-17-105982-8

Вампиры, привидения и ведьмы. Инопланетяне и земляне, попадающие в невероятные переделки. Модели ближайшего будущего человечества, окрашенные во все цвета радуги – от иронико-космических до мрачно-саркастических. Вопросы архитектуры и философии, биологии и парапсихологии, феминизм и маскулинность, странные верования, воспитание детей, стыд и гордыня, порно и политика, расовые проблемы... Кажется, нет такой темы, которую Уильям Тенн обошел бы своим вниманием!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-105982-8

© Тенн У., 2001
© Издательство АСТ, 2001

Содержание

Вот идет цивилизация	6
Вот идет цивилизация	9
Берни по прозвищу Фауст	9
Мост Бетельгейзе	27
Не могли бы вы чуточку поторопиться?	40
Дом, исполненный сознания своего долга	49
Жили люди на Бикини, жили люди на Атту	62
Наифантастичнейшая фантастика	70
Она выходит только по ночам	70
Мистрис Сари	75
Шоколадно-Молочное Чудище	83
С человеческим лицом	96
Ирвинга Боммера любят все	101
Заплатить за квартиру	114
Вопрос частоты	114
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Уильям Тенн

Вот идет цивилизация

William Tenn

HERE COMES CIVILIZATION:

THE COMPLETE SCIENCE FICTION OF WILLIAM TENN, vol. 2

© William Tenn, 2001

© Перевод. М. Ланина, наследники, 2018

© Перевод. А. Новиков, 2018

© Перевод. Н. Кудряшев, 2018

© Перевод. К. Круглов, 2018

© Перевод. А. Корженевский, 2019

© Перевод. П. Ехилевская, 2019

© Перевод. Б. Жужунава, наследники, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Вот идет цивилизация

Предисловие от Роберта Силверберга

Единственное, что достойно сожаления в этом двухтомном собрании научной фантастики Уильяма Тенна (из каковых двух томов этот – второй, и, если у вас до сих пор нет первого тома, «Непристойных предложений», мой вам совет: бегите бегом в магазин и купите его!), так это его подзаголовок: «Полное собрание научной фантастики Уильяма Тенна». Если называть вещи своими именами, полное собрание научно-фантастических произведений Уильяма Тенна заняло бы гораздо большее количество томов, нежели эти жалкие два. Нельзя ведь запихнуть полное собрание сочинений Роберта Хайнлайна, или Филипа Дика, или Айзека Азимова в два тома, будь они даже толщиной в телефонный справочник Манхэттена. Даже Рэю Брэдбери, считающемуся, подобно Уильяму Тенну, автором преимущественно коротких рассказов, потребовалось бы не меньше полудюжины этих книжечек размером с автобус каждая. Что же касается полного собрания научно-фантастических сочинений Роберта Силверберга... ну, в общем, вы поняли.

Но тут перед нами полное собрание научной фантастики Уильяма Тенна – так сказать, *gesammelte Werke* человека, писавшего это на протяжении полувека с лишним, – и все уместилось в двух томах. Воистину прискорбный факт, и я искренне сожалею об этом. Томов такого размера должно быть не меньше восьми. Или восемнадцать. И если вы считаете, что рассказы в этих двух книгах гениальны, интригующе изобретательны и потрясающе смешны, а это, заверяю вас, так и есть, вам стоило бы почитать те рассказы, которые он так и не удосужился записать.

Они, скажу вам по секрету, абсолютно сногшибательны. Самые слабые из них порвали бы ваш мозг в клочья. Когда я думаю о всех тех восхитительных рассказах Уильяма Тенна, которые канут вместе с ним в вечность, мне хочется плакать. Великая трилогия, развернутая в параллельной вселенной, в которой безраздельно правили такими враждующими византийскими императорами Гораций Голд и Джон Кемпбелл... дюжина ехидных историй про соломоновы решения верховного раввина Марса... замысловатое прочтение хайнлайновского «По пятам» задом наперед – клянусь, вам бы все это понравилось. Но где это? Нигде, вот где. Фил – то есть «Уильям Тенн», потому что так уж вышло, по-настоящему его зовут Филип Класс – так и не раскачался написать это. И, хотя ему пошел всего девятый десяток и он все еще позиционирует себя активно пишущим автором (каковым он изображался последние пятьдесят лет), я сильно сомневаюсь в том, что он это делает.

И я вам скажу, почему.

Это все штучки в духе Шехерезады. В своем предисловии к первому тому Конни Уиллис сообщила нам, что Чарльз Браун из журнала «Локус» обозвал как-то Фила «Шехерезадой научной фантастики». Признаюсь, я не без труда воспринимаю этот ярлык: трудноато разглядеть роскошную Шехерезаду в миниатюрном еврейском старичке с всклокоченной бородкой... правда, полагаю, Шахрияру в этом смысле пришлось бы еще труднее, чем мне. И все же я понимаю, что имел в виду Чарльз.

Шехерезада обладала феноменальной способностью заговаривать зубы. Разумеется, она была одной из величайших в мире рассказчиц – калибра Гомера, или Диккенса, или Старого Морехода – сказительница, чьи истории знают и любят и сейчас, спустя тысячу лет. Когда она начинала говорить, вам не оставалось иного выбора, кроме как слушать. Конечно, вы же помните сказки про Синдбада-морехода, Али-Бабу и Аладдина – сами по себе уже нетленные, незабываемые истории. Но кроме того она наверняка была неподражаемой рассказчицей,

потому что прежде ей пришлось завоевывать внимание султана – чтобы он вообще разрешил ей рассказывать сказки, которые отвлекли его от неотложной задачи: отрубания ее головы.

Фил Класс – напоминаю, так при рождении звали человека, написавшего «Полное собрание научной фантастики Уильяма Тенна», – тоже умеет поговорить. И я совершенно уверен в том, что он позволил еще восьми (десяти, шестнадцати) томам Полного собрания сочинений улетучиться вместе с сигаретным дымом на десяти миллионах коктейль-пати – вместо того, чтобы записать всю эту чертову уйму материала.

Фил, с которым я знаком года с 1956-го или около того, запомнился мне маленьким человечком с беспрестанно движущимися челюстями. Он тараторил как пулемет, со скоростью мили в минуту, когда мы с ним познакомились на каком-то сборище коллег в Нью-Йорке 1950-х, он продолжал говорить в таком же головокружительном темпе все последующие десятилетия, и, хоть мы и не виделись уже несколько лет, поскольку проживаем теперь на противоположных побережьях Северной Америки, я совершенно уверен в том, что он и в настоящий момент тараторит что-то у себя в Пенсильвании.

Ну, конечно, поскольку мы с вами живем в двадцать первом веке, многократно воспетом членами нашего маленького творческого цеха, его вербальная скорость должна теперь измеряться в метрической системе, поэтому предположим, что сейчас он говорит со скоростью 1,6 километра в минуту, однако эффект ровно тот же: человек, стремящийся выложить тебе уйму потрясающе интересных мыслей на одном выдохе.

К числу этих мыслей, боюсь, относятся и некоторые из лучших его рассказов.

Нас, профессиональных писателей, сызмальства – со времен, когда мы только-только начинали писать, внимательно прочитывали «Ридерс Дайджест» и искали в учебниках советы о том, как удвоить объем рукописи, – так вот, нас сызмальства учили тому, что писатель никогда, ни при каких условиях не должен говорить о том, над чем работает, поскольку существует реальный риск того, что у него эту работу уведут. Филу это правило известно, наверное, с тех пор, когда я еще и понятия не имел, кто такой Джон Ю. Кемпбелл-мл. И ему на это правило плевать, или же он просто такой импульсивный рассказчик, что никак не может остановиться. Я помню, он говорил про рассказ под названием «Уинтроп был упрям» где-то около года, с 1956-го по 1957-й. К концу этого срока я настолько хорошо ознакомился с его содержанием, что порой мне казалось, будто я пишу его сам. Я уже поверил в то, что этот рассказ не будет дописан никогда, а останется устной историей, так что изрядно удивился, когда он все-таки появился в августовском номере «Галактики» за 1957 год (я помню эту дату очень хорошо, потому что в том же номере напечатан и мой рассказ) – правда, редактор, Гораций Голд, поменял название на «Время ждет Уинтропа». Кстати, вы найдете этот рассказ – Фила, не мой – в первом томе этого собрания, под первым и более удачным названием «Уинтроп был упрям».

«Уинтроп был упрям» – это исключение, подтверждающее правило. Фил почти заболтал этот рассказ, хотя все-таки удосужился его написать. Это ехидная, восхитительно ехидная история, почти столь же прекрасная, как те, которых вы не прочитаете, потому что записать их Фил так и не удосужился. Примерно так же вышло с другим произведением (которое вошло в этот том), «Обитатели стен», – он все говорил, говорил и говорил о том, что пишет роман, чего прежде не делал никогда, и никто из нас не надеялся дожить до его окончания, даже после того, как фрагмент его появился в 1963 году в «Галактике». К этому времени работа над ним длилась как минимум тысячу и одну ночь, а то и дольше; тем не менее прошло еще пять лет, прежде чем законченный роман вышел отдельной книгой в «Баллантайн Букс».

«Обитатели стен», если мне не изменяет память, единственный роман, который Филип Класс благополучно дописал до конца (его другое крупное произведение, «Лампа для Медузы», все-таки, думается мне, ближе к повести). Все остальные он выболтал на вечеринках. Некоторые растворились бесследно, и о них никто и никогда больше не слышал. Другим повезло быть написанными, но не Филом. Слышали когда-нибудь про «Чужака в чужой

стране» Роберта Хайнлайна? А про «Свидание с Рамой» Артура Кларка? «Поле битвы – Земля» Рона Хаббарда? «Великого Гэтсби» Френсиса Скотта Фитцджеральда? Все это могло быть написано Уильямом Тенном. Но он болтал о них, и болтал, и болтал снова – вечеринку за вечеринкой (только «Гэтсби» назывался у него «Моей Лонг-Айлендской историей», а «Поле битвы – Земля» – «Моей космической оперой»), и идеи эти казались всем просто гениальными. И наконец, сообразив, что на самом-то деле он не очень-то и собирается все это писать, те, другие парни принимались за дело и делали эту работу за него. Это просто стыдоба, один из величайших скандалов в литературе двадцатого века.

Ну, на протяжении последних пятидесяти лет он, конечно, время от времени садился и писал что-то, и я полагаю, мы должны быть благодарны хотя бы за ту малую толику Полного собрания сочинений Уильяма Тенна, которую NESFA-Пресс смогло-таки опубликовать в этих двух тоненьких томах. Возрадуемся же этому факту, ибо, как я уже говорил или писал где-то раньше, он мастер умной, циничной, а иногда и мрачной, но в любом случае ироничной научной фантастики – я точно знаю, что говорил или писал это, потому что эту цитату тиснули на заднюю обложку этих книг, – и более того, он Великолепный Мастер умной, циничной, а порой и мрачной, но в любом случае ироничной научной фантастики. Я всегда буду восхищаться этими двумя книгами – и вы тоже будете. И все мы будем надеяться на то, что Фил, живя долго и счастливо, будет все-таки время от времени пописывать что-нибудь в счет третьего тома Полного собрания своих сочинений, который он нам всем задолжал.

Вот идет цивилизация

Берни по прозвищу Фауст

Это меня так Рикардо прозвал. Сам-то я не знаю, кто я есть. Вот он я: сижу в крошечном – шесть на девять – кабинетике, углубившись в сводки распродаж из правительственных резервов. Такая у меня работа: пытаться определить, где можно урвать доллар-другой, а где ничего не светит, кроме головной боли. И тут открывается дверь. И в дверь заходит этот мелкий тип с грязной физиономией, в совсем уж негодящемся костюмчике. Заходит и, неуверенно кашлянув, спрашивает:

– Не хотите ли, – говорит, – купить двадцать за пятерку?

Так вот прямо и спросил. То есть что хочешь, то и думай.

– Чего-о? – удивился я и смерил его взглядом. Он потоптался на месте и кашлянул еще менее уверенно.

– Двадцать, – повторил он.

Я посмотрел на него так, что он опустил взгляд, уставившись на свои башмаки. Башмаки у него были поношенные, потрескавшиеся и заляпанные грязью – ну, под стать всему остальному. А еще левое плечо у него то и дело подергивалось, словно от тика.

– Я даю двадцать, – объяснил он своим башмакам, – а вы мне даете пять. Выходит, у меня будет пять, а у вас двадцать.

– Как вы сюда попали? – спросил я.

– Просто вошел, – ответил он в некотором замешательстве.

– Просто вошли? – переспросил я и подпустил в голос немного угрожающих ноток. – Ну так ступайте восвояси! Вниз по лестнице и к чертям собачьим на выход. Кстати, в вестибюле висит табличка: ПОПРОШАЙКАМ ВХОД ЗАПРЕЩЕН!

– Я не попрошайничаю, – он подергал за низ пиджака, словно поправлял пижаму, едва выбравшись из кровати. – Я хочу вам кое-что продать. Двадцать за пятерку. Я даю вам...

– Хотите, чтобы я вызвал полицию?

А вот теперь он действительно испугался.

– Нет. Зачем же полицию? Я вам ничего такого не сделал, чтобы вы вызывали полицию!

– Еще секунда, и я им позвоню. Я вас предупредил. Один звонок вниз, в охрану, а они уже сообщат в полицию. У нас здесь не любят попрошаек. Здесь серьезным бизнесом занимаются.

Он провел рукой по лицу, от чего то, возможно, сделалось чуть чище, а потом вытер руку о пиджак, от чего тот сделался еще грязнее.

– Так вы не хотите? – спросил он. – Двадцать за пятерку? Вы же покупаете и продаете. Что не так с моим предложением?

Я потянулся к телефону.

– Ладно, ладно! – он выставил перед собой грязную пятерню. – Уже ухожу.

– Правильно, уходите. И дверь за собой не забудьте закрыть.

– На случай, если вы вдруг передумаете, – он порылся в кармане отвратительных, измятых брюк и достал карточку. – Вы можете связаться со мной. В любое время дня... почти.

– Выметайтесь, – буркнул я. Он протянул руку, уронил карточку мне на стол – прямо на бумаги, – раз-другой кашлянул и еще раз окинул заискивающим взглядом, не передумал ли я. Я не передумал. Он вышел. Я осторожно, самыми кончиками пальцев взял карточку, чтобы выкинуть ее в корзину, но спохватился. Настоящая визитная карточка. Черт меня подери, слышанное ли дело – оборванец вроде этого с собственной визиткой! И все же вот она, перед глазами. Если подумать, так все это было не совсем чтобы обычным случаем. Я даже начал жалеть,

что не дал этому бедолаге изложить свое дело. Ну, выслушал бы я его, не помер бы. В конце концов, вся его возня сводилась к тому, что парень пытался предложить мне сделку. И когда это я был против сделки – если она выгодная, конечно. Да, я сижу в крошечном кабинете, покупаю и продаю почти все, что угодно, – но большую часть моего товара составляют хорошие идеи. Хорошую идею грех не использовать, даже если исходит она от бомжа. Карточка оказалась неожиданно чистой, если не считать двух бурых пятен в местах, где он брался за нее своими пальцами. На белом прямоугольнике красовались написанные витиеватым почерком слова: «м-р Ого Эксар». Ниже, мелкими буквами, название и телефон отеля, располагавшегося где-то рядом с Таймс-сквером, совсем недалеко от моей конторы. Я даже знал этот отель – не дорогой, но и не клоповник. Чуть ниже среднего уровня. В углу значился номер комнаты. Смотрел я на него, и что-то странное со мною творилось, сам не пойму, что. Хотя, с другой стороны, почему бы коммивояжеру не останавливаться в отеле?

– Не будь ты таким снобом, Берни, – сказал я себе. Значит, он предлагал двадцать за пятерку? Черт, хотелось бы мне посмотреть на его физиономию, если бы я сказал: «Ладно, давайте мне свои двадцать, берите мои пять – и валите отсюда». Тут взгляд мой упал на бумаги. Я кинул карту в корзину и попытался заняться делами. Двадцать за пять. Какая в этом выгода для коммивояжера? Все это решительно не шло у меня из головы! И справиться с этим я мог лишь одним-единственным способом. То есть посоветоваться с кем-нибудь. С Рикардо? Он не абы кто, а настоящий профессор, в колледже. Один из моих лучших консультантов. И много чем мне помог: и курсами в колледже за смешную сумму в полторы тысячи, и халявным оборудованием для офиса – из списанного ООН... ну, такого рода штуками. И всякий раз, когда у меня возникал вопрос, требующий университетских знаний, он оказывался очень даже кстати. За комиссионные с меня, конечно, – сотни за две или три. Я посмотрел на часы. Рикардо должен быть у себя на работе – проверять контрольные или что ему там положено делать. Я набрал его номер.

– Ого Эксар? – переспросил он. – Похоже на финские имя и фамилию. Ну, или эстонские. Я бы сказал, откуда-то с восточной Балтики.

– Забейте, – посоветовал я ему. – Меня волнует совсем другое, – и рассказал ему про двадцать-за-пять. Он рассмеялся.

– Что, опять?

– Что опять? Какая-нибудь древняя байка про то, как античные греки нагрели египтян на кругленькую сумму?

– Нет, вовсе не греки. Американцы. И никто никого не нагрел. В годы Депрессии одна из нью-йоркских газет послала репортера по городу с чеком на двадцать долларов, который он предлагал любому желающему купить за один доллар. И знаете что? Никто не согласился. Суть в том, что даже безработные, находящиеся на грани голодания люди прилагают столько усилий, чтобы не выглядеть слабаками, что отказываются от халявного дохода почти в две тысячи процентов.

– Двадцать за доллар? Этот предлагал двадцать за пятерку.

– Сами понимаете, Берни, инфляция, – он снова рассмеялся. – Только сегодня это, скорее всего, для какого-нибудь шоу на ТВ.

– ТВ? Да видели бы вы только, как он одет!

– А вы включите логику: это же лишний повод к тому, чтобы люди не воспринимали его предложение всерьез. Наши, университетские, проводя свои опросы, поступают точно так же. Вот хотя бы несколько лет назад – группа социологов изучала отношение людей к уличным активистам. Ну, знаете: таким типам, что обычно торчат на ближайшем углу, бренча мелочью в картонной коробке с надписью типа ПОМОГИТЕ ДВУХГОЛОВЫМ ДЕТАМ! Или, скажем, СПАСИТЕ АТЛАНТИДУ ОТ ПОТОПА! Так вот, они переодели нескольких студентов...

– Вы что, думаете, что этот парень нашего с вами круга?

– Мне кажется, шанс того, что это так и есть, достаточно велик. Правда, я до сих пор не понимаю, зачем он тогда оставил вам свою визитку.

– Вот это я как раз, сдаётся мне, смекаю. Теперь-то. Если это какие-то штучки телевизионщиков, за этим может скрываться много всяких других возможностей. Шоу с призами: с машинами там, холодильниками, замками в Шотландии – со всякой такой всячиной.

– Викторина с призами? Ну что ж, вполне вероятно.

Я повесил трубку, сделал глубокий вдох и позвонил в отель к Эксару. Да, он у них зарегистрирован. И как раз только что пришел. Я быстренько спустился и поймал такси. Как знать, с кем он еще за этот час успел договориться? И о чем? Я продолжал думать об этом, поднимаясь на лифте. Как мне лучше перейти от его дурацкой двадцатки к более серьезным штукам – вроде телевикторин, – не дав ему при этом понять, что я обо всем догадываюсь? Ладно, может, повезет. Может, он сам подаст какой намек. Я постучал в дверь номера. Он сказал: «Войдите», – и я вошел. Первые секунду или две я ничего не видел. Номер был убогий, как и все номера в этом отеле, – крохотный, тесный и вонючий. Но света он не включал, ни одной лампочки. И шторы оставались задернуты наглухо. Только когда мои глаза немного привыкли к темноте, я нашел этого Ого Эксара взглядом. Он сидел на кровати, с той ее стороны, что ближе ко мне. На нем все еще красовался измятый дурацкий костюмчик. И знаете что? Он смотрел телевизор – маленький переносной телевизор, стоявший на конторке. Цветной. Только он работал черт знает как. Я не увидел на экране ни лиц, ни пейзажей – вообще ничего, лишь мельтешню цветных пятен. Большая клякса красного цвета сменялась большой кляксой оранжевого, и все это окаймлялось переливающейся синим, зеленым и черным рамкой. Из телевизора доносился голос, но слов было не разобрать. «Бе-бе, бу-бу, бу-бы, бу-бы...». Стоило мне войти, как он его выключил.

– Таймс-сквер плохое место для того, чтобы смотреть телик, – сообщил я ему. – Слишком много помех.

– Да, – согласился он. – Слишком много помех, – и затем сложил антенну и убрал телевизор. Жаль, что я не видел эту штуку работающей нормально. И знаете что забавно? Я мог бы ожидать, что в номере будет пахнуть спиртным, а в мусорной корзинке у конторки так уж наверняка должна была лежать минимум пара пустых бутылок. И – дудки, ничего такого. В номере чем-то пахло, конечно, но я никак не мог понять, чем. Наверное, самим Эксаром.

– Привет, – сказал я, ощущая себя немного неловко из-за того, как только что держал себя с ним у меня в кабинете. Не слишком-то любезно, да уж. Он не поднялся с кровати.

– Двадцатка при мне, – сказал он. – Вы принесли пятерку?

– Да, пятерку найду, конечно. – Я заглянул в кошелек, стараясь, чтобы это не выглядело слишком уж серьезно. Он ничего не сказал, даже не предложил мне сесть. Я достал купюру. – Сойдет?

– Сойдет. – Он подался вперед, ближе к купюре, словно мог разглядеть ее в такой-то темнотище. – Сойдет, – повторил он. – Но мне нужна расписка. Заверенная расписка.

Какого черта, подумал я. Заверенную расписку ему подавай!

– Тогда нам надо спуститься. Тут рядом, на Сорок четвертой, есть один аптекарь – он может заверить.

– Хорошо, – согласился он и встал, закашлявшись при этом. Кашель его прозвучал частой, почти пулеметной очередью. – Тут туалет в коридоре. Дайте мне чуток сполоснуться, и идем.

Я подождал его у входа в туалет, размышляя о том, с чего это он вдруг поднял планку своих санитарных запросов. Я мог бы не заморачиваться на этот счет. Не знаю, чем он там, в туалете, занимался, но одно знаю наверняка: ни вода, ни мыло не имели к этому абсолютно никакого отношения. Он продолжал выглядеть так, словно всю ночь только и делал, что ползком прогуливался по помойкам. По дороге в аптеку я зашел в канцелярскую лавку и купил

пачку пустых бланков расписок. Большую часть их я заполнил там же, на месте. Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, дата. Получена от м-ра Ого Эксара сумма в двадцать долларов в обмен на пятидолларовую купюру с серийным номером таким-то.

– Так сойдет? – спросил я. – Я пишу номер серии, чтобы это выглядело так, словно вас интересует эта конкретная купюра, – юристы предпочитают точность.

Он почесал в затылке и внимательно прочитал расписку. Потом сверил номер серии в расписке с тем, что значился на купюре у меня в руках, и кивнул. Нам пришлось подождать, пока аптекарь обслужит двоих покупателей, стоявших перед нами в очереди. Когда я подписал расписку, он внимательно прочитал ее, пожал плечами, отошел за стойку и тиснул на нее печать.

Я заплатил ему пару баксов: в конце концов, это я остался в выигрыше. Эксар придвинул ко мне по стеклянной поверхности стойки новенькую, хрустящую двадцатку. У него на глазах я поднял ее к свету и внимательно осмотрел – сначала с одной стороны, потом с другой.

– Нормальная купюра? – спросил он.

– Ага. Поймите меня правильно: я не знаю ни вас, ни ваших денег.

– Конечно. Я сам поступаю так с незнакомыми людьми. – Он сунул мою расписку и мою пятидолларовую купюру в карман и двинулся прочь.

– Эй, – спохватился я. – Вы очень спешите?

– Нет, – он задержался, окинув меня удивленным взглядом. – Не спешу. Но вы получили двадцать за пять. Обмен совершен, и на этом все.

– Ну да, да, совершен. Как насчет чашечки кофе?

Он явно колебался.

– Я угощаю, – заверил я его. – Всегда приятно слегка подзаработать. Пойдемте, хлебом горяченького.

Вид у него сделался уже не удивленный, а прямо-таки встревоженный.

– Уж не хотите ли вы пойти на попятный? Расписка у меня. Она заверена. Я дал вам двадцать, вы мне пять. Уговор есть уговор.

– Ну разумеется, – подтвердил я, заталкивая его за свободный столик. – Мы договорились, подписали и заверили все печатью. Никто не собирается идти на попятный. Я просто хочу угостить вас чашечкой кофе.

Лицо его просветлело, насколько это было возможно под таким слоем грязи.

– Не кофе. Суп. Я бы съел немного грибного супа.

– Хорошо, хорошо. Суп, кофе, мне все равно. Лично я выпью кофе. – Я сел напротив и принялся смотреть на него. Он склонился над тарелкой и жадно хлебал суп – ложка за ложкой. Классическая иллюстрация безработного, не евшего целый день. Да что там классическая – прямо-таки эталон, тройная дистилляция, хоть ярлык наклеивай. Такому типу полагалось бы валяться в подворотне, прикрывая глаза рукой от света полицейского фонарика, или блевать на помойке с жесточайшего бодуна. Ему не полагалось жить в относительно благопристойном отеле или менять двадцатку на пятерку... черт подери, да ему даже не полагалось есть чего-либо приличного вроде этого грибного супа. Впрочем, все сходилось. Ребята с телевикторин такое любят; уж наверняка они наняли для распродажи своих пончиков самого лучшего, самого дорогого актера. Такого, чтобы он так убедительно изображал бомжа, что люди будут смеяться ему в лицо, когда он предложит им свою сделку. – Кстати, а не хотите ли вы купить чего-нибудь еще?

Он застыл, не донеся ложку до рта, и подозрительно покосился на меня.

– Например, что?

– Ну, не знаю. Может, десятку за полсотни. Или, скажем, сотню за двадцатку?

Эксар призадумался. Я прямо-таки видел, как мысль трепещет на грязном челе. Потом он отвел взгляд и снова взялся за суп.

– Это не сделка, – нерешительно пробормотал он. – Разве это сделка?

– Простите меня великодушно. Мне просто показалось, что спросить стоит. – Я закурил сигарету и принялся ждать. Мой приятель-замарашка покончил с супом, потянулся за бумажной салфеткой и вытер ею губы. Я смотрел внимательно: ни пятнышка грима у рта он не стер, только пару капель супа. По-своему, он был даже изыскан.

– Так вы точно ничего не хотите купить? Я здесь, я никуда не тороплюсь. Мы могли бы обсудить все, что у вас на уме.

Он скатал салфетку в шарик и кинул его в тарелку из-под супа. Тот мгновенно размок. Оказывается, он съел все грибы, а суп оставил.

– Мост Золотые Ворота, – неожиданно произнес он. Я выронил сигарету изо рта.

– Чего?

– Мост Золотые Ворота. Тот, в Сан-Франциско. Его бы я купил. Я бы купил его за... – он поднял взгляд к люминесцентным трубкам под потолком и подумал пару секунд. – Скажем, за сто двадцать пять долларов. Наличными.

– Но почему именно Золотые Ворота? – спросил я, ощущая себя идиот идиотом.

– Потому что я так хочу. Вы спросили меня, чего бы мне еще хотелось купить, – так вот, я хочу это.

– А чем вам не нравится мост Джорджа Вашингтона? Он ведь прямо здесь, в Нью-Йорке, над Гудзон-ривер. И построен совсем недавно. Зачем покупать что-то, расположенное на другом конце света?

Он расплылся в улыбке, словно испытал восторг от моей сообразительности.

– О нет, – возразил он, с силой дергая левым плечом вверх-вниз. Раз, два, три. – Я знаю, чего хочу. Мост Золотые Ворота в Сан-Франциско. За сотню и четвертной сверху. И ни цента больше.

– Стоимость проезда по мосту Джорджа Вашингтона, – не сдавался я, пытаюсь выиграть хоть минуту для того, чтобы обдумать все это, – сейчас составляет пятьдесят центов в одну сторону, и движение по нему оживленной некуда. Не знаю, сколько они там берут за проезд по Золотым Воротам, но голову даю на отсечение, вам больше нигде не найти и вполонину такой уличной движухи, как здесь, в Нью-Йорке. А потом еще обслуживание. Золотые Ворота – один из самых длинных мостов в мире, вы замаетесь поддерживать его в порядке. Короче, с какой стороны ни посмотри, с денежной ли, с географической, мост Джорджа Вашингтона – лучший выбор для того, кто хочет купить мост.

– Золотые Ворота, – повторил он, хлопнув по столешнице ладонью, от чего по лицу его пробежала короткая очередь едва заметных судорог. – Я хочу Золотые Ворота и только его. И не тяните резину. Вы хотите продать или нет?

Если бы только у меня была возможность подумать еще немного... Но я понимал, что, если Рикардо что-то там кажется, это заслуживает внимания. Играть так играть.

– Конечно, продаю. Вам виднее, чего вы хотите. Только слушайте: все, что я могу вам продать, – это мою долю в Золотых Воротах, не более того.

Он кивнул.

– Мне нужна расписка. Запишите все это в расписку.

Я записал. И мы вернулись обратно. Аптекарь заверил расписку, кинул печать в ящик под стойкой и повернулся к нам спиной. Эксар отсчитал из толстой пачки купюр шесть двадцаток и пятерку – все как одна новенькие, хрустящие. Потом убрал пачку вместе с моей распиской в карман и снова повернулся уходить.

– Еще кофе? – спохватился я. – Или супа?

Он оглянулся с выражением прямо-таки комичного изумления на лице; теперь у него дергалось уже все тело.

– Что? Что еще вы хотите мне продать?

Я пожал плечами.

– А что вы хотели бы купить? Предлагайте. Давайте посмотрим, может, удастся договориться о чем-нибудь.

Все это начинало отнимать уйму времени, но я не возражал. За пятнадцать минут я сделался богаче на сто сорок баксов. Ну, скажем честно, на сто тридцать восемь с полтиной – с учетом расходов на аптекаря, кофе и суп. Нормальных накладных расходов. Нет, никаких вознаграждений. Но я ждал чего-то большего. Должно же это было привести к чему-нибудь этакому. Ну, конечно, все это могло затянуться до самого эфира. А вот там уже меня спросят, о чем я думал, продавая Эксару всю эту ерунду, а я им объясню – и тогда мне начнут предлагать холодильники, и подарочные сертификаты в «Тиффани», и... Эксар сказал что-то, пока я витал в облаках. Чего-то чертовски неожиданное. Я попросил его повторить.

– Азовское море, – сказал он. – В России. Я заплачу за него триста восемьдесят.

В жизни о таком месте не слыхал. И сумма какая дурацкая – триста восемьдесят. За целое чертово море. Я попытался поторговаться.

– Давайте четыреста – и по рукам.

Он закашлялся и вроде как разозлился.

– В чем дело? – выдавил он из себя между приступами кашля. – Чем вас не устраивает цена в триста восемьдесят? Это маленькое море, одно из самых маленьких. Всего четырнадцать тысяч квадратных миль. А глубина какая, знаете?

Я напустил на себя умный вид.

– Ну уж достаточно глубокая?

– Сорок девять футов! – почти выкрикнул Эксар. – Всего сорок девять! Кто вам даст за такое море больше трехсот восьмидесяти долларов?

– Да не кипятитесь вы так, – сказал я, похлопав его по грязному плечу. – Давайте поделим разницу. Вы говорите, триста восемьдесят, я хочу четыреста. Как насчет того, чтобы сойтись на трехстах девяносто? – На самом-то деле мне было изрядно плевать, десятью баксами больше или меньше. Но мне хотелось посмотреть, что произойдет. Он притих.

– Триста девяносто долларов за Азовское море, – бормотал он себе под нос, словно боялся, что его обведут вокруг пальца. – Все, что я хочу, – это само море... ведь я не прошу вас продать мне еще и Керченский пролив или порты вроде Таганрога или Осипенко...

– Я вам вот что скажу, – я поднял руки. – Я не намерен торговаться до потери пульса. Дайте мне мои триста девяносто, и я накину Керченский пролив бонусом. Как вам такое?

Он обдумал эту мысль. Он пошмыгал носом. Он вытер нос тыльной стороной ладони.

– Ладно, – сказал он наконец. – Договорились. Азовское море и Керченский пролив за триста девяносто.

– Бац! – хлопнула аптекарская печать. Эти «бац» делались заметно громче. Эксар расплатился со мной шестью новенькими пятидесятидолларовыми купюрами, четырьмя двадцатками и десяткой из все той же толстой пачки, которую он держал в кармане мятых брюк. Я подумал о пятидесятках, оставшихся в пачке, и рот мой против воли наполнился слюной.

– Хорошо, – сказал я. – Что дальше?

– Вы продолжаете продавать?

– За подходящую цену – почему бы и нет? Просто скажите, что еще вам нужно.

– Мне могло бы пригодиться много чего, – он вздохнул. – Но нужно ли мне это прямо сейчас? Вот какой вопрос я должен себе задать.

– Вот прямо здесь и сейчас у вас есть шанс все это купить. А вот насчет потом – не уверен. Меня может не случиться под рукой или кто-то другой перебьет вашу цену... всякое может стать. – Я подождал немного, но он только хмурился и кашлял. – Как насчет Австралии? – предложил я. – Не пригодится ли вам Австралия за, скажем, пять сотен баксов? Или Антарктида? Я мог бы предложить вам отличную сделку по Антарктиде.

Вид у него сделался заинтересованный.

– Антарктида? Сколько вы за нее хотите?.. Нет, все это лишено смысла. Кусочек здесь, клочок там. Слишком дорого выходит.

– Но вы получаете все по весьма умеренной цене, приятель, и вы это прекрасно знаете.

– Тогда как насчет того, чтобы продать все оптом? Сколько вы хотите за все?

Я покачал головой.

– Не знаю, о чем это вы. Что значит «все»?

Он начал выказывать нетерпение.

– Все и сразу. Весь мир. Землю.

– Ого, – только и выдал я из себя. – Не многовато ли?

– Ну, я устал покупать все по частям. Сделаете вы мне оптовую скидку, если я куплю сразу все?

Я нерешительно тряхнул головой. Очень это как-то неожиданно вышло, и я не знал, соглашаться или отказываться. Все это пахло деньгами, большими деньгами. Мне полагалось бы рассмеяться ему в лицо и выйти – но я даже улыбки из себя не смог выжать.

– За всю планету... ну да, вам положена оптовая скидка. Но что... то есть я никак не возьму в толк, что именно вы хотите купить.

– Землю, – повторил он, придвинувшись ко мне так близко, что в нос шибало его вонючее дыхание. – Я хочу купить Землю. Всю и сразу.

– Но это вам дорого обойдется. Это не мелочь какая-то.

– Я заплачу хорошо. Я вам вот что предлагаю. Я плачу две тысячи долларов наличными. Взамен я получаю Землю – всю планету, – и вы добавите к этому еще кое-что на Луне. Права на водные ресурсы, на полезные ископаемые, на клады Луны. Как вам такое?

– Вы многого хотите.

– Знаю, – согласился он. – Но я и плачу немало.

– Не так уж много с учетом того, что вы просите. Дайте мне подумать. – Дело приняло серьезный оборот и пахло уже нешуточными призами. Уж не знаю, сколько денег дали ему телевизионщики, чтобы дурить головы типам вроде меня, но в одном я не сомневался ни разу: две тысячи – это лишь начало. Вот только какую серьезную, достойную бизнесмена цену назначить за весь мир? Я не должен выглядеть на экране каким-то мелочным барыгой. И потом, наверняка же директор программы ограничил Эксара определенной суммой.

– Вы правда хотите получить все? – вернулся я к разговору. – И Землю, и Луну?

Он поднял грязную руку.

– Не всю Луну. Только означенные права. Остальное можете оставить себе.

– Но это все равно чертовски много. Недвижимость такого размера стоит в разы больше, чем те две тысячи, что вы предлагаете.

Эксар начал морщиться и ерзать.

– Как... насколько больше?

– Знаете что? Давайте не будем в детский сад играть. Это же момент истины! Мы же с вами не о мостах или реках с морями говорим. Вы покупаете целый мир, да еще часть другого. Это дело серьезное. Вы не могли не готовиться и к ценам серьезным.

– Сколько? – Казалось, он вот-вот начнет подпрыгивать в этом своем дурацком костюмчике. Посетители в аптеке начали коситься в нашу сторону. – Сколько? – прошептал он.

– Пятьдесят тысяч. Это очень и очень недорого, ну, вы и сами знаете.

Эксар как-то сразу обмяк. Даже его странные глаза, казалось, ввалились сильнее.

– Вы с ума сошли, – произнес он безнадежным тоном. – Вы просто сбрендили. – Он повернулся и пошел к двери-вертушке из аптеки, и шел он так, что я сразу понял, что перегнул палку. Он даже не оглянулся. Он просто уходил, уходил раз и навсегда. Я вышел на улицу следом за ним, схватил его за полу грязного пиджака и заставил-таки остановиться.

– Послушайте, Эксар, – торопливо сказал я, не давая ему вырваться. – Я прекрасно понимаю, что назвал цифру, превышающую ваш бюджет. Но вы же сами знаете, что можете заплатить гораздо больше, чем эти жалкие две тысячи. Я хочу получить столько, сколько возможно. Какого же черта я тут с вами возжусь? Сколько мне предложат другие, а?

Это его проняло. Он склонил голову набок, потом кивнул. Когда он повернулся ко мне лицом, я отпустил, наконец, его пиджак. Итак, торг!

– Отлично. Вы надбавляете, я сбрасываю. Давайте. Какую наибольшую сумму вы можете предложить? Самую-самую свою лучшую?

Он посмотрел куда-то вдоль улицы, раздумывая. Кончик языка высунулся и облизнул краешек его грязного рта. Его язык тоже оказался грязный. Ей-богу, не вру! Весь покрыт какой-то черной дрянью – гримом или смазкой.

– Как насчет, – сказал он, наконец, – как насчет двух с половиной тысяч? Это максимум того, что я могу заплатить. У меня и цента больше не найдется.

Я в этом сильно сомневался. Я привык к тому, что когда кто-то говорит тебе, что это максимум того, что он может заплатить, на деле он готов поднять цену еще немного. Эксар отчаянно желал заключить эту сделку, но не мог удержаться от того, чтобы попробовать выгадать на ней еще чуток. Он был из тех людей, что могут умирать от жажды – вот буквально умирать, если не глотнут сейчас же чего-нибудь жидкого. Ты предлагаешь такому субчику стакан воды и говоришь, что хочешь за это доллар. Тот смотрит на стакан, выпучив глаза и вывалив распухший язык, но спрашивает, не продам ли я его за девяносто пять центов? Или нет, он был в точности как я: натуральный барыга.

– Ну уж до трех тысяч-то вы можете поднять, – настаивал я. – Что такое три тысячи? Всего-то на пять бумажек больше. И подумайте, что вы за это получаете. Землю – всю планету и права на морские ресурсы и полезные ископаемые, на все клады и на все такое на Луне. Как вам?

– Не могу. Правда, не могу. Мне жаль, но не могу, – он потрянул головой словно в надежде избавиться от бесконечных ужимок и непрекращающегося тика. – Давайте так. Я поднимаю до двух шестисот. За это вы продаете мне Землю, а еще права на водные ресурсы и клады на Луне. Права на полезные ископаемые можете оставить себе. Я без них обойдусь.

– Поднимите до двух восьмисот, и получите все полезные ископаемые. Вы же их хотите, я вижу. Так не сомневайтесь! Всего две лишних сотни баксов, и вы их получите.

– Всего все равно не получишь. Некоторые вещи слишком дороги. Как вам две шестисот пятьдесят – без полезных ископаемых и кладов? – Дело было на мази, я это шкурой чувствовал.

– Вот вам мое последнее предложение, – сказал я. – Я не могу тратить на это весь день. Согласен на две семьсот пятьдесят и ни пенни меньше. За это даю вам Землю и права на водные ресурсы Луны. Или на клады. Выбирайте сами, что вам важнее.

– Ладно, – кивнул он. – Уж если вы так уперлись... будь по-вашему.

– Две семьсот пятьдесят за Землю и-или водные ресурсы, или клады на Луне?

– Нет, ровно двадцать семь банкнот, и ничего на Луне. Забудем про Луну. Двадцать семь, и я получаю Землю.

– Идет, – нараспев откликнулся я, и мы хлопнули по рукам. А потом, обняв его за плечи – что мне до его грязной одежды, когда этот парень сделал меня богаче на две тысячи семьсот? – я препроводил его обратно в аптеку.

– Только мне нужна расписка, – напомнил он.

– Разумеется, – заверил я его. – Но я пишу там точно так же: я продаю вам ровно то, чем владею сам или же обладаю правами на продажу. Вы получаете за свои деньги уйму всего.

– А вы получаете за то, что продаете, уйму денег, – парировал он. Он мне нравился. При всех его тиках и ужимках он был родственной душой. Мы вернулись к аптекарю, и, право слово, я в жизни не видел более брезгливой физиономии, чем у треклятого старого градусника.

– Что, бизнес процветает? – поинтересовался он. – Да вы, ребята, я вижу, разошлись не на шутку.

– Послушай-ка, – усмехнулся я. – Твое дело заверить, а?

Я показал расписку Эксару.

– Все так, как вы хотели?

Борясь с кашлем, он внимательно прочитал ее.

– То, чем вы владеете или обладаете правом на продажу... Все верно. И знаете, добавьте к этому свою характеристику как профессионального агента по продажам.

Я переписал расписку заново и поставил свою подпись. Аптекарь заверил ее. Эксар достал из кармана штанов свою пачку денег, отсчитал пятьдесят четыре новеньких, хрустящих пятидесятки и положил их на стеклянную столешницу. Потом взял мою расписку, сложил ее, убрал в карман и пошел к выходу. Я забрал деньги и поспешил за ним.

– Чего-нибудь еще?

– Ничего больше, – отрезал он. – Все. Сделка завершена.

– Ну... да... Но мы могли бы поискать еще... чего-нибудь еще на продажу...

– Больше нечего искать. Сделка завершена.

И по его тону я понял, что он не лукавит. Ни малейшего кокетства, ломания, каким обыкновенно грешат некоторые перед тем, как перейти к делу. Я остановился и молча смотрел, как он толкает дверь-вертушку. Выйдя на улицу, он повернул налево и двинулся прочь с такой скоростью, словно за ним черти гнались. Значит, не будет больше торговли? Что ж, в кошельке моем лежало три тысячи двести тридцать баксов, заработанных за одно-единственное утро. Но не продешевил ли я? В смысле, какова была максимальная ставка в бюджете телешоу? Как близко я к ней подобрался? Но я ведь мог посоветоваться с тем, кто способен это выяснить, – с Моррисом Мешком.

Моррис Мешок – бизнесмен вроде меня, только бизнес его связан с театром. Он импресарио, причем толковый, чертовски толковый. Вместо того чтобы перепродавать, скажем, катушки бэушного медного провода или там угловой участок в Бруклине, он продает таланты. Он может продать танцевальную группу на горный курорт, пианиста – в бар, диск-жокея или комика – на ночную радиопрограмму. Мешком его прозвали из-за тяжелых твидовых костюмов от Херриса, которые он носит зимой и летом, год напролет. Моррис говорит, что они работают на его имидж. Я позвонил ему из телефонной будки у входа в аптеку и рассказал о телевикторине.

– Так вот, мне хотелось бы знать...

– Тут и знать нечего, – перебил он меня. – Нет, Берни, такой викторины.

– Да наверняка есть, Моррис! Просто ты о ней не слышал.

– Нет такой программы. Ни в разработке, ни в процессе репетиций, вообще нет. Слушай: прежде чем любая викторина выходит на ту стадию, когда начинает разбрасываться такими пончиками, ей нужно утвердить концепцию, нужно застолбить время в эфире. А для того, чтобы покупать время, нужно сперва отснять пилотную серию. А к этому времени я уже получаю кастинговые списки... в общем, так или иначе, я бы о ней знал. И не надо учить меня моему бизнесу, Берни: если я говорю, что такого шоу нет, значит, его нет.

Вот такой ободряющий финал. У меня в голове вдруг возникла одна безумная мысль, и я торопливо отогнал ее. Нет. Не может быть.

– Тогда это, наверное, какое-нибудь университетское исследование. Или газетчики развлекаются. Рикардо ведь говорил о чем-то таком, правда?

Он обдумал эту версию. Жаль, что в телефонной будке душно и некуда присесть, пока ждешь, но ждать стоило: котелок у Морриса Мешка варит как надо.

– Вряд ли, – сказал он наконец. – Все эти бумажки, расписки – ни газетчики, ни университетские ребята так не работают. Но и на простую шутку это не похоже. Мне кажется, тебя развели, Берни. Не знаю, на чем, но развели.

Что ж, как говорится, спасибо на том. Моррис Мешок подвох даже сквозь шестнадцать футов стекловаты унюхает. Если он чего говорит, значит, так оно и есть, и ничего с этим не поделаешь. Я повесил трубку и задумался. Безумная мысль вернулась и взорвалась у меня в мозгу. Шайке типов, вынырнувших откуда-то из космоса, приглянулась наша Земля. Может, им захотелось ее колонизировать, а может, просто курорт устроить – черт их знает, зачем она им сдалась? В общем, для чего-то она им точно нужна. Они достаточно сильны и развиты, чтобы забрать ее всю с потрохами. Но не хотят действовать слишком уж бесцеремонно. Сами знаете, когда большая страна собралась напасть на маленькую, она не начнет войны, пока по меньшей мере какой-нибудь заварухи на границе не случится. Такой, чтобы дала им повод. Даже большой державе нужен повод. Так... Эти типы из космоса – может, все, чего им не хватало до сих пор, это клочка бумаги от какого-нибудь аборигена – ну, лицензированного местного жителя, подтверждающего их права на Землю. Да нет, ерунда какая-то. Обычного клочка бумаги? С подписью первого попавшегося Джо-Простофили? Я сунул в щель телефона десятицентовую монету и набрал рабочий номер Рикардо. Его не оказалось в колледже. Я сказал девице на коммутаторе, что это очень важно, и она ответила, что ладно, она постарается его найти. Вся эта фигня, продолжал рассуждать я, все эти Золотые Ворота, Азовское море – все это было только наживкой, равно как и двадцатка за пятерку. Есть лишь одно средство узнать, чего именно желает маклер: получив свое, он кончает торг и уходит. В случае Эксара это оказалась Земля. А чего стоили эти его штучки насчет дополнительных прав на Луну! Все это делалось только для отвода глаз, ради того, чтобы скрыть его истинную цель.

Вот, допустим, выйду я, чтобы прикупить партию дешевых дорожных будильников, залежавшуюся, по слухам, у одного барыги. Я что, начну с ходу сбивать цену на эти самые будильники? Да ни в коем разе. Я скажу этому барыге, что хочу купить контейнер дамских зонтиков-автоматов, может, пару ящичков будильников – возможно, даже дорожных будильников, если у того вдруг найдутся, – а еще не сделает ли он мне скидку на мужские кошельки? Вот точно так же действовал со мной Эксар. Как знать, может, он вообще специально изучил, как я работаю. И ведь он хотел купить все именно у меня. Но почему у меня? И все эти штучки с распиской – насчет моей квалификации, что это все, черт подери, значило? Земля мне не принадлежит; я вообще не торгую планетами. Чтобы продать планету, надо ею владеть. Таков закон. Так что я в результате продал Эксару? У меня нет никакой недвижимости. У меня что, отберут мой кабинет? Или предъявят права на ту часть тротуара, по которой я хожу? Что вернуло меня к самому первому вопросу. Кто отберет? Кому, черт подери, я продал то, что продал? Девица на коммутаторе, наконец, откопала Рикардо. Тот не слишком этому обрадовался.

– У меня сейчас идет факультетское собрание, Берни. Давай я позже перезвоню.

– Я быстро, – взмолился я. – Я во что-то вляпался. И не знаю, чем это мне обернется. Срочно нужен совет!

Торопливо – я все время слышал гул голосов на заднем плане – выложил я ему все события со времени нашего утреннего телефонного разговора. Как Эксар выглядел и как от него пахло, какой чудной цветной телевизор он смотрел, как он отказался от всех прав на Луну и прекратил торговаться, стоило ему получить свою Землю. Что сказал на этот счет Моррис Мешок и что я заподозрил – все как на духу выложил.

– Только одного я не понимаю, – я хихикнул, чтобы не показалось, будто я отношусь к этому слишком уж серьезно, – кто я такой, чтобы совершать такую сделку, а?

Он помолчал немного – наверное, думал.

– Не знаю, не знаю, Берни. Все возможно. Слишком уж все гладко складывается. Есть ведь еще ООНовский аспект.

– ООНовский? Какой еще ООНовский?

– Есть такой аспект, поройся в памяти. Ну, то... исследование ООН, по поводу которого мы с тобой пару лет назад сотрудничали.

И тут я вспомнил! Он слегка темнил – ясно, ведь он стоял в окружении своих университетских коллег. Но я вспомнил. Должно быть, Эксар с самого начала знал про сделку, с которой мне тогда помог Рикардо: это когда я почти даром отхватил устаревшую оргтехнику, которую списали в нью-йоркской Штаб-квартире ООН. Тогда они сопроводили это специальной бумажкой... где-то в папках у меня она наверняка завалилась. И там, в бумажке этой, говорилось, что они уполномочивают меня в качестве агента по продаже любого их списанного оборудования, неликвидов и излишков. Вот до чего доводят порой юридические выкрутасы!

– Так вы думаете, он этим воспользуется? И это прокатит? Ну ладно, там, в качестве списанного оборудования или неликвидов я Землю еще могу себе представить. Но излишки?

– Международное право, Берни, – штука запутанная. А в этом случае все может оказаться еще сложнее. На твоём месте я постарался бы что-нибудь предпринять на этот счет.

– Но что? Что могу я поделать, Рикардо?

– Берни, – буркнул он, и голос его звучал чертовски недовольно. – Я же сказал, у нас собрание факультета. Факультета, черт подери! – и повесил трубку.

Как безумный выскочил я из аптеки, поймал такси и назвал адрес Эксарового отеля. Чего я боялся? Не знаю, но поджилки тряслись так, как никогда еще в жизни. Слишком вся эта история оборачивалась неподъемным грузом для маленького человечка вроде меня, можно сказать, угрожающе неподъемным. Она запросто могла ослабить меня как самого бездарного маклера в истории. Кто после такого согласится иметь со мной дело? Я чувствовал себя так, словно кто-то попросил меня продать ему безобидную фотокарточку, и я согласился, а на фото оказалась «Найк-Зевс» – ну, знаете, одна из этих сверхсекретных стратегических ракет. Только на самом-то деле все было еще хуже: я просто-напросто продал с потрохами весь свой чертов родной мир. И что теперь? Выкупить его обратно – ничего другого просто не оставалось! Стоило мне ворваться в номер к Эксару, как я сразу понял: он как раз собрался выписываться. Он убрал свой чудной компактный телик в сумку – одну из этих, дешевых, из супермаркета. Я не стал закрывать за собой дверь, чтобы в номер попадало хоть немного света.

– Мы же закончили, – сказал он. – Все, никаких торгов.

Я остался стоять в дверях, чтобы не дать ему ускользнуть.

– Слушайте, Эксар, – сказал я ему. – Я тут подумал и вот к чему пришел. Во-первых, вы не человек. Ну, в смысле, не такой, как я.

– Я человек в гораздо большей степени, чем вы, приятель, – возразил он.

– Ну да. Вы – тюнингованный «Кадиллак», а я – четырехцилиндровая жестянка конвейерной сборки. Но вы не с Земли – вот о чем я. Вот зачем вам нужна Земля. То есть, может, вам самому она и не...

– Мне она ни к чему. Я лишь агент. Представляю чужие интересы.

Вот так вот! В самое яблочко! Ай да Моррис Мешок! Я смотрел в его рыбы глаза, а он все надвигался. И все же я не попятился бы и на дюйм – даже если бы он убивал меня.

– Вы представляете чужие интересы, – медленно повторил я. – Чьи? Зачем им Земля?

– Это касается только их. Я агент. Я просто покупаю для них.

– И как, комиссионные хорошие?

– Ну не за здорово живешь же я работаю.

Какое уж тут «здорово живешь», подумал я. Этот кашель, этот тик... и тут я понял, что они означали. Он просто не привык к нашему воздуху. Ну вроде как я – стоит мне приехать в Канаду, и меня сразу начинает мучить понос. Вода у них там такая, что ли. А грязь у него на лице вовсе и не грязь, а крем от загара! Видать, наше солнце ему тоже не подходит. И шторы задернуты из-за того же самого, а что костюм грязный – так это чтоб лицо странным

не выглядело. И никакой Эксар, выходит, не бомж. Кто угодно, только не бомж. Если уж кто теперь бомж, так это, скорее, я. Думай, Берни, думай, приказал я себе. Думай и действуй так быстро, как тебе в жизни еще не приходилось. Этот тип провел тебя как ребенка! Нагрел тебя – и по-крупному!

– Сколько вы получаете? Десять процентов?

Тот не ответил: он почти навалился на меня грудью, дышал и дергался, дышал и дергался.

– Я перебую вам комиссию, Эксар. Знаете, сколько я вам дам? Пятнадцать процентов! Такой уж я человек, у меня просто душа болит при виде того, как кто-то горбатится за десять тухлых процентов.

– А как насчет этической стороны? – хрипло возразил он. – У меня ведь клиент есть.

– Смотрите-ка, он про этику вспомнил! Вы – тип, вознамерившийся купить всю эту чертову Землю за две семьсот! И это вы называете этичным?

Тут он, похоже, разозлился. Он сжал руку в кулак и двинул им по ладони.

– Нет, я называю это бизнесом. Сделкой. Я предлагаю цену, вы соглашаетесь. И ведь ушли от меня довольный, с прибылью, разве не так? А теперь вдруг врывается обратно и хнычете, что вы этого не хотели, что продали слишком много за такие деньги. Срам какой! А вот у меня есть свои принципы: я не подведу своего клиента из-за какого-то плаксы.

– Я не плакса, – обиделся я. – Я обычный бедный проныра, пытающийся заработать на кусок хлеба. Но сам-то вы кто? Воротила из другого мира, в распоряжении у которого все штучки-дрючки, все кнопки, на которые только можно нажать, все средства, представить которые у меня даже фантазии не хватит.

– А вы – вы разве не прибегаете ко всяким-разным штучкам?

– Есть вещи, до которых я никогда не опущусь. Ни за что. И не смейтесь, Эксар, я это серьезно. Ну, скажем, ни за что не стал бы обманывать калеку, каких барышней бы мне это ни обещало. И бедного проныру из кабинета размером с чулан не стал бы обманывать – ни за что не оставил бы его в убеждении, будто он продал свою планету.

– Почему «будто»? – удивился он. – Расписка, которую вы мне выдали, имеет законную силу во всей Вселенной. Наша юридическая система это подтвердит. А еще у нас есть и другие системы – планетарного масштаба. Стоит моему клиенту вступить в свои права собственника, как вашей цивилизации кранты. Полнейшие кранты, про нее можно будет забыть и больше не вспоминать. И про вас тоже, мистер Плакса.

В номере стояла жара, и я взмок как мышь. Но все же мне сделалось полегче. Сначала апелляция к этике, теперь все эти попытки напугать меня до чертиков. Может, условия контракта с клиентом не слишком его устраивали, а может, что еще – но одно я знал наверняка: Эксар был не прочь со мной поторговаться. Я ухмыльнулся ему в лицо. Он понял – даже цвет его лица под слоем грязи чуть изменился.

– И что вы предлагаете? – спросил он и зашелся в новом приступе кашля. – Называйте цену.

– Ну, я полагаю, вы вправе рассчитывать на прибыль. Что ж, справедливо. Пусть будет, скажем, три тысячи сто пять. Те две тысячи семьсот, что вы мне заплатили, плюс полновесные пятнадцать процентов. Что, по рукам?

– Нет, черт возьми! – взвизгнул он. – Я купил у вас три объекта, вы получили от меня три тысячи двести тридцать долларов – и предлагаете мне три сто пятьдесят? Вам бы поднимать цену, приятель, а вы ее сбиваете! И дайте мне выйти – мне некогда! – Он чуть повернулся и оттолкнул меня, да так, что я врезался в противоположную сторону коридора. Черт, и откуда у него столько сил! Он пошел к лифту, а я бросился за ним бегом: моя расписка-то все еще оставалась у него в кармане.

– Сколько вы хотите, Эксар? – спросил я его, когда мы уже спускались в кабине на первый этаж. Пусть назовет свою цену, решил я, а там можно и поторговаться. Тот пожал плечами.

– У меня есть планета и есть покупатель на нее. А вы, приятель, остались на бобах. Снявши голову, по волосам не плачут.

Вот ведь гад! На каждый мой шаг у него находилось чем ответить. Он выписался, и я следом за ним вышел на улицу. Мы шли по Бродвею, а прохожие оглядывались на нас: с чего бы это вполне себе пристойный господин вроде меня прогуливается рядышком с совершеннейшим бомжом. Я воздел руки к небу и предложил ему три триста тридцать, которые получил от него. Он ответил, что не заработает на кусок хлеба, если целый день будет прокручивать вхолостую одну и ту же сумму.

– Может, три четыреста? Ну, то есть, я хотел сказать, три пятьсот?

Он не отвечал, просто шагал дальше.

– Хотите все и сразу? – горячился я. – Ладно, получите сразу – три семьсот. Все до последнего цента. Ваша взяла.

Он продолжал молчать. Я начал беспокоиться. Мне надо было заставить его назвать свою цену – во что бы то ни стало, иначе мне крышка.

– Слушайте, Эксар, давайте не будем дурить друг другу голову. Если бы вы не хотели моих денег, вы вообще не говорили бы со мной. Называйте цену, и я заплачу, сколько бы вы там ни назвали.

Это возымело действие.

– Вы серьезно? Без подвоха?

– Какой, к черту, подвох? Я у вас на крючке.

– Ну что ж. Мне предстоит долгий, долгий путь обратно к моему клиенту. Не вижу, почему бы мне не задержаться на пару минут, чтобы помочь кому-то, попавшему в беду. Дайте подумать... нужно ведь назвать цену, которая была бы справедливой и для вас, и для меня, и вообще для всех. И это... скажем, пусть будет шестнадцать тысяч.

Вот так. И ведь я сам напросился. Эксар посмотрел на мое лицо и засмеялся. Он смеялся так долго, что закашлялся. Чтоб тебе, ублюдок, подумал я. Чтоб тебе до смерти отравиться нашим земным воздухом. Чтоб твои легкие гангрена сгноила. Шестнадцать тысяч – это ровно вдвое больше, чем лежало на моем банковском счету. Этот гад точно знал мой счет – до самой последней декларации. И мысли мои он тоже знал – стопудово.

– Когда собираешься вести дела с кем-то, – произнес он, давясь кашлем, – надо сперва хоть немного о нем разузнать.

– А точнее? – как мог язвительнее сказал я.

– Легко, – кивнул он, продолжая кашлять. – На основном счету у вас семь тысяч восемьсот с мелочью. Еще две на других, доступных вам счетах. Остальное можете занять.

– Вот только этого мне не хватало – погрязнуть из-за вас в долгах.

– Но уж немного-то занять вы можете, – прокашлял он. – Человеку вроде вас – с вашим положением, с вашими связями – ничего не стоит занять небольшую сумму. Я согласен на двенадцать тысяч. Я сегодня добрый. Ну что, двенадцать тысяч?

– Не несите вздор, Эксар. Вы ведь обо мне все знаете, значит, знаете, что я не могу занимать.

Он отвернулся к побелевшей от голубинового помета статуе Отца Даффи перед театром «Палас».

– Беда в том, – скорбно произнес он, – что было бы неправильно возвращаться к клиенту, оставив вас в таком неприятном положении. Это противоречило бы моим принципам. – Он расправил свои содрогающиеся от кашля плечи, словно приготовившись грудью встать на защиту лучшего друга, и ведь он этим гордился! – Что ж, пусть будет так. Я возьму только те восемь тысяч, что у вас есть, и будем в расчете.

– Ага, добренький какой нашелся, натуральная Флоренс, мать ее, Найтингейл! Позвольте-ка вам по-простому все объяснить. Не получите вы от меня восьми тысяч. Какой-нибудь

навар – это ладно... я понимаю, тут придется уступить. Но ни цента из моих кровных, ни за что – ни ради вас, ни ради Земли, фигушки! – Я уже почти орал, так что проходивший мимо коп даже свернул поближе к нам, проверить, что за шум. Я подумал, не позвать ли полицию на помощь, мол, нас грабят инопланетные пришельцы, но понимал, что полагаться придется только на себя самого, замолчал и подождал, пока он отойдет, недоуменно качая головой. И все же мы стояли на Бродвее – что я за маклер, если не уломаю Эксара вернуть расписки?

– Послушайте, Эксар, если ваш клиент завладеет Землей с помощью моей расписки, меня вздернут на первом же столбе. Но жизнь-то у меня одна, и жизнь эта заключается в купле-продаже. И ни купить, ни продать ничего я не смогу без капитала. Отнимите у меня этот капитал, и мне не будет никакой разницы, кто владеет Землей, а кто нет.

– Кому вы, черт подери, лапшу на уши вешаете? – вскинулся он.

– Какая уж тут лапша. Чистая правда. Отнимите у меня капитал, и никакой разницы не будет, жив я или мертв.

Мой последний аргумент его, похоже, пробрал. Нет, правда, когда я дошел до этого места, у меня самого слезы на глаза навернулись. Он поинтересовался, сколько капитала мне нужно – пятисот хватит? Я заверил его, что ни дня не протяну, если у меня не будет в семь раз больше. Он спросил, правда ли я хочу выкупить мою занюханную планетку или у меня день рождения и я жду от него подарка?

– Мне от вас подарков не надо, – буркнул я. – Оставьте свои подарки толстякам – им полезно посидеть на диете.

Ну, и так далее. Мы оба ввали на голубом глазу, изворачивались, клялись всем святым, сбивали и набавляли. Даже интересно стало, кто из нас первым пойдет на попятную. Но никто не уступал. Оба держались до тех пор, пока я не почувствовал, что все, сейчас оба выдохнемся, и подержался еще чуть-чуть. Шесть тысяч сто пятьдесят баксов. Это, конечно, было заметно больше того, что я получил от Эксара. Но на этом мы сошлись. Что ж, могло обернуться и хуже. Впрочем, даже так мы едва не расплевались, обсуждая форму оплаты.

– Ваш банк совсем недалеко отсюда. Мы успеем до закрытия.

– Кой черт бежать, рискуя здоровьем? Мой чек надежен, как золото.

– Кому нужен клочок бумажки? Мне нужны наличные. И только наличные.

В конце концов я все-таки уговорил его взять чек. Я выписал его, он сунул его в карман, а взамен вернул мне все мои расписки. Двадцать за пятерку, мост Золотые Ворота, Азовское море – все до одной. Потом он подхватил свой чемоданчик и пошел прочь по Бродвею, даже не попрощавшись. Такой деловой – бизнес и ничего, кроме бизнеса. Он даже не оглянулся. Деловой, ага. На следующее утро я узнал, что он отправился прямиком в мой банк и проверил, действителен ли мой чек – буквально за пять минут до закрытия.

Ну что вы на это скажете? Одно я знал наверняка: я попал на шесть тысяч сто пятьдесят зеленых. И все из-за того, что заговорил с незнакомцем.

Так вот, Рикардо обозвал меня Фаустом. Колотя себя по лбу, я вышел из банка, позвонил ему, Моррису Мешку и предложил пообедать. Мы встретились в дорогом ресторане, который выбрал Рикардо, и я рассказал им все с начала и до конца.

– Вы – Фауст, – заявил Рикардо.

– Какой еще Фауст? – удивился я. – Кто такой Фауст? И почему именно Фауст?

Тут ему, само собой, пришлось рассказать нам все про Фауста. Ну да, я Фауст, только новый, американский Фауст двадцатого века. Все другие, прошлые Фаусты, типа, хотели все знать, ну, а я хотел всем владеть.

– Да ничем я не завладел, – поправил я его. – Наоборот, потерял. Шесть тысяч сто пятьдесят баксов потерял.

Рикардо расхохотался и откинулся на спинку кресла.

– О мое милое золото! – произнес он негромко. – О мое милое золото!

– Чего?

– Это цитата, Берни. Из «Доктора Фауста» Марло. Я забыл, как там дальше, но эти слова точно подходят: «О мое милое золото!»

Я перевел взгляд с него на Морриса Мешка, но по его лицу вообще никогда не поймешь, удивлен он или нет. Подумать, так он похож на профессора даже больше, чем Рикардо, – в его-то мешковатом твидовом костюме от Херриса и с его задумчивым, не от мира сего взглядом. Рикардо, скажем так, для профессора выглядит слишком уж аккуратно. Одно точно: две их башки, вместе взятых, варят так, что лучше не бывает. Именно поэтому за обед платил я, несмотря на все свои финансовые потери с Эксаром.

– Моррис, скажи честно. Ты его понял?

– А чего тут понимать, Берни? Цитату про милое золото? Ответ в самой цитате.

Я перевел взгляд обратно на Рикардо. Тот как раз ел сладкий итальянский пудинг. Целых два бакса – вот сколько стоит такое в этом заведении.

– Допустим, – продолжал Моррис Мешок, – он пришелец. Допустим, он прилетел к нам откуда-то из космоса. Пусть так. А для чего ему тогда американские доллары? По какому курсу они у них там идут? Сколько стоит доллар в сорока или пятидесяти световых годах отсюда?

– Ты хочешь... хочешь сказать, что они ему нужны для каких-то покупок здесь, на Земле?

– Абсолютно верно, именно это. Вопрос в том, какого рода покупки. Чего такого есть у нас на Земле, что могло бы ему пригодиться?

Рикардо покончил со своим пудингом и промокнул губы салфеткой.

– Мне кажется, вы на верном пути, Моррис, – сказал он, и мне снова пришлось повернуться в его сторону. – Мы можем исходить из предположения, что его цивилизация значительно опережает нашу в развитии. Настолько, что не считает нас готовыми узнать об их существовании. Настолько, что наша примитивная Земля не может не находиться у них под запретом – настолько строгим, что нарушить его осмелятся только самые закоренелые преступники.

– Откуда же там взяться преступникам, если они такие развитые?

– Где есть законы, Берни, там есть их нарушители – это так же верно, как то, что где есть куры, там есть яйца. И уровень развития цивилизации здесь ничего не значит. Кажется, я начинаю понимать, кто такой этот ваш Эксар. Беспринципный авантюрист, такая космическая разновидность тех головорезов, которые бороздили воды Тихого океана сто с небольшим лет назад. Случалось, корабль налетал на коралловые рифы, и тогда искателю приключений из Бостона приходилось жить с примитивными, отсталыми туземцами. Остальное, думаю, вы и сами можете додумать.

– Нет, не могу. И с вашего позволения, Рикардо...

Тут Моррис Мешок заявил, что хочет еще бренди. Я заказал. На лице его появилось нечто, настолько близкое к улыбке, насколько это вообще возможно для Морриса Мешка, и он доверительно придвинулся ко мне.

– Рикардо все верно уловил, Берни. Поставь себя на место этого Эксара. Он сажает свой корабль на глухую планетку, около которой даже близко находиться по закону нельзя. Он мог бы кое-как починить свое корыто с помощью того, что можно здесь достать, – но для этого ему сперва надо все необходимое купить, а как? Малейший шум, малейший конфликт – и галактическая полиция, или кто там у них, загребет его в свои объятия, стоит ему выйти обратно в космос. Представь, что ты – Эксар; как бы ты поступил?

– Занялся бы меной и торговлей. Медными браслетами, бусами, долларами – всем, что под руку подвернется, чтобы вести торг с туземцами. Менял бы, торговал бы – до тех пор, пока не соберется нужная сумма. Может, начал бы с какого-нибудь ненужного бортового оборудования, потом бы нашел чего-нибудь еще, интересующего туземцев. Но это ведь чисто земной деловой подход... все эти маклерские штучки...

– Берни, – заверил меня Рикардо. – Вот на том самом месте, где стоит сейчас фондовая биржа, индейцы когда-то меняли красивые ракушки на бобровые шкуры. Уверяю тебя, в мире у Эксара наверняка тоже занимаются бизнесом, но по сравнению с его самыми простенькими формами наши биржевые махинации все равно что детские игрушки.

Что ж, эта мысль заслуживала изучения.

– Выходит, я был обречен с самого начала, – пробормотал я. – Этот гребанный звездный супермен сделал меня, как младенца, провел, как татуированного дикаря.

Рикардо кивнул.

– Бизнесменом-Мефистофелем, бежавшим от грома небесного. Ему достаточно было еще один, последний раз удвоить свои деньги – и он мог уже ремонтировать корабль. Зато в его распоряжении были фантастические познания по части бизнеса.

– Рикардо хочет сказать, – донесся до меня голос Морриса Мешка, – что парень, который тебя сделал, значительно выше тебя классом.

Плечи мои сами собой ссутулились от этого приятного известия.

– Черт подери, – сказал я. – Какая разница, кто на тебя наступил, лошадь или слон. Все одно раздавит. – Я расплатился по счету, постарался взять себя в руки и ушел. А потом задумался, так ли все было на самом деле. Обоим нравилось видеть во мне межпланетного лузера. Рикардо гений, Моррис Мешок тоже дьявольски проницателен, ну и что? Идеи у них отличные, да. А как насчет фактов?

Так вот вам факты. В конце месяца я получил банковский отчет с погашенным чеком – тем, что я выписал Эксару. Им расплатились в большом магазине на Кортленд-стрит. Я знаю этот магазин. Сам имел с ними дела. Я отправился туда и как следует порасспрашивал. Они торгуют всякой списанной электроникой. Вот ее, по их словам, Эксар и купил. Огромную партию транзисторов и трансформаторов, сопротивлений и печатных схем, вакуумных трубок, проводов, инструментов и прочего. Почти навалом, без всякой системы, сказали мне. У их клерка сложилось впечатление, будто тот собирался что-то срочно ремонтировать, и что тот покупал все, хоть отдаленно похожее на то, что для этой работы нужно. И заплатил уйму денег за доставку – по адресу какого-то захолустья в Северной Канаде. Вот этим фактам я верю целиком и полностью.

А вот еще факт. Я сказал уже, что имел дело с этим магазином. Дешевле его в наших краях не найти. А почему, скажите на милость, они продают все так дешево? Потому что они задешево и покупают. На качество товара им плевать; все, что их интересует, это сколько на этом можно выиграть. Я сам продал им кучу электронного хлама, который не мог сбавить никому другому. Всякие неликвиды, брак, все такое. Самое что ни на есть подходящее местечко для того, чтобы продать то, что уже отчаялся продать, – хлам, который и сам купил почти даром.

Ну, вы поняли? При мысли об этом мне сразу полегчало.

Я представляю себе Эксара где-то там, в космосе. Он починил свой корабль настолько, чтобы лететь дальше, и теперь направляется куда-то, где можно нагреть очередного простака на кругленькую сумму. Моторы жужжат, корабль несется вперед, а он сидит с широкой ухмылкой на грязном лице при воспоминании о том, как облапошил меня, как легко ему это удалось. Да какая там ухмылка – он просто животик надрывает! И тут вдруг раздается скрежет и воздух наполняет запах гари. Блок, управляющий носовым двигателем, закоротило, и движок идет вразнос. Эксару становится не по себе. Он включает резервные блоки. Резервные блоки не врубаются – хотите знать, почему? У вакуумных трубок давно истек срок годности. Бум! Тут и кормовой двигатель замкнуло. Хлоп! Это поплавился где-то в глубине корпуса бракованный трансформатор.

И вот он сидит где-то там, в миллионах миль отовсюду, вокруг него космическая пустота, а запчастей нет, инструменты только что не крошатся у него в руках – и ему некого позвать на

помощь. Ни души. А вот он я, расхаживаю по своему кабинету шесть на девять, и теперь уже я надрываю животик. Потому что пусть это всего лишь вероятность, но все же может выйти так: то, что сломалось у него в корабле, – это детали, вошедшие в одну из тех партий электронного хлама, которые продал в тот магазин я, Берни по прозвищу Фауст.

Это все, о чем я прошу. Пусть все так и будет. Фауст. Что ж, будет ему Фауст. Хотел Фауста? Получи, голубчик!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Рассказы вроде «Детской игры» или «Плоскоглазого монстра» я в первый раз читал только после того, как дописал их до конца, – да и о том, что происходило на каждой очередной странице, я узнавал только перед тем, как взяться за следующую. Однако в случае «Берни по прозвищу Фауст» я использовал технологию, которую называю «глубокими раскопками». Лестер дель Рей рассказал мне историю газетного репортера, который во времена Великой депрессии предлагал людям двадцатидолларовую бумажку за один доллар – и не нашел ни одного желающего. Мы оба нутром чуяли, что из этого может получиться рассказ, и он предложил мне разработать сюжет, если у меня выйдет. На протяжении нескольких лет я предпринял ряд попыток, и в конце концов – в 1960-м – что-то начало вырисовываться. Я писал и писал страницу за страницей в надежде узнать, о чем хочет мне рассказать эта история. Я назвал этот опус «Телевикториной», и когда я добил первый вариант, он оказался длиной в тридцать три тысячи слов и рвался в разные стороны, как обезумевшая лошадь. Но я все же выбрал симпатичное мне направление и начал все заново – на сей раз под названием «Берни по прозвищу Фауст». Этот вариант вышел длиной двадцать пять тысяч слов, что было слишком мало для повести, но чересчур много для рассказа – другими словами, это нереально было продать ни одному из тогдашних научно-фантастических журналов. Спустя еще пару месяцев усушки и утруски я обжал «Берни» до двенадцати с полтиной тысяч слов, что уже вполне укладывалось в рамки рассказа. Я отослал его моему тогдашнему агенту, одной из самых влиятельных фигур на научно-фантастическом горизонте, обещавшей продать меня «Харперз», «Нью-Йоркеру» и прочим подобным; этот рассказ она прислала мне обратно. «Не рви это на клочки, Фил, – сказала она мне. – Напротив, храни это как зеницу ока, чтобы иногда смотреть на это и спрашивать самого себя: «Как я, талантливый писатель-профессионал, смог написать такое г...но?» Я не стал спорить, но предпринял ряд попыток окупить проделанную работу, отослав рассказ в редакции журналов, с которыми обычно имел дело, – от «Галактики» до всякой мелочи, платившей за слово не четыре цента, а цент, а то и половину. Все до единого отфутболили рассказ обратно, и комментарии их варьировались от жалобных до сочувственных. Я нанял себе нового агента, Генри Моррисона. В числе прочего я показал ему – рассыпавшись при этом в извинениях – «Берни». К моему удивлению, рассказ ему понравился. Настолько понравился, что он послал его в «Плейбой». К еще большему моему удивлению, А.С. Спекторски, издательскому директору «Плейбоя», рассказ тоже понравился.

– Спек видит лишь одну проблему, – сообщил мне по телефону Генри Моррисон. – Дело в том, что рассказ для «Плейбоя» все еще великоват. Вот если бы ты сумел урезать его, скажем, до восьми с полтиной... ну, до девяти тысяч слов – вот тогда он его определенно купит.

– Не могу, Генри, – ответил я. – Там ни лишней капли жира не осталось. Убери чего – и все веселье пропадет. Там и так одни кожа да кости.

– Как скажешь. Я не могу просить тебя калечить рассказ. Но как твой агент обязан сообщить тебе, что они видят этот рассказ как титульный. Это означает пять тысяч долларов. Собственно, это все, что я хотел тебе сказать.

Надо сказать, что до тех пор максимальный полученный мной гонорар составлял семьсот баксов – и это за опус объемом в двадцать три тысячи слов. Пять тысяч долларов! Не забывайте, что дело происходило в 1962 году... нет, правда, пять тысяч?

– А мне плевать, – заявила моя жена Фрума. – Что ни говори, а рассказ все равно хороший. Изрежь его на клочки – и, видит Бог, я от тебя уйду.

С чем и отправилась спать, а я пошел в кабинет и предпринял попытку укоротить рассказ. Слово здесь, предложение там, иногда даже целый абзац. Но ничего такого крупного, чем я мог бы пожертвовать, я не находил. Я дошел до конца рассказа, облегчив его на сто десять слов, и начал сначала. Пару слов здесь, предложение или два там, затянутую реплику второстепенного персонажа... А может, ну его вообще, этот персонаж? Разговорчивый аптекарь съезжился до трех кратких упоминаний. Когда Фрума наутро заглянула ко мне, объем рассказа больше не составлял двенадцать с половиной тысяч слов. Больше того, он не насчитывал даже девяти или восьми тысяч. Он ненамного превышал пять с половиной тысяч слов.

– Что ты такое с ним сделал? – удивилась Фрума, дочитав его до конца. – Все удачное в нем осталось. Он даже лучше стал.

Я согласился. Я до сих пор с ней согласен. «Плейбой» купил его за пять тысяч долларов. Его перепечатали несколько сборников лучшей фантастики года в США и Британии. Я до сих пор горжусь своим рассказом о барыге из космоса. В напечатанный здесь рассказ вернулось несколько былых сокращений – пять или шесть сотен слов.

Написан в 1960 г., опубликован в 1963 г.

Мост Бетельгейзе

Расскажи им, Альварес, старина; у тебя это лучше получится. Это не тот пиар, какого бы мне хотелось. Пусть только уяснят суть, ну, и все подробности-шмодробности, какими они были на самом деле. А коль это им не по вкусу придется, пусть их хнычут, все равно расскажи все как есть, своими словами. С самого начала. Можешь начать с того самого дня, когда корабль пришельцев приземлился близ Балтимора.

Тебе не тошно от того, какими лохами мы были тогда, а, Альварес? Прыг да скок, прыг-попрыг, и мы еще думали, что нам свезло. Объясни им хорошенько, почему мы решили, что нам свезло. Объясни, как нам удалось все засекретить глухо-наглухо, расскажи, как фермера, что сообщил по телефону о находке, быстренько изолировали в золотой клетке, как отборные спецназовцы всего за несколько часов оцепили пять квадратных миль так, что мышь не проскользнет, как Конгресс собрался на тайное заседание, а газеты про это и слыхом не слыхали.

Да еще расскажи, как и почему они, стоило ситуации немного проясниться, бросились за советом к Троусону, моему старому препу по социологии. Как тот зажмурился от блеска всяческих кокард, погон и позументов, а потом – хлоп на стол готовое решение.

Меня. Я оказался его решением.

Расскажи, как фэбээровцы выцепили меня со всей моей командой из Нью-Йорка, где мы тихо-мирно себе гребли деньги лопатой, посадили в самолет и отправили в Балтимор.

Скажу без обиняков, Альварес, мне это пришлось не по душе – даже после того, как Троусон все объяснил. Ох, не по сердцу мне эти тайны мадридского двора. Хотя надо ли говорить, что позже я был за это благодарен.

Сам по себе корабль настолько потряс меня, что после этого пришельцам я не так уж и удивлялся. После всяко-разных обтекаемых сигар, которыми нас из года в год потчевали художники воскресных приложений, этот яркий, по-барочному роскошный сфероид, торчавший посреди несжатого ячменного поля в Мэриленде, казался не столько межпланетным кораблем, сколько огромным орнаментом с туалетного столика трехсотлетней давности. И сколько я ни таращил глаза, ничего похожего на ракетные движки не увидел.

– Вон она, твоя работа, – ткнул пальцем проф. – Двое наших гостей.

Они стояли на металлической пластине, окруженной самыми что ни на есть сливками избранных и назначенных лиц республики. Девятифутовая, заостренная сверху слизистая колонна на довольно-таки обширной базе венчалась крошечной бело-розовой скорлупкой. Два отростка с глазами на конце раскачивались туда-сюда и казались достаточно мускулистыми, чтобы, например, задушить человека. А влажная дырка того, что служило у них, должно быть, ртом, виднелась на базе – прямо у металлической платформы.

– Улитки! – не удержался я от крика. – Ей-богу, улитки!

– Или слизи, – согласился Троусон. – В любом случае, брюхоногие моллюски, – он похлопал себя по остаткам седых волос. – Хотя, Дик, не уверен, что эта черепушка круче их в эволюционном отношении. Их раса старше – и, полагаю, мудрее.

– Мудрее?

Он кивнул.

– Когда они увидели, что наши инженеры с ума сходят от любопытства, то радушно пригласили их в корабль. Так те вернулись с открытыми ртами и до сих пор не в состоянии их закрыть.

Мне сделалось немного не по себе. Раздумывая, что да как, я скусил заусенец на ноге.

– Но, проф, если они так отличаются от нас...

– Не просто отличаются. Превосходят. Пойми, Дик, в том, чем тебе предстоит заниматься, это может сыграть важнейшую роль. Лучшие инженерные умы, которых собрали со

всей страны, по сравнению с ними все равно что индейцы с Карибских островов, которым показали ружья и компас. Эти существа принадлежат к галактической цивилизации, в которую входит множество рас, и каждая не менее развита, чем эта. А мы с тобой – отсталые деревенщины с планетки, расположенной в какой-то мышьиной заднице, на задворках галактики, которых еще предстоит исследовать. Ну, или колонизировать – если мы не подтянемся до их уровня. Короче, нам нужно произвести на них самое благоприятное впечатление и быстро научиться всему необходимому. Как можно скорее.

От группы улыбающихся и кивающих, как фарфоровые болванчики, чиновников отделился один, по виду типичный бюрократ с портфелем в руках, и направился в нашу сторону.

– Ух ты, – восхитился я. – Тысяча четыреста девяносто второй год, дубль два! – и осекся, размышляя: в голове у меня до сих пор не все улеглось. – Но за мной-то для чего чуть не всю королевскую конницу посылали? Я ведь не умею читать на языке... языке...

– Бетельгейзе. Девятой планеты в системе Бетельгейзе. Нет, Дик, для решения языковых проблем сюда уже прилетел доктор Уорбери. Английскому они обучились у него за два часа, хотя сам он уже третий день не может разобрать ни одного их словечка. А корифеи вроде Лопеса или Манизера уже на волосок от помещения в психушку, – седьмым потом изошли бедняги, пытаясь обнаружить их источник энергии. Твоя задача в другом. Ты нам нужен как рекламщик высшего класса, как спец по пиару. От тебя зависит, как их у нас примут.

Чинуша подергал меня за рукав, и я отмахнулся от него как от назойливой мухи.

– А разве это не входит в обязанности правительственных рукопожатителей? – спросил я у Троусона.

– Нет. Вспомни, что первое сказал ты, увидев их? Улитки! По-твоему, как примет наша страна улиток – гигантских улиток, – которые будут снисходительно морщить нос при виде наших небоскребов, наших атомных бомб, нашей высшей математики? Мы для них – просто самонадеянные мартышки. И мы до сих пор боимся темноты.

Меня мягко, но по-чиновничьи настойчиво похлопали по плечу.

– Минуточку, – раздраженно бросил я. Теплый ветерок хлопал лапами профессорского пиджака, в котором мой плешивый приятель, по некоторым признакам, изволил почивать. Если вообще он когда-нибудь спал: глаза его заметно покраснели от недосыпа.

– «Могучие Монстры из Дальнего Космоса». Как вам такие заголовки, а, проф?

– «Слизняки с Комплексом Превосходства»... Нет, лучше «Грязные Слизняки». Нам еще повезло, что они приземлились в этой стране. И так близко от Капитолия. Еще пара-тройка дней, и нам придется оповестить глав других государств. А потом, хотим мы того или нет, эта новость очень скоро разлетится по всему свету. И нам ведь не надо, чтобы наши гости подверглись нападению толпы взбесившихся религиозных фанатиков, или изоляционистов, или ксенофобов, или каких-нибудь других маразматиков. Нам не надо, чтобы эти двое вернулись к себе в цивилизацию с рассказами о том, как в них стреляли с криками: «Убирайтесь откуда пришли, слизняки чертовы!» Мы хотим произвести на них впечатление симпатичных, разумных существ, с которыми можно иметь дело.

Я кивнул.

– Угу. Чтобы они основали здесь торговые фактории, а не оккупационные гарнизоны. Но я-то при чем?

Проф легонько постучал по моей груди.

– Ты, Дик, спец по пиару. Ты продашь этих пришельцев американскому народу!

Все это время чинуша маячил у меня перед носом. Я узнал его. Он занимал должность госсекретаря.

– Будьте добры, пройдите со мной, – сказал он. – Мне хотелось бы познакомить вас с нашими дорогими гостями.

Поэтому мне пришлось быть паинькой и пройти с ним, и мы пересекли поле, подошли к платформе и остановились перед брюхоногими гостями.

– Гхм, – вежливо произнес госсекретарь. Ближний слизняк скосил стебелек с глазом в нашу сторону. Другим стебельком похлопал второго слизняка по боку, и тот изогнул слизистую шею (шею ли?) так, чтобы верх ее оказался на одном уровне с нашими головами. Потом существо пошевелило частью основания (щекой?) и раскрыло ротовую щель. Голос его звучал так, словно кто-то дул в дырявую выхлопную трубу.

– Возможно ли такое, чтобы вам захотелось пообщаться с недостойнейшим мною, глубокоуважаемый сэр?

Меня представили. Существо повернуло ко мне и второй глаз. То место, где полагалось бы находиться его подбородку, нырнуло к моим ногам и на мгновение обвилось вокруг них. Потом ротовая щель снова открылась.

– Вы, глубокоученый сэр, именно вы будете нашим краеугольным камнем, связывающим нас со всем, что есть великого у вашей благородной цивилизации. Воистину, ваша снисходительность – огромная честь для нас.

Все, что я смог пробормотать, это «привет» и рефлекторно протянуть ему руку. Слизняк вложил мне в ладонь один глаз, а другим коснулся той же ладони с тыльной стороны. Он не встряхивал моей руки, не пожимал ее – просто коснулся на секунду и убрал эти свои сопливые штуковины прочь. Мне хватило ума не вытереть руку о штаны, хотя рефлекс был силен. Глаз его оказался не то чтобы напрочь мокрый, но и не сухой.

– Постараюсь в меру своих малых сил, – заверил я его. – Скажите, вы что-то вроде послов? Или просто исследователи?

– У наших ничтожеств нету официальных титулов, – ответило существо. – Считайте нас и теми, и другими, ибо всякий, кто ведет переговоры, в некотором роде является послем, и всякий, кто странствует ради познания, – исследователь.

Мне почему-то сразу вспомнилась притча: «Задай дурацкий вопрос – и получишь дурацкий ответ». Еще мне вдруг стало интересно, чем они питаются.

– Вы можете всецело рассчитывать на наше послушание, – прогудел второй пришелец, который тем временем подполз к нам и изучал меня своими отростками. – Мы осознаем всю сложность вашей задачи, и нам хотелось бы, поелику возможно, быть принятыми вашей достойной восхищения расой безо всяких церемоний.

– Сохраняйте такой настрой, и у нас все получится, – сказал я ему.

В целом работать с ними было одно удовольствие. Я хочу сказать, они не выходили из себя, не заносились, не требовали переставить камеру или непременно дать ссылку на только что выпшедшую книгу или газетную статью, выставляющую их в выгодном свете, как это делает обычно большинство моих клиентов. С другой стороны, разговаривать с ними было не так-то просто. Нет, они внимательно слушали то, что им говорили. Но стоило задать им вопрос... любой вопрос. Ну, например: «Долго ли вы летели к нам?» Ответ звучал примерно так: «Вопрос “как долго” на вашем несомненно богатейшем языке означает некую конечную единицу продолжительности. Я затрудняюсь обсуждать столь сложную проблему с таким высокообразованным собеседником, как вы. Скорости перемещения, к величайшему моему сожалению, вынуждают оценивать этот вопрос с релятивистских позиций. Наша отсталая, малоуважаемая планета то приближается к вашей восхитительно прекрасной планетной системе, то удаляется от нее. Необходимо также принимать в расчет направление и скорость перемещения нашей звезды относительно расширения этого сегмента пространственно-временного континуума. Нам было бы проще отвечать на ваш вопрос, прилети мы из созвездия Лебедя или, скажем, Волопаса, ибо эти небесные тела перемещаются по пологой параболе, отклоняющейся от плоскости эклиптики всего на...

Ну, или на вопрос: «Является ли ваше правительство демократическим?» – я получал: «Согласно вашей исключительно богатой этимологии, демократия означает власть народа. Наш скудный язык не способен, однако, охарактеризовать это столь ясно и трогательно. Разумеется, каждый обязан контролировать свои действия. Степень государственного контроля за действиями индивидуума неодинакова и зависит от характера этого индивидуума. Все это настолько очевидно, что мне, право же, неловко повторять это столь просвещенному собеседнику. Этот же контроль, естественно, осуществляется и применительно к индивидуумам, объединившимся в некоторую массу. При встрече с проблемой, касающейся всех в равной степени, у цивилизованных видов имеется тенденция к объединению с целью разрешения этой проблемы. В то же время при отсутствии подобной проблемы отсутствуют и поводы для совместных усилий. Поскольку этот закон применим ко всем цивилизациям, применим он и к нашей. С другой стороны...» – Поняли, о чем я толкую? Все это, конечно, начало меня понемногу доставать. В общем, я был счастлив вернуться к себе в университет.

Правительство дало мне месяц на подготовительную пропаганду. Вообще-то они планировали объявить обо всем через две недели, но я пал перед ними на колени, умоляя о сроке в пять раз больше. Они дали месяц. Объясни это как следует, Альварес. Я хочу, чтобы до них таки дошло, с какой работой я столкнулся. Мне предстояло нейтрализовать все журнальные обложки, из года в год публиковавшие полураздетых юных красоток, спасавшихся от монстров всех цветов и размеров; все фильмы-ужастики, все романы про инопланетные вторжения, все эти воскресные приложения... – все эти глубоко укоренившиеся предрассудки мне предстояло напрочь выкорчевать. И это не говоря о подсознательной брезгливости большинства людей к обычным, земным слизнякам или даже к таким же людям, но чужестранцам. Троусон помог мне подобрать группу толковых ребят, способных черкать научные статьи, а я надыбал команду мальчиков, которые могли изложить это человеческим языком. В журналы хлынули материалы о том, насколько нас могут опережать в развитии внеземные расы, какого прогресса достигли они в вопросах этики и почему Нагорная проповедь применима и к гипотетическим семиглавым существам. Меня буквально окружали заголовки вроде «Скромные козявки, без которых у нас не было бы садов» или «Гонки улиток – азартное зрелище сегодняшнего дня», а уж от таких, как «Все живые существа – братья!» я начинал ощущать себя неловко даже на вегетарианских обедах. До меня доходили слухи о том, что в те дни наблюдался ажиотажный спрос на минеральную воду и витаминные драже... И все это, заметьте, еще до того, как в прессу просочилось хотя бы слово о том, что происходило на самом деле. Один колумнист накопал довольно толковую статейку насчет того, что слухи о летающих тарелках, возможно, имеют под собой основание, однако после получасовой беседы с кем надо в полутемном архиве отпечатков пальцев раздумал развивать эту тему дальше. Больше всего проблем доставила нам подготовка телешоу. Не думаю, чтобы я смог повернуть все в срок, не будь у меня поддержки государства со всем его влиянием и неограниченными финансами. Зато за неделю до намеченного срока я запустил в производство не только телешоу, но и серию комиксов. Над последним проектом работали, кажется, четырнадцать (хотя, может, и больше) лучших юмористов страны – не говоря уже о толпе рядовых иллюстраторов и всяких там университетских психологов, совместными усилиями родивших несколько очаровательных, покрытых картинками страниц.

Эти картинки послужили основой для кукольного мультфильма, и, думаю, в истории еще не случалось персонажей, которых цитировали бы так же часто, как Энди и Денди. Эти два придуманных слизняка распространялись по Америке как вирусная инфекция; спустя пару дней после премьерного показа только и разговоров было что про их антропоморфную мимику, народ с удовольствием повторял их шуточки и советовал всем друзьям-соседям не пропустить следующую серию («Да их нечего искать, Стив, – они идут по всем программам, аккуратно после обеда»). Ну и, само собой, сопутствующие товары: куклы Энди и Денди для девочек, слизи-самокаты для мальчиков, все – от картинок на бокалах для коктейля до наклеек на холодиль-

ники. Разумеется, большая часть этих сувениров пошла в производство только после Великого Объявления. Потом мы взялись за газетные заголовки. Мы придумали десять штук на выбор. Даже «Нью-Йорк таймс» пришлось напечатать крикливое «НАСТОЯЩИЕ ЭНДИ И ДЕНДИ ПРИЛЕТЕЛИ С БЕТЕЛЬГЕЙЗЕ», под которым красовалось огромное, на четыре колонки фото белокурой Бэби Энн Джойс в обнимку со слизняками. Бэби Энн выдернули ради этого фото аж из самого Голливуда. Она стояла между пришельцами, нежно держа их за глазные отростки.

Имена прижились. Эти двое скользких интеллектуалов с другой звезды даже переплюнули по упоминаемости в прессе младежского евангелиста, которого как раз в это время судили за двоеженство. Энди и Денди были приняты в Нью-Йорке на ура. Они послушно заложили первый камень в фундамент новой университетской библиотеки в Чикаго. Они покорно позировали для выпусков новостей в обществе Мисс Апельсин из Флориды, Мисс Картошка из Айдахо или Мисс Пиво из Милуоки. Они проявили восхитительную готовность к сотрудничеству. Но время от времени меня все-таки посещала мысль: а что они думают о нас? По выражению лиц этого было не разобрать – в связи с отсутствием, собственно, самих лиц. Их длинные глазные отростки поворачивались туда-сюда, пока их везли по заполненному визжащей толпой Бродвею на заднем сиденье положенного мэру лимузина, по их желеобразным телам время от времени пробегала волна, а ротовые отверстия издавали чмокающие звуки, однако, когда фотографы предложили им обвить вокруг почти обнаженных красоток (на сей раз для шоу Малибу-Бич), Энди и Денди подчинились без единого слова (чего я не могу сказать о красотках). А когда питчер-чемпион подарил им бейсбольный мяч с автографом, они серьезно поклонились, блеснув розовыми скорлупками на солнце, и прогудели в батарею микрофонов: «Во всей Вселенной нет болельщиков счастливее нас!»

– Но мы не сможем держать их здесь долго, – предсказывал Троусон. – Читали, что творилось вчера на Генеральной Ассамблее ООН? Нас обвинили в тайном сговоре с инопланетным агрессором, нацеленном против интересов нашего же собственного биологического вида!

Я пожал плечами.

– Да пусть летят за океан. Я сомневаюсь, что кому-то удастся выжать из них больше информации, чем нам.

Троусон уселся на краешек своего огромного профессорского стола, взял с него пачку машинописных листов и сморщился, словно в рот ему попал комок шерсти.

– Четыре месяца осторожных расспросов, – буркнул он. – Четыре месяца кропотливой работы лучших психологов, пользовавшихся каждой свободной минутой пришельцев... которые, надо признать, выдавались не слишком часто. Четыре месяца головной боли... – Он с отвращением швырнул пачку на стол; листы разлетелись, и часть их оказалась на полу. – И в итоге о социальной структуре Бетельгейзе IX нам известно даже меньше, чем об Атлантиде!

Мы с ним сидели в секторе Пентагона, отведенном тому, что военные шишки в свойственной им гениальной манере прозвали «Операцией Энциклопедия». Я слонялся по огромному, хорошо освещенному кабинету, время от времени бросая взгляд на стену, где висела огромная таблица наших достижений. Или их отсутствия.

Я ткнул пальцем в прямоугольник с надписью «ПОДСЕКЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ», соединенный прямой линией с прямоугольником побольше; тот назывался «СЕКЦИЯ ИНОПЛАНЕТНЫХ ФИЗИЧЕСКИХ НАУК». На меньшем прямоугольнике мелкими буквами значились имена армейского майора, капрала женского армейского корпуса, а также докторов Лопеса, Винте и Манизера.

– Как там дела у них? – поинтересовался я.

– Боюсь, ненамного лучше, – вздохнул Троусон. – По крайней мере, мне так показалось по тому, какие пузыри пускал Манизер в свою ложку сегодня за обедом. Вы же знаете, началь-

ство не одобряет контактов между разными подсекциями. Но я помню Манизера по университетским временам: он всегда пускал пузыри в суп, когда у него что-нибудь не получалось.

– Вы думаете, Энди и Денди считают нас недостаточно взрослыми, чтобы играть со спичками? Или, может, думают, что у обезьяноподобных тварей вроде нас слишком противный вид, чтобы пригласить в их высокосовременную цивилизацию?

– Честно, Дик, не знаю, – проф вернулся за свой стол и принялся собирать бумаги. – Если так, зачем бы им вообще пускать нас в свой корабль? Зачем серьезно и вежливо отвечать на все наши вопросы? Вот только если бы их ответы как-то состыковывались с нашей терминологией! Однако они так сложны, я бы даже сказал, ребята с артистическим складом ума, так полны поэтической сентиментальности и хороших манер, что извлечь из их пространственных, многословных объяснений математическую или механическую составляющую практически невозможно. Иногда, когда я думаю об их в высшей степени рафинированных манерах и явном отсутствии интереса к нашему общественному устройству, когда вспоминаю их звездолет, похожий скорее на резную костяную безделушку, на изготовление которой уходит целая жизнь... – Он замолчал и принялся рыться в своих записях с ожесточением карточного шулера, пытающегося найти подвох в чужой колоде.

– Может, наш язык просто слишком беден для того, чтобы их понять?

– Да. Вообще-то мы это давно подозревали. Согласно Уорбери, качественный скачок в развитии нашего языка произошел с появлением технических словарей. Он утверждает, что этот процесс, который у нас только-только еще начинается, влияет не только на нашу речь, но и на концептуальный подход к проблеме. И разумеется, у цивилизации, настолько опережающей земную... Вот если бы мы могли найти хоть какой-нибудь раздел их наук, отдаленно напоминающий наш!

Мне даже стало жаль его, так скорбно он моргал своими умными глазами под толстыми линзами очков.

– Держитесь бодрее, проф. Может, ко времени, когда старина Брюхоног и его кореш вернутся из мирового турне, вы продвинетесь во всей этой лабуде, и мы сможем перейти от этого «Мой есть друг; ваш прилетать из-за море большой крылатый птица, в какой мы есть залезать» к чему-нибудь более внятному.

Вот, Альварес, мы и добрались до сути. Я, конечно, не великий ученый; я простой рекламщик, но подобрался к ней вплотную. Мне бы произнести это в тот день – это или что-нибудь в таком роде. Тогда бы тебе не пришлось смотреть на меня так, сочувственно вздыхая. Хотя, если подумать, Троусон не один смотрел не туда, куда надо. Уорбери. Лопес, Винте и Манизер – все они хороши. Ну, и я за компанию.

Когда Энди и Денди отправились за границу, у меня выдалась, наконец, возможность немного расслабиться. Не то чтобы у меня не осталось совсем никаких дел, но теперь с ними работало правительственное ведомство, а мы могли лишь время от времени подкидывать им совет-другой. По большей части все сводилось к телефонным разговорам с зарубежными коллегами, которым мог пригодиться мой опыт по части продаж Парней-с-Бетельгейзе. Им, конечно, приходилось адаптировать все к местным фобиям и расхожим мифам, но даже так им было легче, чем мне, – не забывайте, я вообще не имел ни малейшего представления о том, чего можно ждать от наших гостей. Я даже не знал тогда, что эти слизни окажутся такими тихонями.

Я читал о них в газетах. Едва ли не каждый день в них печатали снимки – то прием у Микадо, то вежливое восхищение красотой Тадж-Махала. Ну, конечно, они не так лицеприятно отозвались о пакистанском ахуне – с другой стороны, вспомните только, как отозвался о них сам ахун... В общем, они старались вести себя так везде: отвечать чуть любезнее, чем обращались к ним. Вот, например, когда их на Красной площади наградили свежиспечеными побрякушками (Денди получил Орден Межпланетной Дружбы Народов, а Энди – Золо-

тую Звезду Героя Межпланетного Труда), они разродились длинной прочувствованной речью о научной ценности коммунистического правления. В результате на Украине и в Польше их встречали восхищенные толпы с цветами в руках. И все-таки самый теплый прием ждал их в Соединенных Штатах.

Однако прежде, чем я снова загрузил свою команду сверхурочной работой, редактируя пресс-релизы выступления пришельцев на совместном заседании палат Конгресса или посещения Музея Гражданской войны в Уэлли-Фордж, те успели еще отметить в Берне, сообщив швейцарцам, что только свободное предпринимательство могло породить йодль, точные часовые механизмы и вообще эту расчудесную альпийскую свободу. Ко времени их приезда в Париж я сумел-таки взять народную любовь под контроль, хотя то там то здесь нет-нет да и выскакивал какой-нибудь таблоид с недовольным бурчанием насчет их восторгов по поводу французской столицы. Впрочем, Энди с Денди и там ухитрились устроить сюрприз.

До сих пор меня терзают тяжкие сомнения в том, действительно ли им настолько понравилась та абстракция Де Роже. Одно остается фактом: они купили эту мраморную раскоряку, а поскольку наличности французской у них не было, заплатили за нее крошечной, с палец размером шукувиной, которая плавила камень, придавая ему нужную форму, – даже не касаясь поверхности материала. Де Роже радостно выкинул в помойку все свои резцы, долота, скarpели и прочие царapки, а шесть величайших ученых Франции загремели в больницу с нервным срывом, пытаясь понять принцип действия этой шукувины.

Газеты, разумеется, вышли с аршинными заголовками:

ЭНДИ И ДЕНДИ ПЛАТЯТ ЩЕДРО!

Бизнесмены с Бетельгейзе инвестируют в высокое искусство!

С особым удовольствием газеты описывали коммерческую этику наших гостей из далекого космоса. Хорошо понимая универсальный закон соотношения спроса и предложения, эти представители ушедшей далеко вперед экономической системы решительно отказывались от подарков. Ох, если бы другие представители человеческой расы вовремя распознали то, что за этим кроется...

В общем, когда они после приема при дворе британской королевы вернулись в Штаты, их ожидали восторженные заголовки в газетах, приветственный рев сирен в Нью-Йоркском порту и торжественная встреча на ступенях мэрии. И хотя народ вроде как по привычке к ним, они всякий раз ухитрялись отчебучить чего-нибудь этакое. Помнится, фирма по производству политуры сумела втюхать им свой товар в рамках рекламной акции, после чего пришельцы объявили, что просто счастливы тем, как блещут после полировки их скорлупки, а на вырученные за рекламу деньги купили десяток редких орхидей, которые тут же закатали в пластик. Ну, а потом настал день...

Сам я пропустил эту передачу, потому что пошел на повторный показ одного из любимых чаплинских фильмов, и весь шум и гам, разразившийся на этом шоу со знаменитостями, догнал меня только утром. Понятия не имею, как долго Билл Банкрофт заманивал к себе Энди с Денди и чего он ожидал от этой программы, но результат вышел – мало не покажется.

В реконструированном и очищенном от эмоций виде все выглядело примерно так: Банкрофт поинтересовался, сильно ли соскучились наши гости по дому, женам и ребятишкам. Энди терпеливо – возможно, в тридцать четвертый раз – объяснил, что, поскольку они гермафродиты, семьи в человеческом понимании этого слова у них нет. Но есть ведь все-таки что-то, что тянет их домой, не успокаивался Банкрофт.

– Пожалуй, в первую очередь ревитализатор, – вежливо ответил Энди.

– Ревитализатор? Что за ревитализатор?

– А, это такое устройство, которым мы пользуемся примерно раз в десятилетие, – безмятежно ответил Денди. – У нас на планете их много – по меньшей мере одно на каждый крупный город.

Банкрофт отпустил очередную плоскую шутку, дождался, пока шум в зале чуть поутихнет, и задал следующий вопрос:

– А этот ваш ревитализатор – что он вообще делает?

Энди пустился в пространное объяснение, из которого, однако, сделалось ясно, что ревитализатор выкачивает из клеток цитоплазму, очищает и обновляет ее.

– Ясно, – прокаркал Банкрофт, – обновляет. А что, скажите, получается в результате этого обновления?

– О, – все так же безмятежно отвечал Денди. – Можно сказать, в результате мы не боимся заболеть раком или другими подобными заболеваниями. И в дополнение к этому регулярное очищение и восстановление клеток с помощью ревитализатора в несколько раз продлевает наш жизненный цикл. Мы живем раз в пять дольше, чем нам полагалось бы. Собственно, смысл пользования ревитализатором в этом и заключается.

– Да, можно сказать, примерно так, – согласился Энди, немного подумав.

Гром! Молния! Шум на весь мир! Наутро газеты на всех языках – включая скандинавские – писали только об этом. В Штаб-квартире ООН, оцепленной двенадцатью поясами кордонов, всю ночь горел свет. Когда же Генеральный секретарь Ранви спросил у гостей, почему те не упоминали о ревитализаторах прежде, те пожали плечами (или чем там положено пожимать у слизняков) и ответили, что их, типа, никто об этом не спрашивал.

Президент Ранви поперхнулся и помахал в воздухе своими длинными коричневыми пальцами, как бы отметая прочь сомнения и потенциальные сложности.

– Все это неважно, – заявил он. – Уже неважно. Нам нужны эти ваши ревитализаторы.

Похоже, до пришельцев эта мысль дошла не сразу. Когда же они, наконец, поняли, что нам как биологическому виду чрезвычайно соблазнительно продлить жизнь на два или три столетия вместо неполной сотни, то призадумались.

– Видите ли, наша цивилизация никогда прежде не изготавливала этого оборудования на экспорт, – с неподдельным сожалением объясняли они. – Их произведено не больше, чем требуется населению Бетельгейзе. Так что, хотя мы видим, какими полезными оказались бы эти машины для вашей прекрасной планеты, у нас их – лишних – просто нет.

Ранви даже не оглянулся на своих советников.

– Чего бы хотелось вашему народу? – спросил он. – Чего бы вы желали получить в обмен на изготовление этих машин для нас? Мы готовы заплатить почти любую цену – все, что возможно на нашей планете.

По залу Генеральной Ассамблеи прокатилось гулкое «ага!» на полусотне разных языков.

Энди и Денди затруднились с ответом. Ранви умолял их как следует поразмыслить над этим. Он лично проводил их до корабля, который стоял теперь на оцепленном участке Центрального Парка.

– Спокойной ночи, джентльмены, – еще раз произнес Генеральный секретарь ООН. – Прошу вас, постарайтесь найти интересующий вас товар.

Пришельцы оставались в своей тарелке почти шесть дней, на протяжении которых мир сходил с ума от нетерпения. Страшно подумать, сколько ногтей пообкусали за эту неделю два миллиарда населения Земли.

– Только представьте! – шепнул мне Троусон. Он почти что бегом пересекал пространство комнаты, словно готовился одолеть весь путь до Бетельгейзе пешком. – При пятикратной продолжительности жизни мы с вами, Дик, совсем еще дети. Все мои научные достижения, все образование – и ваши тоже! – это лишь начало! Господи, да за такую жизнь запросто

можно освоить пять разных профессий... подумать только, чего мы смогли бы достичь за такую жизнь!

Я кивнул. Я и сам думал о книгах, которые успел бы прочесть, и о книгах, которые успел бы написать, если бы моя жизнь продлилась дольше, а профессия рекламщика оказалась только прелюдией к дальнейшей карьере. Опять же, я еще ни разу не был женат, не заводил семьи. Времени не хватало, вот почему. А теперь, в сорок, вроде как и поздновато уже. Но если сорок – это так, пустяк по сравнению с тремястами...

Спустя шесть дней пришельцы вышли. И назвали цену. Они, мол, полагают, что им удастся убедить свой народ изготовить для нас некоторое количество ревитализаторов, если...

И это «если» оказалось немаленьким. То есть совсем даже не маленьким.

– Видите ли, – почти извиняющимся тоном сообщили они, – наша планета весьма бедна расщепляющимися материалами. Редкие планеты, богатые радием, ураном или торием, давно уже открыты и эксплуатируются другими расами, а нам, скромному народу с Бетельгейзе IX, вести войны за чужие территории не позволяют наши этические принципы. А у вас довольно много радиоактивных руд, которые вы используете преимущественно в военных целях и для медицинских исследований. Первое заслуживает порицания, а второе при наличии ревитализаторов станет просто ненужным.

В общем, в уплату они хотели наши расщепляющиеся материалы. Все, без остатка, как бы незначай добавили они.

Ну да, это нас слегка озадачило, чтобы не сказать – оглушило. Но возможные протесты стихли, даже толком не начавшись. Из всех уголков планеты доносилось оглушительное «Продано!». Отдельные выкрики генералов и лоббистов ВПК мгновенно потонули в этом хоре. Подали робкий голос и ученые, занимавшиеся физикой элементарных частиц, – ну, на тех вообще внимания не обратили.

– Что, наука? Какая наука? Да занимайтесь своей наукой без урана – за триста лет вы, поди, еще и не такого наоткрываете! – примерно так звучало мнение подавляющего (и это мягко сказано) большинства.

Наутро Организация Объединенных Наций превратилась в головной офис всемирной горнодобывающей корпорации. Государственные границы сменились складами необогащенного урана, мечи в срочном порядке перековали на лопаты. Практически все способное держать в руках кирку население записалось добровольцами в шахтеры, посменно – по два-три месяца в году – добывая уран и все такое прочее. Пролетарии всех стран объединились с буржуа. Энди и Денди любезно предложили свою помощь. Они нарисовали на контурных картах места перспективной разработки, пусть раньше повышенной радиоактивности там и не наблюдалось. Они передали нам совершенно фантастические, но при этом хорошо читаемые чертежи устройств для добычи урана из бедных руд и обучили нас если не понимать их устройство, то по крайней мере успешно ими пользоваться. Они не шутили. Они хотели все до последнего грамма. А потом, когда процесс пошел без сучка без задоринки, они улетели на Бетельгейзе исполнять свою часть сделки.

Следующие два года оказались самыми восхитительными в моей жизни. И, думаю, точно так же чувствовали себя все остальные на Земле, правда, Альварес? Осознание того, что весь мир работает сообща, работает радостно и счастливо ради жизни... Лично я завербовался на Большое Невольничье озеро в Канаде, и сомневаюсь, чтобы кто-то моего возраста и сложения выдал на-гора больше урана, чем я.

Энди и Денди вернулись на двух здоровенных кораблях, экипажи которых состояли из безумных слизнеподобных роботов. Собственно, эти роботы и выполняли всю работу, пока Энди с Денди продолжали купаться в лучах славы. В эти свои едва не загораживающие небо корабли роботы со всего мира свозили на странных, спиралевидных летательных аппаратах обогащенные радиоактивные изотопы. Забавно, но никто не удосужился хотя бы вскользь

поинтересоваться методами, которыми они извлекали изотопы из руды; всех нас интересовало только одно: ревитализаторы. Они действовали. И одно лишь это – ну, по крайней мере, по всеобщему мнению – и имело значение. Ревитализаторы работали. Онкологические заболевания исчезли, словно их вовсе не было; с заболеваниями сердца или печени тоже расправились довольно быстро. Насекомые, которых поместили для опытов в приземистый лабораторный корпус, прожили не пару недель, а целый год. Ну, а потом настал черед людей – врачи только головами качали, обследуя тех, кто уже прошел ревитализацию. По всей планете, в каждом более-менее крупном городе выстроились длинные молчаливые очереди к зданиям с ревитализаторами, которые очень скоро превратились в нечто большее, чем просто медицинские центры.

– Храмы! – восклицал Манизер. – К ним относятся как к храмам! На ученых, которые пытаются разобраться в принципе их действия, смотрят как на опасных психопатов, вламывающихся в детскую. И эти их крошечные моторы... я даже не спрашиваю больше, какая энергия приводит их в движение – я спрашиваю, есть ли у них вообще источник энергии!

– Поймите, – урезонивал его Троусон. – Сейчас, на первых порах, к ревитализаторам относятся как к величайшей ценности. Подождите немного, страсти улягутся, и вы получите возможность изучать их в свое удовольствие. А может, они работают на солнечной энергии?

– Нет! – решительно мотнул массивной башкой Манизер. – Это определенно не солнечная энергия – уж ее-то я быстро бы распознал. И я совершенно уверен в том, что их корабли – на чем бы там они ни летали – и эти ревитализаторы принципиально отличаются по используемой ими энергии. Насчет кораблей у меня вообще нет ни малейших догадок. А с ревитализатором, думаю, я смог бы разобраться. Если бы меня только допустили к одному из них... Вот идиоты! Так боятся, что я поломаю их драгоценную игрушку, и тогда им придется переться за эликсиром в соседний город!

Мы сочувственно похлопали его по плечу, но не могу сказать, чтобы меня его проблемы слишком уж волновали.

Энди и Денди улетели на той же неделе, по обыкновению велеречиво пожелав нам благополучия и доброго здоровья. Чуть ли не все население планеты провожало их под завязку набитые радионуклеидами корабли воздушными поцелуями.

Спустя шесть месяцев ревитализаторы перестали действовать.

– Я все правильно понял?

Глядя на мое полное сомнений лицо, Троусон только кивнул.

– Свежая статистика подтверждает: смертность вернулась к уровню, державшемуся до появления гостей с Бетельгейзе. Или спросите любого врача... ну, не любого, а того, кто не связан ооновской подпиской о неразглашении. А когда об этом станет известно прессе, помяните мое слово, Дик, грянут беспорядки, и нешуточные.

– Но почему? – изумился я. – Что мы сделали не так?

Он расхохотался и смеялся долго, а затем оборвал эту вспышку чувств, лязгнув зубами. Потом встал и подошел к окну, за которым черноту небосвода сглаживало мягкое сияние звезд.

– Мы сделали не так только одно. Но – непоправимое. Мы им доверились. Мы совершили ту же ошибку, которую допускают все отсталые туземцы при встрече с более продвинутой цивилизацией. Манизер с Лопесом раскурочили-таки одну машину. И нашли источник энергии. Ее там почти не осталось, но для анализа хватило. Дик, мальчик мой, знаете, на чем она работала? На исключительно высокообогащенных радиоактивных элементах!

Потребовалась минута, а то и две, чтобы эта мысль достучалась до моего сознания. Потом я медленно, очень медленно опустился в кресло и открыл рот. Первые звуки, изданные мной, напоминали скорее сиплое кваканье, но в конце концов мне удалось выдавить из себя:

– Проф, вы хотите сказать, вся эта расщепляемая ерунда была нужна им самим? Для их собственных ревитализаторов? И все, что они делали на нашей планете, было тщательно

продумано и спланировано? Чтобы они смогли вежливо и даже обаятельно обвести нас вокруг пальца? Но ведь это не... да нет, этого просто не может быть... с их-то продвинутой наукой они могли бы при желании завоевать нас как голых дикарей. Они могли бы...

– Нет, не могли бы, – возразил Троусон. Он отвернулся от окна и смотрел на меня, скрестив руки на груди. – Они старая, вырождающаяся раса, они не стали бы даже пытаться покорить нас силой. Не в силу этических принципов – вся эта грандиозная афера отлично характеризует их с этой стороны – но потому лишь, что им недостает для этого энергии, целеустремленности, да и просто интереса. Энди и Денди, возможно, одни из немногих оставшихся представителей своего вида, которые хоть как-то годны на то, чтобы разводить отсталых дикарей на жизненно необходимое им горючее для ревитализаторов.

В голове моей начали складываться картины возможных последствий. Я – тот человек, кто приложил максимум усилий к формированию положительного образа пришельцев; что станет со мной, если меня хоть каким-то боком свяжут с этой историей?

– А ведь без атомной энергии, проф, нам не видать космоса как своих ушей!

Он с горечью отмахнулся.

– Нас облапошили, Дик. Всю человеческую расу. Я догадываюсь, каково придется тебе, но подумай обо мне! Я главный простофиля, я виноват во всем. И ведь социология – мой хлеб! Как мог я не разглядеть подвоха! Как? Все признаки были налицо: отсутствие интереса к собственной культуре, чрезмерная интеллектуализация эстетики, гипертрофированный этикет... Даже первое, что мы у них увидели – корабль – избыточно декорирован для молодой, напористой цивилизации. Они совершенно определенно вырождаются; если подумать хорошенько, так все указывает на это. Одно то, чем они питают свои ревитализаторы – ну никак не тем, что мы ожидали... Да будь у нас их наука (хотя не факт, что мы вообще когда-нибудь достигнем их уровня), мы наверняка бы придумали что-нибудь рациональнее! И безопаснее. Стоит ли удивляться тому, что они не могли объяснить нам принципы своей науки – сомневаюсь, чтобы они сами хорошо понимали ее. Господи, да они просто расточительные, неадекватные и вороватые наследники некогда великой расы.

Меня преследовали собственные темные мысли.

– Но лохами-то в результате все равно оказались мы. Теми самыми лохами, которым расфуфыренные мошенники с Бетельгейзе продали Бруклинский мост.

Троусон кивнул.

– Ну, или кучкой бедных туземцев, продавших свой остров европейцам за пригоршню ярких стеклянных бус.

Но, конечно же, Альварес, мы оба ошибались. Ни я, ни Троусон не ожидали прорыва от Манизера, Лопеса и остальных. Как сказал Манизер, случись все это на несколько лет раньше, мы так и остались бы в заднице. Но человечество вступило в атомную эру еще до сорок пятого года, а люди вроде Манизера и Уинти занимались ядерными разработками еще в те времена, когда Земля изобиловала радионуклеидами. У нас имелись научные данные и такие инструменты, как, скажем, циклотрон или бетатрон. И – с позволения наших нынешних собеседников, Альварес – мы раса молодая и воинственная.

Все, что от нас требовалось, это как следует заняться наукой. И мы ею занялись. А все остальное, Альварес, – эффективное всемирное правительство, население, уже имеющее опыт коллективной работы, да и мотивация утереть нос ублюдкам – лишь помогало решению проблемы.

Мы накопили искусственных радионуклеидов и заправили ими ревитализаторы. Мы создали атомное топливо и работающие на нем космические корабли. Мы провернули все это достаточно быстро, и на этот раз мы целились не на ближнюю перспективу, не на Луну там и даже не на Марс. Нам нужен был звездолет. Он был нужен нам так сильно, так срочно, что мы получили и его. И вот мы здесь.

Объясни им ситуацию, Альварес, – так, как объяснил ее тебе я, только со всеми этими вывертами и экивоками, на которые способен только уроженец Бразилии с двадцатилетней практикой торговли на Востоке. Ты для этого самый подходящий человек – я так говорить не умею. Это единственный язык, который эти вырождающиеся слизни поймут, – значит, так и будем с ними говорить. Поговори с ними, с этими скользкими слизняками, с этими хитрожопыми устрицами без раковин... хотя нет, хитробрюхими, да. И не забудь упомянуть, что запас радионуклеидов, что они нагребли у нас, рано или поздно подойдет к концу. Обрисуй им это понагляднее. Сделай упор на том, что мы научились производить искусственные радионуклеиды и что у них наверняка найдется что-нибудь еще, представляющее для нас интерес сейчас или в обозримом будущем.

Скажи им, Альварес, что пора платить за проезд по тому Бруклинскому мосту, что они нам втюхали.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Этот рассказ – первый (во всяком случае, первый, написанный сознательно) из цикла «Вот идет цивилизация». Где-то в процессе написания «Освобождения Земли» я начал подумывать о серии рассказов, переносящих в будущее, в фантастический антураж то, что происходило в нашей истории, когда высокоразвитые в технологическом отношении культуры встречались с отсталыми в означенном отношении культурами – от ацтеков до таитян, от озера Сад до озера Титикака. Чтобы мы, земляне, стали индейцами с острова Манхэттен, а существа с Бетельгейзе – голландцами, минхеером Петером Минейтом и минхеером Петером Стейвесантом. И как вам, дорогие братья земляне (хотелось мне поинтересоваться), такие ощущения? Я поделился этой идеей с Джоном Кемпбеллом из «Поразительной научной фантастики», но он тогда как раз переживал увлечение дианетикой и попросил ввести в рассказ хотя бы одного положительного персонажа. Гораций Голд давно уже упрашивал меня написать рассказ для его журнала, «Галактики», вот я и позвонил ему, и рассказал, что мне хотелось бы сделать. Он буквально загорелся этой идеей; он сказал, ему хотелось бы напечатать у себя как можно больше юмористических рассказов. Он так жаждал заполучить эти рассказы, что, можно сказать, наступил на горло собственной песне и не делал того, что так бесило меня в наших дальнейших отношениях – пытаться переписать рассказ даже прежде, чем я успевал его закончить. Он сказал только: «Пожалуйста, пришли его ко мне как можно быстрее. Я его куплю, обещаю тебе».

Я написал, и он купил. И все-таки он оставался Горацием Голдом до мозга костей. Он никак не мог не тянуться пальцами к чужому творчеству. При всех бесконечных ссорах и прочих проявлениях вражды с Джоном У. Кемпбеллом, у них очень много общего. Оба относятся к своим авторам как к карандашам, записывающим рассказы, которые они, издатели, сами писать уже разучились. И хотя редакторы они оба великие, в качестве соавторов они не слишком чтобы желанны. Поскольку Горацию тогда, на раннем этапе наших отношений, очень хотелось, чтобы я писал для него и дальше, он внес в «Мост Бетельгейзе» совсем мало правок. Ну там пару-тройку прилагательных в три-четыре предложения... Я был в ярости. Но увы...

Разумеется, у меня оставались копии (на дешевой желтой бумаге под копирку – вам, юные читатели с экрана ноутбука, этого не понять). Но, как и в случае нескольких других моих рассказов, я об этих копиях не слишком заботился. Начать с дешевой желтой бумаги – разве мог кто-нибудь подумать тогда, что эти рассказы войдут со временем в серьезные сборники в твердых обложках? Короче, желтая бумага со временем пожелтела еще сильнее, а потом и вовсе рассыпалась. Я даже не могу вспомнить теперь, какие именно предложения переиначил Гораций. Поэтому вот: рассказ У.Тенна с приправой Горация Эл. Голда. Читайте на здоровье.

Написан в 1950 г., Опубликован в 1951 г.

Не могли бы вы чуточку поторопиться?

Все правильно. Наверное, мне положено испытывать стыд.

Но я писатель, а эта история слишком замечательна, чтобы позволить ей пропасть втуне. Тем более воображение мое иссякло, и я абсолютно не в состоянии придумать сколько-нибудь сносный сюжет; остается лишь придерживаться фактов. Что я и делаю.

Кроме того, рано или поздно кто-нибудь наверняка проболтается («Такие уж мы ненадежные твари», – так, кажется, сказал вилобородый?), почему бы тогда мне самому не поработать на свой карман.

Хотя кто знает, – возможно, на лугу перед Белым домом молока сейчас хоть залейся...

Но буду последователен. Итак, весь август я просидел дома, потев над рассказом, который мне вообще не следовало начинать. И вот однажды в мою дверь позвонили.

Я вскинул голову и громко сказал:

– Входите, не заперто!

Послышался привычный скрип петель. По коридору, которому, благодаря его бесконечности, я обязан тем, что моя арендная плата чуть ниже, чем у остальных жильцов нашего дома, зашлепали шаги. Походка была мне незнакома. Я замер в ожидании, занеся пальцы над клавиатурой пишущей машинки и с интересом поглядывая на дверь.

В комнату вошел маленький человечек, не больше двух футов ростом, одетый в зеленую тунику, едва достигающую ему до колен. У гостя была очень крупная голова, короткая рыжая борода клинышком, высокая остроконечная зеленая шляпа, и он все время бормотал что-то себе под нос. В правой руке он держал предмет, более всего смахивающий на позолоченный карандаш; в левой – скрученный пергаментный свиток.

– Ага, ты, – гортанно произнес он, тыча в мою сторону бородой и карандашом. – Ты, должно быть, и есть писатель?

Я с трудом проглотил ком в горле, но, что интересно, каким-то образом мне удалось утвердительно кивнуть головой.

– Хорошо. – Взмахом карандаша он сделал пометку у себя в свитке. – На этом регистрация закончена. Следуй за мной.

Я попытался протестовать, но он схватил меня за руку – ощущение было такое, словно на мне защелкнули стальные наручники, – благожелательно улыбнулся и потопал вместе со мной к выходу. Время от времени он взлетал в воздух, но, заметив свою оплошность, снова опускался на пол.

– Что?.. Кто?.. – бормотал я, спотыкаясь и то и дело с шумом врезаясь в стену. – Постойте... кто... вы...

– Пожалуйста, не поднимай шума, – воззвал он ко мне. – Предполагается, что ты существо цивилизованное. Если хочешь, задавай разумные вопросы, но только сначала как следует сформулируй их для себя.

Я задумался над его словами, а он тем временем закрыл дверь моего жилья и потащил меня вверх по лестнице. Не могу сказать, насколько хорошо работало его сердце, зато он точно обладал силой по меньшей мере десяти человек. Ощущение было такое, словно моя рука – древко, а я – полощущийся на ветру флаг.

– Нам что, наверх? – спросил я в качестве пробного шара, раскачиваясь над лестничной площадкой.

– Естественно. На крышу. Там мы припарковались.

– Припарковались?

У меня мелькнула мысль о вертолете, затем о метле. А еще был кто-то... как там его?.. ну, который летал на спине орла.

С мешком мусора в руках из своей квартиры вышла миссис Флуджелмен, живущая этажом выше. Она открыла крышку мусоропровода, собралась было кивнуть мне – обычное утреннее приветствие – и замерла, увидев моего спутника.

– Да, припарковались. То, что вы называете летающим блюдцем. – Он заметил удивленный взгляд миссис Флуджелмен и, проходя мимо, воинственно выставил в ее сторону бороду. – Да, именно так я и сказал – летающее блюдце! – рывкнул он в расчете на ее уши.

Миссис Флуджелмен ретировалась в свое жилище с полным мешком мусора в руках и беззвучно закрыла за собой дверь.

Возможно, то, что я обычно пишу ради хлеба насущного, подготовило меня к переживанию подобного рода. Как бы там ни было, услышав его ответ, я почувствовал себя лучше. Карлики и летающие блюдца хорошо сочетаются друг с другом; как молоточек и камертон.

Оказавшись на крыше, я пожалел, что не успел надеть куртку. Очевидно, путешествовать придется с ветерком.

Летающее блюдце – в отличие от тех, которые мы покупаем в магазине, – имело около тридцати футов в диаметре и явно предназначалось не только для осмотра местных достопримечательностей. В центре, где в блюдце имелась выемка, лежала огромная груда коробок и тюков, прикрепленных крест-накрест множеством мерцающих нитей. Там и здесь в этой груде поблескивали совершенно незнакомые мне металлические механизмы без упаковки.

Используя одну из моих верхних конечностей в качестве рукоятки, карлик пару раз крутанул меня и с легкостью зашвырнул в блюдце. Пролетев около двадцати футов, я приземлился точно поверх наваленной груды. Я еще был в воздухе, когда золотистые нити метнулись, обхватили меня, словно эластичная сеть, и скрутили крепче тройки верзил-охранников, обезвреживающих грабителя банка. Метнув меня, как ядро, карлик промычал что-то с энтузиазмом и собрался сам залезть на борт.

Внезапно он остановился и оглядел крышу.

– Ирнгл! – взревел он, как океанский лайнер. – Ирнгл! Бордже модганк!

Барабанная дробь шагов прогрохотала так быстро, что почти слилась в один звук. Десятидюймовый двойник моего могучего спутника – правда, за минусом бороды – перемахнул через ограждение и прыгнул в летающее суденышко. Юный Ирнгл бордже модганкнул, подумал я.

Отец (?) подозрительно посмотрел на него и медленно зашагал в ту сторону, откуда тот прибежал. Остановился и сердито погрозил юнцу пальцем.

Сразу за дымоходом торчала целая гроздь телевизионных антенн, перекошенных по отношению друг к другу. Некоторые вообще оказались старательно скручены вместе; другие завязаны изящными бантами. Сердито ворча и качая головой, так что рыжая остроконечная борода двигалась наподобие маятника, старик развязал узлы и осторожно поправил антенны. Потом он слегка согнул ноги в коленях и без разбега совершил один из самых впечатляющих прыжков, которые мне когда-либо приходилось видеть.

И как только он коснулся днища гигантского блюдца, мы взлетели. Прямо вверх.

Придя в себя настолько, что содержимое желудка больше не просилось наружу, я заметил, что рыжебородый старик управляет движением блюдца с помощью металлического предмета яйцевидной формы, который он держал в правой руке. Когда мы поднялись на приличную высоту, он ткнул «яйцом» в сторону юга, и мы полетели в том направлении.

«Какая-то лучистая энергия?» – гадал я. Хотя, чтобы делать выводы, явно недостаточно информации. И тут меня словно обухом по голове ударило – я ведь так и не задал свои вопросы! Однако вряд ли можно было меня за это ругать. Еще бы, в разгар утра приходит карлик с огромными головой и руками, отрывает вас от пишущей машинки – мало кто в такой ситуации способен ухватить суть проблемы и задать соответствующие вопросы. Но зато теперь...

– Учитывая временное затишье, – начал я в меру бойко, – и тот факт, что ты владеешь английским, я хотел бы прояснить для себя некоторые волнующие проблемы. Например...

– Ответ на свои вопросы получишь позже, а пока заткнись. – Золотистые пряди с привкусом антисептика облепили мне рот, и я почувствовал, что не могу разжать челюсти. Я беспомощно замычал, и рыжебородый сердито посмотрел на меня. – Как они все-таки отвратительны, эти люди! – сказал он и улыбнулся во все лицо. – И как нам повезло, что они так отвратительны!

Остальная часть полета прошла без приключений, если не считать встречи с самолетом, следующим в Майами. Пассажиры, прильнув к иллюминаторам, возбужденно указывали на нас руками и, похоже, что-то кричали, а какой-то толстяк схватил явно не дешевую камеру и успел сделать несколько снимков. К несчастью, заметил я, он не позаботился снять с объектива крышку.

Рыжебородый капитан встряхнул свое металлическое яйцо, я мгновенно ощутил ускорение, и самолет остался далеко позади. Иригл устроился на крыше того, что походило на большой автомат по продаже прохладительных напитков, и показывал мне оттуда язык. Я отвечал ему свирепыми взглядами.

Тут до меня дошло, что маленький озорник сильно напоминал эльфа. А его папаша – теперь уже их родственная связь не вызывала сомнений – смахивал на гнома из немецких сказок. Отсюда следовало, что... что... Я дал своим мозгам целых десять минут на раскачку, после чего сдался. Вообще-то иногда этот метод срабатывает. Самовнушение вместо логики, так я это называю.

Я замерз, но в остальном воспринимал ситуацию как нормальную и ожидал ее дальнейшего развития с интересом и даже гордостью. Быть избранным чужеземной расой – и, кто знает, возможно, единственным представителем от всего населения Земли – ради какой-нибудь важной цели! Оставалось надеяться, что этой целью не была вивисекция.

Как вскоре выяснилось, на этот счет я мог не волноваться.

Спустя недолгое время мы причалили к чему-то огромному, что, в рамках той же терминологии, можно было назвать летающей суповой тарелкой. Мне казалось, что далеко внизу, под всеми этими пухлыми, мягкими облаками лежит штат Южная Каролина. А еще мне казалось, что эти мягкие, пухлые облака искусственные. Наше блюдо целиком прошло сквозь дыру в днище летающей суповой тарелки. Сверху она была накрыта другой такой же, только перевернутой вверх дном, и все вместе представляло собой полый диск около четверти мили в диаметре. Летающие блюда, набитые разнообразными предметами, карликами и людьми, сновали вверх и вниз по широкому пространству между огромными поблескивающими механизмами.

Стало ясно, что насчет своей избранности я ошибался. Вместе нас было много, мужчин и женщин, – хотя в каждом летающем блюде находилось по одному. Наверно, это официальная встреча представителей двух великих рас, решил я. Только почему наши друзья не сделали все как положено – через ООН? Может, встреча неофициальная? Потом я вспомнил комментарии рыжебородого относительно людей и забеспокоился.

Справа от меня полковник с лицом, похожим на масляный бочонок, покусывал карандаш и время от времени делал какие-то заметки. Слева высокий мужчина в сером костюме из гладкой блестящей ткани отогнул рукав, посмотрел на часы и громко вздохнул, явно в нетерпении. Прямо надо мной две какие-то женщины на соприкасающихся краях своих блюд склонили друг к другу лица. Обе говорили одновременно и кивали в такт словам головами.

На каждом летающем блюде имелся по крайней мере один эквивалент моего рыжебородого авиатора. Я заметил, что, хотя женщины-карлицы также имели бороды, все-таки они обладали женственностью; правда, степень ее я бы оценил в половину той, что присуща нашему слабому полу.

Внезапно над нашими головами появилось изображение карлика с рыжей раздвоенной бородой, похожей на вилы. Он подергал по очереди каждую ее половину и улыбнулся всем нам.

– Чтобы скорректировать впечатление, наверняка сложившееся в умах многих из вас, – сказал он, негромко посмеиваясь, – я позволю себе парафразировать вашего великого поэта Шекспира: я здесь с целью похоронить человечество, а не превозносить его.

Вокруг послышалось испуганное бормотание.

– Марс, – донеслось до меня справа, со стороны полковника. – Спорю, что они с Марса. Еще Герберт Уэллс предсказывал это. Грязные красные маленькие марсиане. Ну, пусть только попробуют!

– Красные, – повторил человек в сером костюме. – Красные?

– Вы когда-нибудь... – начала была одна из женщин. – И это способ завязывать знакомство? Никакого воспитания! Типичный иностранец!

– Однако, – невозмутимо продолжал вилобородый, – чтобы похоронить человечество как должно, мне понадобится ваша помощь. Я имею в виду не только собравшихся здесь, но и других вам подобных, которые в этот момент по всему миру на множестве языков слышат мои слова в точно таких же кораблях. Нам нужна ваша помощь, – и, поскольку мы прекрасно осведомлены о некоторых ваших весьма своеобразных талантах, мы абсолютно уверены, что получим ее!

Он дождался, пока лес из поднятых кулаков, раскачиваемый шквалом проклятий, утих; выждал, пока присутствующие в аудитории противники негров и евреев, католиков и протестантов, англофобы и русофобы, вегетарианцы и фундаменталисты в образных выражениях причислили двухбородого каждый к своей собственной группе, которую ненавидели, и смешали с грязью.

Затем, когда настал период относительного затишья, мы услышали следующий откровенный в своей грубости рассказ, произнесенный с оттенком презрения, хотя и не без красочных выражений.

Вокруг нашей жалкой системы с девятью планетами существует огромная и сложная галактическая цивилизация. Множество различных видов входящих в нее разумных существ объединились в мирную федерацию с целью торговли и взаимного прогресса.

В этой федерации имеется специальное бюро, отслеживающее появление и развитие новых разумных рас. Несколько тысячелетий назад представители этого бюро посетили Землю с целью изучить весьма изобретательных животных, в последнее время замеченных на планете, и вынести им свою оценку. Животные были сертифицированы как разумные с высоким культурным потенциалом, Землю закрыли для туристских маршрутов, и специалисты-социологи начали обычное в таких случаях детальное исследование.

– В результате этого исследования, – вилобородый мягко улыбнулся нам сверху, – они пришли к выводу, что так называемая человеческая раса нежизнеспособна. Иными словами, хотя составляющие ее отдельные индивидуумы обладают мощным инстинктом самосохранения, вид как целое имеет суицидальные тенденции.

– Суицидальные?! – воскликнул я вместе с остальными.

– Именно. Этот вывод вряд ли должен вызвать много возражений со стороны наиболее честных из вас. Высокоразвитая цивилизация есть продукт общественной жизни, а человеческое общество всегда имело тенденцию уничтожать себя. Фактически, если ваша жалкая цивилизация и имеет какие-либо достижения, то их можно рассматривать как побочный эффект развития средств массового уничтожения.

– У нас бывали и мирные периоды братских отношений, – хрипло произнес голос с противоположной от нас стороны летающей тарелки.

Большая голова медленно закачалась из стороны в сторону. Непонятно почему, но именно в этот момент я заметил, что радужная оболочка глаз у двухбородого целиком черная.

– Не было их у вас. Да, время от времени возникал островок культуры здесь, оазис сотрудничества там; но они неизбежно распадались при контакте со стандартными представителями вашего вида – воинами. Со временем воины сами терпели поражение, и тогда те, кто их захватил, в свою очередь становились воинами. В результате суицидальная деформация лишь усиливалась, становясь доминирующей. Ваше прошлое можно рассматривать как обвинительный акт человечеству, а ваше настоящее... ваше настоящее близко к тому, чтобы ваша «мечта» осуществилась. Однако хватит об этом столь характерном для вас убийственном вздоре – давайте вернемся ко дню сегодняшнему.

В федерации господствует убеждение, что не следует мешать видам с суицидальными наклонностями реализовывать свою судьбу. Фактически даже поощряется помогать им приближаться к тому исходу, которого они так страстно желают; правда, избегая действовать напрямую.

Природа не выносит склонные к самоуничтожению сообщества даже больше, чем пустоту. Логика проста: едва возникнув, и то и другое прекращает свое существование.

Социологи экстраполировали предполагаемую дату, когда человечество самоуничтожится. Планета была отнесена к необитаемым мирам типа вашей Земли и предназначена для использования таким видом разумных существ, который имеет избыток народонаселения и может здесь жить. Этим видом стали рыжебородые карлики.

Мы послали сюда своих представителей, чтобы они, так сказать, приглядывали за нашей будущей собственностью. Однако примерно девятьсот лет назад, когда вашему миру осталось существовать еще шесть тысяч лет, мы решили ускорить дело, поскольку на нашей планете прирост населения осуществляется очень быстро. Галактическая федерация дала нам разрешение стимулировать процесс вашего технологического развития в направлении более раннего суицида. Федерация, однако, поставила условием, чтобы каждый раз, когда представителю вашей расы будет подброшена та или иная идея, ему должна быть честно описана ситуация, то есть чтобы он понимал свою ответственность за дальнейшую судьбу человечества. Так мы и делали: отбирали тех, кому предстояло сделать выдающиеся открытия в области техники или науки, затем объясняли избранному ценность этого открытия и вместе с тем его отдаленные последствия с точки зрения ускорения процесса, ведущего к массовому самоубийству вашей расы.

Я почувствовал, что мне становится трудно смотреть в его огромные глаза.

– Во всех случаях... – гулкое грохотание голоса ощутило смягчилось. – Во всех случаях, раньше или позже, избранный нами человек объявлял об открытии как о своем собственном, сообщал о нем другим и извлекал из этого соответствующую выгоду. Иногда впоследствии некоторые из этих людей основывали благотворительные фонды, присуждающие премии тем, кто достиг больших успехов на поприще мира и братства между народами. Однако из-за возрастания общего количества циркулирующей в мире валюты выплаты этих фондов оказывались не столь уж велики. Люди, с которыми мы имели дело, во всех без исключения случаях предпочитали получать личную выгоду ценой укорачивания жизни своей расы...

Гномы, эльфы, кобольды! Их интересовали отнюдь не проказы – я глянул на Ирнгла, притихшего под грозным взглядом отца, – и не скрытое в земле золото; они помогали людям, но для этого у них были свои собственные резоны. Они учили их плавить металлы и создавать механизмы, подсказывали, как доказать бином Ньютона в одной части мира и как более эффективно вспахать поле в другой.

В итоге люди должны были исчезнуть с лица Земли... чуточку раньше.

– Но, к несчастью... Увы, к несчастью, кое-что пошло не так, как предполагалось...

Все мы дружно вынырнули из тяжких раздумий и с надеждой посмотрели вверх – домохозяйки и матросы, проповедники и артисты, все, кто здесь были. И вот что мы слышали дальше.

По мере приближения дня «К» (очевидно, имелся в виду конец человечества) некоторые из кобольдов, намеренных эмигрировать, набивали свои летающие блюдца имуществом и сажали туда семьи. Преодолев пространство в большом судне, наподобие того, в котором мы находимся сейчас, они занимали позиции в стратосфере, ожидая возможности дать название планете, лишь только ее теперешние обитатели пустят в ход свое последнее изобретение – ядерное оружие, как в прежние времена они с успехом применяли баллисты и авиацию.

Самые нетерпеливые опускались на поверхность, чтобы присмотреть места для будущих домов. И тут они, к своему разочарованию, обнаружили, что в чисто математические прогнозы социологов вкралась крошечная, но досадная ошибка. Предполагалось, что человечество самоуничтожится вскоре после овладения атомной энергией. Однако – возможно, в результате очередного «подталкивания» – технологическая инерция пронесла нас мимо ураново-плутониевого расщепления сразу к так называемой водородной бомбе.

Армагеддон как следствие применения урановой бомбы ликвидировал бы нас в наиболее удовлетворительном и гигиеничном виде, в то время как взрыв нескольких водородных бомб привел бы к полной стерилизации планеты вследствие некоей побочной реакции, в настоящее время нам неизвестной. Если «очищение» произойдет именно таким способом, на Земле не только погибнет все живое, но она станет недоступна для обитания на протяжении миллионов лет.

Естественно, кобольдов такая перспектива не обрадовала. В соответствии с Галактическим Законом они не могут защищать свое имущество путем активного вмешательства. Им остается одно – обратиться к нам с предложением.

Любое государство, которое гарантирует приостановку производства водородной бомбы и уничтожение тех, которые уже созданы, – причем рыжебородые карлики имеют надежные методы проверки того, насколько эти гарантии отвечают действительности, – любое такое государство получит в свое распоряжение необыкновенно смертоносное оружие. Это оружие предельно просто в обращении и так откалибровано, что с его помощью можно мгновенно и безболезненно уничтожить любое количество людей, вплоть до миллиона.

– Преимущество такого оружия по сравнению с водородной бомбой, с которой не только сложно управляться, но которую еще нужно и физически доставить к цели, – добродушно продолжал свои разъяснения с потолка вилобородый, – должно быть очевидно для любого из вас! И, учитывая наши интересы, оно уничтожит людей в массовом порядке, не причинив вреда...

В этот момент поднялся такой шум, что я больше не расслышал ни слова из сказанного. По правде говоря, я и сам вопил как резаный.

– ...не причинив вреда полезным и совместимым с нашими жизненным формам...

– А-а! – закричал смуглый плотный человек в ярко-красной спортивной рубашке и таких же брюках. – Убирайтесь туда, откуда пришли!

– Вот именно! – сердито вторил ему кто-то. – Вы тут никому не нужны! Заткнись, эй! Заткнись!

– Убийцы! – дрожащим голосом сказала одна из женщин рядом со мной. – Убивать беззащитных людей, не сделавших вам ничего плохого! Вас самих убить мало!

Полковник встал на носки, грозя указательным пальцем изображению на потолке.

– Мы и без вас проживем, – начал он раздраженно, но на мгновение замолчал, задохнувшись. – Мы все делаем как надо, говорю я вам, и нам не нужны... не нужны...

Вилобородый терпеливо ждал, пока мы успокоимся.

– Взгляните на это вот с какой стороны, – вкрадчиво продолжал он. – Вы собираетесь самоуничтожиться – вы знаете об этом, мы знаем об этом, все в галактике знают об этом. Какая вам разница, как именно это произойдет? По крайней мере, наши методы позволяют вам уйти из жизни с наименьшими страданиями. При этом уцелеет и на самом деле очень ценное имуще-

ство – то есть Земля, – имущество, которое станет нашим после того, как вы освободите ее. И вы умрете от оружия, гораздо более соответствующего вашим разрушительным наклонностям, чем любое, которое вы использовали до сих пор, включая атомные бомбы.

Он замолчал и распростер свои шишковатые руки навстречу нашей бессильной ненависти.

– Поразмышляйте над этим – просто поразмышляйте над этим: миллион смертей одним поворотом рычага! Есть ли другое оружие, способное на такое?

Возвращаясь на север с рыжебородым и Ирнглом, я провожал взглядом летающие блюдца, скользящие во все стороны по нежно светящемуся летнему небу.

– Все эти люди – честные, ответственные граждане. Не глупо ли рассчитывать, что они станут трезвонить о том, как можно самым эффективным способом перерезать им же глотки?

Рыжебородый пожал обтянутыми зеленой тканью плечами:

– Если бы речь шла о других расах, да. Но только не когда дело касается вас. Галактическая федерация настаивает, чтобы ваша общественность или правительство узнали об этом оружии от достаточно разумного представителя вашей же расы, полностью владеющего ситуацией и имеющего достаточно времени на обдумывание последствий такого откровения.

– И вы думаете, что мы сделаем это? Вопреки всему?

– О да, – со спокойной уверенностью заявил карлик. – Вследствие всего. К примеру, каждый из вас был отобран с учетом того, какую личную выгоду он может извлечь из этого откровения. Раньше или позже, искушение непременно окажется настолько велико, что угрызения совести отступят; в конце концов, все вы придете к этому. Согласно Шалмру, каждый член тяготеющей к самоубийству расы способствует уничтожению всех окружающих, хотя заботливо оберегает свое личное существование. Неприятные создания – вы, люди, но, к счастью, век у вас короткий!

– Один миллион, – пробормотал я. – По чьему-то капризу. Готов поспорить, мы что-нибудь...

– В самом деле. Вы изобретательная раса. А теперь, если не возражаешь, вон она, твоя крыша. Мы с Ирнглом немного торопимся, а нам еще нужно продезинфицировать... Спасибо.

Я глядел им вслед, пока они не исчезли за облаками. Потом заметил, что одна из телеантенн завязана в петлю – наверное, отец Ирнгла ее проглядел, – и поплелся по лестнице вниз.

Я много думал об этом с августа. Сначала злился. Потом впал в мрачные раздумья. Потом начал злиться снова.

Время от времени в прессе появлялись сообщения о летающих блюдцах, но ни словом не упоминалось о сверхоружии, которое мы получим, если демонтируем свои водородные бомбы. Но если кто-то и проболтался, как я узнаю об этом?

В том-то и дело. Ладно, я писатель, если это слово применимо к тому, кто пишет научную фантастику. И у меня на руках есть история, которую можно превратить в ходкий товар. Вообще-то я не собирался использовать этот материал, но случилось так, что как раз сейчас мне позарез нужны деньги, а в голове у меня по-прежнему пусто. И почему, спрашивается, именно я должен быть крайним?

К этому моменту кто-нибудь уже наверняка проболтался. Если не здесь, у нас, то в какой-нибудь другой стране. А я писатель, и мне нужно зарабатывать себе на жизнь. И эта история выглядит, как самая что ни на есть фантастика, и кто просит вас верить ей?

Только... Только я должен подать им знак. Знак, благодаря которому правительство сможет вступить в контакт с кобольдами, сможет дать им понять, что оно заинтересовано в сделке, в получении этого оружия. И я намерен подать такой знак.

Но у меня нет удовлетворительного окончания этой истории. Она нуждается в заключительной реплике. И знак – как раз эта реплика и есть, причем, с моей точки зрения, превосходная. Ну... если уж я решился рассказать столько... почему бы и не...

Это знак, с незапамятных времен установленный между кобальдами и человеком. Все очень просто: оставьте чашку с молоком перед порогом Белого дома.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда я писал этот рассказ, я жил по соседству с Лестером дель Реем, в неотапливаемой квартире за пятнадцать долларов в месяц на Вест-Энд-авеню, в Нью-Йорк-сити, с ванной на кухне и абсолютно невменяемой хозяйкой, прихожанкой Анонимных алкоголиков. Позднее здание стало частью строительной площадки сегодняшнего Линкольн-центра. Я занимал крохотулечную трехкомнатную квартирку в конце самой длинной прихожей, которую я когда-либо видел, – в два или три раза больше квадратных метров, чем в вестибюле. Эту квартиру и прихожую я использовал в прологе «Не могли бы вы чуточку поторопиться?». Название, разумеется, я одолжил у Льюиса Кэрролла, у запутанных нетерпеливых вопросов, заданных гусенице. Ну а тема...

Тема была научно-фантастической, – пять лет прошло после Хиросимы и Нагасаки, и каждое построенное в предместье здание горделиво демонстрировало мощное бетонное покрытие, предназначенное для защиты от бомб: Атомная Погибель.

Я часто ходил в гости к Лестеру, затевал с ним споры об атомной гибели, споры, начинавшиеся с мягкого урбанистического протеста и заканчивавшиеся крикливым, вопящим, почти-что-бросающимся-вещами аргументом. В спорах Лестер был совершеннейшим безумцем. Загнанный в угол, он начинал юргенизировать, то есть начинал забрасывать меня цитатами авторитетных мыслителей, по большей части выдуманных (я создал этот глагол в честь Лестера, взяв имя героя произведений Кейбелла – Юргена). Рэнди Гаррет, в ходе схожих баталий с Лестером, записал название книги, процитированной Лестером, имя автора, издательство и даже, черт его дери, год выпуска. Все это Рэнди пытался проверить, причем не только в Нью-Йоркской общественной библиотеке, но и в библиотеке Конгресса. Он огласил Лестеру результат своих изысканий в присутствии четырех писателей-фантастов. «Нет такой книги! – заявил он с видом триумфатора. – Нет записей о ее публикации, ни одной, ни единой, ни однушенькой!» Лестер выглядел довольным. Он пожал плечами. «Что за чушь насчет библиотеки Конгресса, – сказал он. – Я предполагал такое скудное оправдание. Такая смехотворная незавершенность присутствует в каждом важном вопросе. Вам бы следовало научиться использовать Бодлеанскую библиотеку Оксфорда. Последний раз, на моей памяти, у них в наличии было две копии, причем одна – в отличнейшем состоянии!»

Рэнди просто-таки перекосило от ярости и разочарования. Он сунул левый кулак в рот и прикусил зубами. Он поклялся, что отныне целью его жизни станет проникновение в Оксфорд и посещение оной библиотеки. К сожалению, позднее его хватил удар и он так и не осуществил свое намерение.

Мой спор с Лестером по проблеме ядерного безумия начался с того, что он поинтересовался: «А ты, случайно, не из тех, кого приводит в ужас сам факт существования ядерного оружия?» Когда я ответил утвердительно – потому что меня и впрямь приводит в содрогание одна мысль о ядерном оружии, – он усмехнулся и в своей излюбленной кемпбелловской манере заявил: как это маловероятно, чтобы кто-нибудь, одержимый проблемой самосохранения, спровоцировал применение такого оружия. Кто допустит нечто подобное – угрозу уничтожения всей планеты? Не говоря о том, что лидеры стран стали таковыми благодаря выдающемуся интеллекту. «Да неужели?» – сказал я. – А как насчет Гитлера в его бункере, к которому пробивались русские? Если бы какой-нибудь лейтенантик пришел к нему и рассказал, что изоб-

ретеное оружие, способное испарить наступающую русскую армию, но оно также может уничтожить и весь мир, – что, ты думаешь, он бы ответил?» Лестер немедленно возразил, сославшись на «Мою борьбу», что Гитлер вовсе не хотел уничтожать мир. Он добавил к этому авторитетные мнения двух французских генерал-лейтенантов, имена которых ничего мне не говорили, и завершил свою тираду мнением лица, ответственного за ядерную программу, чье имя и должность, как я понял, Лестер моментально выткнул из тончайших воздушных струй.

Тогда, увы, я начал орать. Лестер заорал в ответ. Мы повышали и повышали этот накал страстей до тех пор, пока пьянчужка, также живущая в этом доме, не пересекла коридор и не спросила, не можем ли мы поделиться с ней стаканчиком виски?

Я удалился, продолжая орать через плечо. В это время я открыл дверь и стал пересекать длинный коридор, и на меня навалилось французское *l'esprit d'escalier* (*l'esprit du vestibule?*), и я обдумывал, что бы еще такого сказать. Тогда я вдруг понял, каким образом могу высказать все то, что мне хотелось бы сказать по этому поводу. Я вошел в квартиру, сел за машинку-«Ремингтон» и описал все это представление. О'кей, аргумент аргументом, но я нуждался в деньгах, чтобы оплатить просроченную ренту моей домовладелице.

Написан в 1950 г., опубликован в 1951 г.

Дом, исполненный сознания своего долга

«Быть... быть бесформенным, покинутым... всегда...»

Всегда? Мысль слепо нащупывала хоть малейшую потенциальную возможность... И однажды... Необходимость, нужда... Это было что-то... Нет, кто-то, кто... нуждался... Кто-то нуждался? Сознание проснулось!

Появилось живое существо... гордое от того, что стало владельцем... но почему-то тоскующее. Совсем непохожее на его первую любовь, это существо имело странные, примитивные понятия. Они были такими... болезненными, такими... мучительными, что никак не складывались во что-то определенное. Но у него снова появилась цель – и, более того, желание...

Без рассуждений, руководствуясь только любовью, он потек туда, куда следовало, неуклюже выгибаясь то так, то эдак, но постепенно обретая все более четкие формы.

Захолустная канадская дорога была труднопроходима даже для этого роскошного автомобиля на гусеничном ходу. Слово прощения, металл гусениц пронзительно взвизгивал, скребя по скрытому слою грязи скальному грунту. Яркий желтый автомобиль кинуло вправо, затем, сопровождаемый мрачными аккордами чавкающего за бортом месива, он выровнял ход.

– А ведь я была так счастлива в своей сыроварне, – несколько театрально произнесла Эстер Сакариан, вцепившись коротко стриженными, никогда не знавшими маникюра ногтями в бледно-лиловую обивку переднего сиденья. – У меня была собственная маленькая лаборатория, аккуратно подписанные образцы ежедневной продукции молока и сыра; вечером я по бетонным тротуарам могла вернуться домой, или провести время в ресторане, или пойти в кино. Но где там! Филадельфия была для меня недостаточно хороша! Нет, мне понадобилось...

– Ночью была гроза, это все она виновата. Обычно дорога тут вполне приличная, – пробормотал Пол Маркус, сидящий от Эстер слева.

Ловким движением носа вернув на место сбившиеся очки, он сконцентрировался на невозможной задаче – пытался определить по виду, где перед ними дорога, а где болотная топь.

– Нет, мне зачем-то понадобилось перебраться к Большому Медвежьему озеру, где ни один старатель не принимает меня всерьез, а все мужчины просто отвратительны. Приключений захотелось – ха-ха! Ну, что хотела, то и получила. Так сказать, последняя дань детству. Я провожу свои дни, очищая воду для насквозь пропитавшихся виски физиков-атомщиков. И каждую ночь спрашиваю Бога: это и есть мои приключения?

Маркус объехал карликовую красную ель, победоносно выросшую прямо перед носом машины.

– Еще пару минут, Эс. Сорок акров самой плодородной земли, которую, как все говорят, канадское правительство когда-либо пускало в продажу. И небольшой холм сразу возле дороги – естественное основание для коттеджа под названием «Мыс Код», о котором Каролина мне все уши прожужжала.

Эстер шутливо ткнула его в плечо:

– Говорить об этом в Бостоне и строить коттедж в Северной Канаде – не разные ли это вещи, как тебе кажется? Вы еще даже не женаты.

– Ты не знаешь Каролину, – уверенно заявил Маркус. – Кроме того, мы будем всего в сорока милях от Литл-Ферми, а ведь городок все время растет. Наша залежь раз в десять раз богаче той, что на шахте «Эльдорадо» в Порт-Радии. Если так будет продолжаться и дальше, мы начнем добывать столько урана, что сможем построить мощный завод, который станет основой индустриального развития всего Западного полушария. Оживится бизнес, недвижимость взлетит в цене...

– Выходит, это к тому же и хорошее вкладывание денег? Чистейшей воды утопия! Вроде твоей убежденности в том, что жизнь, проведенная в тесном мирке Бикн-стрит, способна сформировать такую комбинацию горничной и госпожи, которую ты хотел бы видеть в качестве своей жены.

– Ну вот, теперь ты говоришь прямо как наш сумасбродный док Коннор Кунц, когда я на чистом вдохновении обыгрываю его в шахматы, несмотря на то что он играет по всем канонам классической игры по методу Капабланки. Для полного счастья тебе нужен какой-нибудь костоправ из девятнадцатого столетия. Все, что ему требуется, – это подруга со спокойным характером и хорошей наследственностью, которая была бы поглощена своей работой и не мешала ему спокойно делать свое дело. Мне не нужна подруга – я хочу иметь жену. Никакая служанка, которую может предложить...

– Доктор Кунц – неудачное сочетание непристойности с рационализмом. И я никогда даже косвенно не давала понять, что имею на тебя какие-то виды.

– ...агентство по найму, – не обращая на ее реплику внимания, продолжал он, – не способна сочетать в себе умение справляться с житейскими проблемами с заботливостью и привлекательностью жены. Машина не замена живому человеку; глупо ждать от машины всепрощающей любви и понимания. Нет, я женюсь на Каролине не просто ради того, чтобы иметь кого-то, кто поцелует меня, когда готовит мое любимое блюдо...

– Ну конечно нет! Хотя, согласись, удобно – знать, что ты все равно получишь обед. Чего не будет, если ты женишься, скажем... ну, скажем, на женщине-бактериологе, которая работает, как и ты, и к концу дня устает не меньше. Да здравствует двойной стандарт! Но пусть это останется за скобками.

Худощавый молодой человек резко остановил машину, готовый разразиться потоком возмущенных восклицаний, и повернулся к своей приятельнице. Эстер Сакариан относилась к тому типу покладистых с виду женщин, чьи замечания обладают удивительной способностью выводить мужчин из себя.

– Послушай, Эс, – горячо начал он, – социальное развитие и вытекающая из него концепция самовыражения личности – все это, конечно, хорошо, однако люди все еще делятся на мужчин и женщин. Женщин – за исключением тех, кто не умеет приспособиться к окружающей обстановке...

– Вот это да! – в голосе Эстер послышались уважительные нотки, когда она глянула ему через плечо. – Ты на славу потрудишься! Похоже, он изготовлен не заводским способом, Пол. Однако это, наверно, чертовски дорого стоило – доставить все эти детали в такую даль. И ты в одиночку собрал его всего за неделю? Отличная работа.

– Буду очень тебе признателен, если ты перестанешь нести чушь и объяснишь...

– Твой дом... Твой коттедж «Мыс Код»! Он – само совершенство!

– Мой... что? – Пол Маркус резко обернулся.

Эстер закрыла за собой дверцу и осторожно зашагала по грязи.

– Спорю, ты его уже и обставил, по крайней мере, отчасти. И натащил туда целую кучу кухонных принадлежностей, которые тебя с ума сводят. Ну и хитрый же ты, старина! «Поедем, Эс, я купил участок и хочу посоветоваться с тобой, где лучше поставить дом!» Давай вылезай! Можешь быть доволен – я сражена. И не беспокойся, я не расскажу твоей девушке о том, что видела.

Она поднималась по заросшему кустарником склону холма к бело-зеленому коттеджу, и Маркус, словно замороженный, не мог оторвать взгляда от ее отнюдь не женственных голубых джинсов; лицо его выражало все, что угодно, только не самодовольство.

Когда он подошел, Эстер яростно толкала дверь, но та не открывалась.

– Какой смысл запирать дверь в такой глуши? Если кому-то и взбредет в голову забраться сюда в твоё отсутствие, они запросто могли бы разбить окно. Ну, что стоишь с таким глубоко-мысленным видом? Доставай ключ и открывай!

– К... ключ?..

С видом совершенно сбитого с толку человека он достал из кармана брелок для ключей, некоторое время растерянно смотрел на него и запихнул обратно. Провел рукой по светлым спутанным волосам и прислонился к двери. Она открылась.

Маркус ухватился за столб, чтобы не упасть, а Эстер рысцой промчалась мимо него.

– Никогда не понимала, в чем прелесть этих доисторических висячих светильников. Фотоэлектрические потолки достаточно хороши для меня, и моих детей они тоже устроят. Ох, Пол! Видимо, чувство вкуса не изменяет тебе, только когда речь идет об атомной физике. Только взгляни на эту мебель!

– Мебель? – точно эхо, повторил он. И медленно открыл глаза, которые плотно зажмурил, пока стоял на пороге. Он находился в комнате, заставленной наимоднейшими в этом сезоне одноногими столами и креслами. – Мебель! – Он вздохнул и снова закрыл глаза.

Эстер Сакариан – сама рассудительность, как всегда! – уверенно покачала головой:

– Эта одноногая мебель никак не вяжется с коттеджем под названием «Мыс Код». Поверь, Пол, я знаю, что говорю. Может, конечно, твоя поэтическая душа, жаждущая умиротворить отягощенный наукой разум, подтолкнула тебя к тому, чтобы создать все это сверхфункциональное окружение, но в таком доме это просто немыслимо. Я видела твою Каролину только на фото, которое ты наклеил на счетчик Гейгера, но уверена, что и она не одобрила бы твой выбор. Нужно будет избавиться, по крайней мере, от...

Он подошел к ней, встал рядом и дернул за рукав яркой клетчатой рубашки.

– Эстер, моя дорогая, прелестная, говорливая, обладающая аналитическим умом, самоуверенная Эстер, пожалуйста, сядь и помолчи хоть немного!

Она рухнула в кресло мягко изогнутой формы, сведя брови и недоуменно глядя на Пола.

– Ты хочешь объясниться?

– Да, я хочу объясниться! – со значением ответил он, выразительным взмахом руки обведя расставленную вокруг современную мебель. – Я не посылал и не собирал все это – ни дом, ни мебель, ни аксессуары. Более того... да, более того, когда я приезжал сюда неделю назад с представителем конторы по продаже земельных участков, ничего этого здесь не было. Да и не могло быть!

– Чушь! Не хочешь же ты сказать, что все это появилось только что... – Она растерянно смолкла.

Он кивнул.

– Вот именно, только что. Одно это сводит меня с ума! Но мебель... При виде нее я просто дрожу! Всякий раз, когда Каролина заговаривала об этом коттедже, я думал именно о такой мебели. Однако соль вот в чем: я знал, что она хочет старинную мебель из Новой Англии, но, поскольку полагал, что в доме главная – женщина, никогда не оспаривал ее точку зрения. И все же каждый стол, каждое кресло в этой комнате в точности такие, какими мне хотелось бы их видеть – в глубине души!

С каждым его словом Эстер хмурилась все больше, а потом нервно захихикала, но сумела остановиться до того, как у нее началась истерика.

– Пол, ты слишком неврастеник, чтобы быть сумасшедшим. Но это... это... Послушай, может, дом сбросили тебе с самолета? Или, может, Чарльз Форт был прав? От того, что ты говоришь насчет мебели, меня... мне просто нехорошо!

– Скажи еще, что его принесли на крылышках вентиляторы, – сказал он. – Ладно, давай попытаемся успокоиться. Пойдем на кухню. Если там стоит комбайн – холодильник, плита, раковина...

Так оно и оказалось. Пол Маркус потрогал гладкую эмалированную поверхность и сквозь зубы засвистел «Хор пилигримов».

– П-прошу тебя об-б-бдумать вот какой ф-факт, – запинаясь, сказал он наконец. – Идея именно такого комбайна осенила меня вчера ровно в три пятнадцать, когда большая драга загнулась и делать было нечего. Я даже набросал чертеж на обратной стороне письма Каролины. До этого момента я понимал лишь одно – что хочу что-то другое по сравнению с обычными кухонными комбайнами. А тут сел и придумал вот такую штуку.

Эстер похлопала себя по щекам, словно пытаясь привести в чувство.

– Знаю.

– Знаешь?

– Может, у тебя что-то с памятью, мистер Маркус, но ты показывал мне свой чертеж за столом во время ужина. Поскольку такой вариант выглядел слишком дорогостоящим, чтобы рассматривать его всерьез, я посоветовала тебе сделать холодильник в форме шара, чтобы он входил в изгиб кухонной плиты. Ты выставил нижнюю губу, подумал и согласился. Так оно и есть – холодильник в форме шара и лежит в изгибе кухонной плиты.

Пол открыл буфет и достал оттуда высокий сверкающий стакан.

– Хочу чего-нибудь выпить, хотя бы воды!

Он подставил стакан под водопроводный кран и неуверенно потянулся к кнопке с надписью «Хол.». Однако не успели его пальцы нажать ее, как из крана полилась ледяная жидкость; струйка иссякла, как только стакан наполнился.

Физик ошарашенно взглянул на совершенно сухую поверхность раковины, конвульсивно стиснул стакан и влил его содержимое себе в горло. Голова у него дернулась назад, и он начал давиться. Эстер, которая стояла, прислонившись к стене, похлопала его по спине; в конце концов он закашлялся, на глазах выступили слезы.

– Ух! Это было виски – самый чистый скотч, который я когда-либо пробовал. Поднося стакан ко рту, я подумал: «Что тебе нужно, дружище, это хороший глоток чистого скотча». Но, Эстер... Там же была вода! Чудеса да и только!

– Не нравится мне все это, – решительно заявила она и достала из нагрудного кармана маленькую бутылочку. – Виски, вода или что бы это ни было – я возьму образец на анализ. Ты даже не представляешь, как много различных водорослей в здешней воде. Думаю, присутствие радиоактивной руды... Черт! Не работает.

Большим и указательным пальцами она нажимала на кнопки горячей и холодной воды с такой силой, что кончики пальцев побелели, однако из крана не пролилось ни капли.

Пол подошел, наклонился над раковиной и выпрямился с озорной улыбкой.

– Лейся, вода! – приказал он.

Вода тут же хлынула из крана, на этот раз описав дугу, нацеленную в точности туда, где Эстер держала свою бутылочку. Как только бутылочка наполнилась, вода перестала литься.

– Оп! – Пол ухмыльнулся, глядя на стоящую с открытым ртом Эстер. – Кнопки, водосток... Все это только для виду. Дом выполняет все, что от него требуют, – но только если требую я! Это дом-робот, Эс, и он мой, целиком и полностью мой!

Она закрыла бутылочку и убрала ее в карман.

– Думаю, это нечто большее. Давай уйдем отсюда, Пол. Думаю, здесь требуется научный подход. Хотела бы я, чтобы Коннор Кунц все тут осмотрел. Кроме того, пора трогаться в путь, если мы хотим добраться к Литл-Ферми до захода солнца.

– Ничего не рассказывай Кунцу, – сказал Пол, когда они зашагали к предусмотрительно распахнувшейся двери. – Не хочу, чтобы он приставал к моему дому-роботу.

Эстер пожала плечами.

– Не скажу, если ты настаиваешь. Но док Кунц может помочь тебе разобраться в том, что это такое. Покажи ему что-нибудь необычное, и он приведет тебе пять тысяч научных баналь-

ностей, имеющих к этому отношение. Скажи-ка, ты замечаешь еще какие-нибудь изменения на своем участке со времени прошлого приезда?

Стоя уже за дверью, физик обежал взглядом заросли кустов, среди которых мелькали сверкающие пятна болот и участки бесплодной скалы. Бледно-оранжевый отблеск начинающегося заката таинственно раскрасил землю, придавая заброшенной приполярной равнине какой-то доисторический вид. Подул молодой, холодный ветер и обрушился на них, наслаждаясь собственным буйством.

– Ну вон там, например, в прошлый раз было пятно зеленой травы, занимавшее примерно четверть мили и похожее на только что скошенную лужайку. Помню, я еще подумал, как странно оно выглядит посреди всей этой топи. Видишь, это там, где сейчас участок абсолютно чистой коричневой почвы. Конечно, трава могла и увянуть за неделю. Зима скоро.

– Ммм... – Эстер сошла с крыльца и посмотрела на зеленую крышу коттеджа, ненавязчиво гармонирующую с зелеными ставнями, дверью и белизной стен. – Ты думаешь...

Резко отпрыгнув от двери, Пол стоял, потирая плечо и смущенно посмеиваясь.

– Показалось, будто столб потянулся и потерял об меня. Не то чтобы я испугался... скорее, удивился. – Он улыбнулся. – Говорю же, дом-робот или... не знаю, как это назвать по-другому, любит меня. Он меня приласкал!

Эстер, поджав губы, кивнула и заговорила, лишь когда они снова оказались в автомобиле.

– Знаешь, Пол, – задумчиво сказала она, – у меня возникла странная мысль, что твой дом вовсе не робот, а что-то живое.

Он посмотрел на нее широко распахнутыми глазами, сдвинул очки на лоб и засмеялся.

– Как это говорится, Эс? Чтобы дом стал домом, нужно вдохнуть в него жизнь.

Они молча ехали в сгущающейся тьме, мысленно пытаясь дать объяснение случившемуся, но не находя его. Машина уже грохотала по выложенным бетоном окраинным улицам Литл-Ферми, когда Пол снова заговорил:

– Сейчас прихвачу немного бобов, кофе и переночую в своем живом доме. Брекинбриджу я не понадобится до тех пор, пока из Эдмонта не доставят кадмиевые стержни; значит, я могу потратить всю ночь и весь завтрашний день на то, чтобы разобраться, что на меня свалилось.

Его приятельница начала было возражать, но потом раздраженно прикусила губу.

– Я не могу помешать тебе. Но будь осторожен, а не то бедняжке Каролине придется выйти замуж за какого-нибудь молодого щеголя из Гарварда.

– Не волнуйся, – в его голосе прозвучали хвастливые нотки. – Уверен, я могу заставить дом даже прыгать через обруч, если захочу. И может, я так и сделаю – если заскучаю!

В одном из дощатых бараков он нашел Брекинбриджа и получил разрешение на однодневный отпуск. Затем имела место дискуссия с поварами, довольно быстро закончившаяся тем, что ему выделили часть продуктов. Потом он торопливо состряпал телеграмму Каролине Харт в Бостон, Массачусетс, и вскоре уже ехал обратно к дому в свете фар, которым при всем желании не удавалось осветить дорогу.

Только снова увидев дом на вершине холма, Пол осознал, до какой степени его не удивило бы его исчезновение.

Припарковавшись на склоне таким образом, чтобы фары освещали путь вверх, он распахнул дверцу и приготовился выбраться наружу.

Дверь дома открылась. Показался темный ковер и покатился по склону прямо к ногам Пола. По всей длине ковра через равные промежутки возникли выступы, превратившие его в удобную лестницу. От этих выступов исходило яркое мерцание, освещавшее путь.

– Будем расценивать это как приветствие. – Пол выключил зажигание и зашагал вверх по склону холма.

Когда он проходил по вестибюлю, стены слегка выгнулись и мягко прикоснулись к нему с обеих сторон. От неожиданности Пол подпрыгнул, но этот «жест» вызывал ощущение такого дружеского расположения и к тому же стены так быстро вернулись на место, что не успело возникнуть логичного повода занервничать.

Пол положил сумку с продуктами на обеденный стол, и тот в ответ потянулся вверх. Он ласково похлопал по нему и отправился на кухню.

По его невысказанному желанию вода снова превратилась в виски; затем, также по его желанию, она превратилась попеременно в луковичный суп, томатный сок и коньяк «Наполеон». Холодильник, как выяснилось, был набит всем, что он только мог пожелать, от пяти-шести кусков нежнейшей вырезки до трех бутылок темного пива и хлеба того сорта, который Пол обычно просил в магазине.

Вид еды заставил его почувствовать голод; он ведь пропустил ужин. А что, если потушить с луком и бобами кусок мяса и запить все это большой чашкой горячего кофе? Неплохая мысль. Он вернулся в столовую за своими вещами.

Сумка по-прежнему лежала на краю стола, а на другом его конце... На другом его конце стояла тарелка с толстым куском мяса в окружении жареного лука и горки бобов. Между тарелкой и огромной чашкой натурального кофе лежал серебряный обеденный прибор.

Пол нервно рассмеялся и постарался выкинуть из головы все страхи. Все было сделано для его удобства, это очевидно. Наверное, самое лучшее – это подтянуть к себе кресло и приняться за еду. Он оглянулся в поисках кресла – как раз вовремя, чтобы увидеть, как одно из них скользит по полу; оно мягко ткнуло его под колени, и Пол сел. Кресло слегка пододвинулось к столу, чтобы ему было удобнее.

Расправляясь с последним куском дыни, которую он вообразил себе на десерт, – она тут же появилась, на тарелке, прямо из крышки стола, – он заметил, что лампы тоже представляли собой просто декоративные устройства. Свет исходил от стен, или от потолка, или от пола – отовсюду в доме, и как раз такой интенсивности, как требовалось.

Грязные тарелки и использованное серебро исчезли в крышке стола, растворились, словно сахар в горячей воде.

Прежде чем отправиться в постель, он решил заглянуть в библиотеку. Ведь он, кажется, раньше представлял себе, что в доме у него будет библиотека? Не уверенный в этом, он заглянул в одну из комнат рядом с гостиной.

Теплое маленькое пространство содержало в себе все книги, когда-либо доставившие ему удовольствие. Он с удовольствием провел час, перелистывая их все от Эйкена до Эйнштейна, пока не наткнулся на прекрасное издание Британской энциклопедии. Первый же открытый наугад том заставил его осознать ограниченность того, чем он владел.

Статьи, которые он в свое время прочел от начала до конца, были приведены целиком, но те, с которыми он ознакомился лишь частично, в таком виде здесь и присутствовали. Что же касается всего остального, то страницы имели такой вид, словно были покрыты непонятными, не полностью пропечатанными пятнами. Сначала он рассматривал их в тупом недоумении, но потом понял – это то, что зафиксировал его взгляд, когда он еще прежде пролистывал страницы книги.

По узкой лестнице Пол поднялся в спальню.

Устало зевая, он смутно отметил, что постель была как раз такой ширины, какой ему всегда хотелось. Как только он побросал одежду на стоящее рядом кресло, оно легонько подскочило, стряхнув ее с себя. Пол, судорожно корчась и извиваясь, оттащил ее в стоящий в углу стеной шкаф, где, как Пол представил себе, она оказалась аккуратно развешенной.

В конце концов он улегся. И вздрогнул, когда простыни сами окутали его со всех сторон. Припомнилось, что большую часть трех последних ночей он провел за игрой в шахматы и у него накопился большой недосып. Ему хотелось встать пораньше, чтобы обследовать свои

восхитительно услужливые владения в деталях, но вот беда – он позабыл захватить с собой будильник...

Какое это имело значение?

Пол приподнялся, опираясь на локоть; однако простыня не соскользнула с груди.

– Послушай, ты... – сказал он, обращаясь к противоположной стене. – Разбуди меня точно через восемь часов. Но только каким-нибудь приятным способом, понимаешь?

Пробуждение, однако, сопровождалось отчетливым ощущением ужаса, вгрызающимся в сознание. Он спокойно лежал, спрашивая себя, что его так напугало.

«Пол, дорогой, пожалуйста, проснись. Пол, дорогой, пожалуйста, проснись. Пол, дорогой, пожалуйста...»

Голос Каролины! Он подскочил в постели и как безумный зашарил взглядом по сторонам. Каролина здесь? Посланная вчера телеграмма, где он просил ее приехать и взглянуть на их новый дом, могла прийти только сегодня к завтраку. Даже самолетом...

И потом он вспомнил. Ну конечно! Он похлопал по постели рукой.

– Отличная работа. Я бы и сам не мог сделать лучше.

Передняя спинка кровати изогнулась под его рукой, а стены завибрировали с гудящим звуком, поразительно похожим на мурлыканье.

Душ, решил он, должен оказаться воплощением той остро желанной, но прежде недостижимой концепции, которая когда-то на пару секунд мелькнула в его сознании, а после была забыта. Все оказалось просто: он вошел в кубическую комнату, стены которой были усыпаны множеством крошечных дырочек, и со всех сторон его обрызгало теплой мыльной пеной. Покрыв его с ног до головы, она перестала поступать, сменившись чистой водой той же самой, приятной температуры. Когда все мыло с тела ушло, он обсох под тонкими струйками воздуха.

Выйдя из душа, Пол обнаружил свою одежду, великолепно отглаженную и с легким запахом прачечной. Этот запах удивил его, хотя вообще-то он ему нравился; но тут же до него дошло, почему ощущается этот запах – как раз потому, что он ему нравился!

Сегодня будет на редкость приятный день, подумал он, подсказав окну в ванной комнате открыться и выглянув наружу; жаль только, что у него нет с собой никакой одежды полегче. Однако, глянув вниз, Пол обнаружил, что одет в спортивную рубашку и широкие летние брюки.

Очевидно, дом втянул грязную одежду в свою структуру, а взамен обеспечил его дубликатом с учетом изменившихся потребностей.

Самый чудесный завтрак, который он сумел вообразить, сбегая по ступеням лестницы, уже ждал его в столовой. Экземпляр «Эммы» Джейн Остин, которую он перечитывал в последнее время за едой, лежал рядом, открытый на нужной странице.

Пол счастливо вздохнул.

– Теперь не хватает только Моцарта – приглушенно, чуть слышно.

И зазвучал Моцарт...

Вертолет Коннора Кунца лениво опустился с ясного неба в четыре часа дня. Приказав дому исполнить соло на трубе в исполнении Бэнка Джонсона, Пол медленно пошел навстречу своим гостям.

Первой из вертолета вышла Эстер Сакариан. На ней было строгое черное платье, делавшее ее непривычно женственной и совсем не похожей на «лабораторную мышку».

– Прости, что привела с собой дока Кунца, Пол. Но согласись, у меня были основания думать, что после ночи в этом доме ты можешь нуждаться в помощи медика. И потом, у меня нет своего вертолета, а он предложил отвезти меня.

– Все в порядке, – великодушно ответил Пол. – Я готов обсуждать свой дом с Кунцем или с любым другим биологом.

Она протянула ему желтый листок бумаги.

– Это тебе. Только что пришло.

Он прочитал телеграмму и сморщился.

– Ничего важного? – спросила Эстер, подчеркнуто глядя в сторону, на розоватое облако, якобы внезапно завладевшее ее вниманием.

– Ох! – Он скомкал телеграмму и принялся подкидывать комочек на ладони. – Каролина. Пишет, что никак не ожидала, что я хочу поселиться тут навсегда. Пишет, что, если это всерьез, придется пересмотреть нашу помолвку.

Эстер скривила губы.

– Ну, до Бостона далеко. И если допустить, что твой дом не совсем мертв...

Пол засмеялся и подбросил бумажный шарик в воздух.

– Точнее, совсем не... И в настоящий момент меня больше всего волнует вот что: люби меня, люби меня, мой дом. Кстати о домах... Назад, сэр! Назад, я сказал!

Пока он говорил, дом сползал вниз по склону, выставив вперед эркер и поджав заднюю часть. Теперь, услышав этот резкий окрик, он резко втянул эркер в стену, бочком отполз на свое место на вершине холма и замер, слегка подрагивая. Соло на трубе сменилось печальным мотивом.

– И... И часто он такое проделывает?

– Каждый раз, когда я отхожу от него, – ответил Пол. – Можно, конечно, запретить ему делать это раз и навсегда, но мне нравится. И потом... как-то не хочется обижать такое милое, теплое существо. Не хочется делать ему больно. Эй, Коннор, а ты что думаешь?

Толстяк доктор, весь в испарине, доковылял наконец до них и подозрительно уставился на дом.

– Вот так, с ходу... Должен признаться, не знаю, что и сказать.

– Лучше прими все как есть, Коннор, – посоветовала Эстер. – Если не хочешь, чтобы у тебя крыша поехала.

Пол хлопнул его по спине.

– Пошли внутрь, поговорим за парой кружек пива. С таким пересохшим горлом я плохо соображаю.

Пять кружек пива спустя черные бусинки глаз доктора Коннора Кунца внимательно следили за тем, как на их гостеприимном хозяине форма охранника с легким мерцанием сменилась прекрасно пошитым смокингом.

– Конечно, я верю своим глазам. Что есть, то есть. Живой дом, да. Остается решить, что нам с ним делать.

Пол Маркус поднял взгляд. На нем уже частично был светлый габардиновый костюм, но лацканы, все еще от смокинга, на мгновение «заколебались»; потом собрались с энергией и завершили превращение.

– Что нам с ним делать?

Кунц встал и стукнул кулаком по ладони.

– Ты абсолютно прав, не желая распространения информации; одно неосторожное слово, и сюда хлынут назойливые толпы любопытных туристов. Мне нужно посоветоваться с доктором Дюфейлом из Квебека; это сфера его компетенции. Хотя в Университете Джона Хопкинса есть еще один человек... Что ты можешь сказать о структуре дома?

С лица молодого физика сошло негодующее выражение.

– Ну, дерево ощущается как дерево, металл как металл, пластик как пластик. А когда дом создает предмет из стекла, это на самом деле стекло, насколько я могу судить без химического анализа. Эс взяла тут...

– Это еще одна из причин, почему я решила прихватить с собой Коннора. Биологически и химически вода абсолютно безвредна... слишком безвредна. Абсолютно чистая аш два о. Что ты думаешь о моей хлорофилловой теории, док?

– Не исключено. В любом случае имеет место какая-то форма трансформации солнечной энергии. Но ботаническая природа дома никак не объясняет всех сложных и разнообразных процессов, которые в нем происходят. К примеру, он манипулирует металлами, которых нет или очень мало в этом регионе, что наводит на мысль о субатомной перестройке материи. Эстер, нужно взять образцы этого... существа. Будь хорошей девочкой, сбегай к вертолету и принеси мою сумку. Справишься сама? Мне хотелось бы побродить тут, посмотреть что к чему.

– Образцы? – неуверенно переспросил Пол Маркус, когда Эстер направилась к двери. – Это живое существо, знаешь ли.

– Ну, мы просто возьмем маленький кусочек из... из какого-нибудь не имеющего жизненно важное значение места. Все равно как соскрести немного кожи с руки человека. Скажи-ка, – доктор стукнул кулаком по столу, – у тебя, как у первооткрывателя, есть какая-то теория, хотя бы самая приблизительная?

Маркус откинулся в кресле.

– Если на то пошло, это даже чуть больше, чем теория. Помнишь, на Четырнадцатой шахте внезапно появилась большая рудная жила после того, как долгое время шла только мелочь? Отсюда до Четырнадцатой шахты ближе всего. Адлер, главный геолог, тогда еще высказал предположение, что шахту когда-то уже разрабатывали – около шести тысяч лет назад. Либо это, либо ледниковый сдвиг, других объяснений Адлер не видел. Но поскольку доказательства ледникового сдвига в этой местности отсутствуют, а предположение о доисторических урановых разработках носит и вовсе гипотетический характер, он сказал, что остается лишь развести руками. Думаю, этот дом и есть недостающее доказательство тех самых древних разработок. Я почти уверен, что на всем пути отсюда до шахты мы встретим радиоактивную руду.

– Для тебя все складывается совсем неплохо, если это так. – Кунц встал и перешел на кухню. Пол последовал за ним. – Именно на этом месте стоит твой дом.

– Ну, наша археология шесть тысяч лет назад еще лежала в пеленках, и уран никого на Земле тогда не интересовал. Остается предположить, что шахту разрабатывали инопланетяне – с одной из планет Солнечной системы или откуда-то еще. Может, здесь у них была заправочная станция для кораблей, а может, это было место приземления на тот случай, если требовался непредвиденный ремонт или дозаправка.

– А дом?

– В доме они жили, пока разрабатывали шахту, а когда ушли, то оставили его здесь. Люди ведь тоже покинут свои дома, когда уйдут из Литл-Ферми. Он оставался здесь, все время ожидая чего-то, – скажем, телепатического сигнала от тех, кто захотел бы здесь поселиться. Эта мысль могла послужить своего рода спусковым крючком для того, чтобы он начал функционировать...

Отчаянный крик Эстер заставил их выскочить наружу.

– Я только что сломала второй скальпель об этот иридий, притворяющийся хрупкой плотью. У меня определенно есть подозрение, Пол, что я не смогу отколоть от него ни кусочка без твоего разрешения. Пожалуйста, скажи своему дому, что ничего страшного с ним не произойдет, что я просто хочу отрезать от него крошечный кусочек.

– Да... Так и есть, ничего страшного, – смущенно сказал Пол и добавил, обращаясь к Эстер: – Смотри только, долго его не мучай.

Оставив девушку брать образцы – длинные, тонкие срезы со стены в угловой части дома, – они спустились по лестнице в подвал. Коннор Кунц все время оглядывался по сто-

ронам, надеясь обнаружить что-то, подтверждающее теорию биологического происхождения дома, но находил лишь цементную побелку.

– Предположим, его функция... – заговорил он наконец. – Его функция – служить! Мой дорогой друг, как тебе кажется, этот дом имеет пол?

– Пол? – Маркус даже подскочил, так поразила его эта мысль. – В смысле, может ли он размножаться, порождая множество маленьких бунгало?

– Ох, не в репродуктивном смысле, вовсе не в репродуктивном! – Доктор шутливо ткнул в бок своего коллегу и начал подниматься по ступенькам. – Я имею в виду пол в эмоциональном, психологическом смысле. Как женщина хочет стать женой мужчины, как мужчина ищет женщину, для которой сможет стать подходящим мужем, – точно так же и этот дом желает стать домашним очагом для живого существа, которое будет и нуждаться в нем, и владеть им. Осуществляя себя в таком качестве, он становится способен на добровольные поступки – демонстрацию привязанности в тех формах, которые естественны для существа, которому он служит. Мало-помалу он также может теоретически стать удачливым посредником в разногласиях, возникающих при устройстве семейной жизни в двадцатом столетии, с которыми вы с Эстер свыклись, воспринимая их как беспорядочное скопище случайностей. Этакая ненавязчивая любовь и одаренное богатым воображением служение.

– Он такой, да. Если бы только у Эс не было привычки цапать меня за нервы... Хм-м. Ты заметил, как хорошо она сегодня выглядит?

– Конечно. Дом подрегулировал ее личность для увеличения общей суммы твоего счастья.

– Что? Эс изменилась? Ты с ума сошел, Коннор!

– Наоборот, мой мальчик. Уверяю тебя, в Литл-Ферми и всю дорогу сюда она спорила со мной, как никогда. Потом она увидела тебя и внезапно обрела черты традиционной женственности – при этом ни на йоту не утратив присущей ей тонкости восприятия. Когда кто-то вроде Эстер Сакариан, начисто отвергающий позицию «Ты, как всегда, прав, мой господин», приобретает ее столь мгновенно, это невозможно без посторонней помощи. В данном случае без помощи твоего дома.

Пол Маркус уперся костяшками пальцев в твердую, надежную субстанцию стены подвала.

– Дом изменил Эс ради моего личного удобства? Не знаю, нравится ли мне это. Эс должна быть Эс, хороша она или плоха. Кроме того, ему может взбрести в голову изменить и меня.

В глазах умудренного жизнью дока вспыхнули беспощадные огоньки.

– Не знаю, как он воздействует на психику – может, какое-то излучение высшего порядка на интеллектуальном уровне? – но позволь задать тебе вот какой вопрос: разве ты не был бы счастлив с милой, готовой прислушаться к твоим желаниям копией мисс Сакариан? И более того, что плохого будет в том, если дом изменит и твою собственную натуру?

Пол пожал плечами.

– Я счастлив, что в Эс наконец-то проснулось нечто женственное. А вот что касается всего остального... По-моему, дом может воздействовать только на что-то вроде формы мебели или вкуса пищи. И никто не в состоянии убедить меня в обратном. Все это звучит настолько дико, что я даже обсуждать не хочу такое предположение.

Коннор Кунц разразился громким смехом и выразительно хлопнул себя по бедрам.

– Прекрасно! И конечно, ты даже представить себе не можешь, какое желание заставило дом породить в тебе такое состояние разума. Он учится служить тебе все лучше и лучше! Доктору Дюфейлу это наверняка понравится!

– Давай внесем в этот вопрос ясность. Я не настроен способствовать расширению познаний наших биологов за счет своего удивительного дома и его возможностей, каковы бы они ни были. Могу я убедить тебя помалкивать?

Кунц посмотрел на Пола со всей серьезностью.

– Ну, конечно! Вот так, с ходу, мне приходят в голову, по крайней мере, две веские причины, почему не следует обсуждать твой дом ни с кем, кроме тебя самого и Эстер. – Он задумался. – Нет, существует шесть или семь причин, чтобы даже не заикаться о нем Дюфейлу или другим биологам. Да что там! Буквально десятки очень уважительных причин.

Пол проводил Коннора Кунца и Эстер к вертолету, пообещав, что на следующее утро снова приступит к своим обязанностям.

– Но, начиная с этого времени, ночевать я собираюсь здесь.

– Не слишком усердствуй, – предостерегла его Эстер. – И не расстраивайся из-за Каролины.

– Не беспокойся, – он кивнул в сторону взволнованно подрагивающего дома. – Хочу научить его паре вещей. Вроде того, чтобы не подглядывал, когда я не один. Эс, скажи, ты не хотела бы поселиться тут со мной? На твою долю придется столько же заботы и любви, сколько и на мою.

Она засмеялась.

– Мы втроем... проведем вместе прекрасную жизнь. Это будет совершенный брак. Нам не понадобятся никакие слуги – только ты, я и дом. Может, уборщица раз или два в неделю для видимости. Если и в самом деле возникнет бум, все начнут покупать участки, и у нас появятся соседи.

– Ну, насчет соседей можешь не беспокоиться, – хвастливо заметил Пол, заметив, что Коннор Кунц внезапно побледнел больше обычного. – Мы разбогатеем, как только выяснится, что рудная жила проходит по нашей территории. Когда Литл-Ферми начнет снабжать топливом все американские континенты, мы прикупим в пригороде еще земли. И подумай о том, какие научные изыскания мы с тобой сможем сделать в области физики и бактериологии, Эс! Учитывая, что дом в состоянии снабдить нас любым оборудованием, какое только поддается воображению!

– Вы будете очень счастливы, – отрывисто бросил Кунц. – Дом сделает все, чтобы вы были счастливы, даже если для этого ему придется убить вас... я имею в виду ваши эго. – Он повернулся к Эстер. – Помнишь, ты вчера сказала, что Пол должен сильно измениться, чтобы ты согласилась выйти за него замуж? Он что, в самом деле изменился или это дом изменил тебя?

– Я так сказала? Ну, Пол не совсем... Однако дом...

– А как насчет странного ощущения, которым, по твоим собственным словам, ты обязана дому? – продолжал доктор. – Как будто что-то разомкнуло некоторые связи у тебя в мозгу и заменило их новыми? Неужели ты не понимаешь, что эти новые связи имеют отношение к Полу и это дом установил их?

Пол обнял девушку и сердито посмотрел на Кунца.

– Мне не нравится эта идея, даже если она в какой-то степени соответствует реальности. – Его лицо прояснилось. – Но эта степень достаточно мала, чтобы рассматривать твою идею как реальную. А ты что скажешь, Эс?

Она, казалось, пребывала в смятении, таком сильном, что от нее чуть не сыпались искры.

– Не... Не знаю. Да, пожалуй. Хотя «реально» – неподходящее слово! Ну, я никогда не слышала о чем-то столь всецело... Все, что твой дом хочет, – это служить тебе. Он милый и совершенно безобидный.

– Это не так! – Док тяжело запрыгал, словно угодившая в сеть куропатка. – Согласен, он стремится психологически подрегулировать вас ровно в той степени, чтобы это помогло разрешению ваших серьезных внутренних конфликтов. Но не забывайте, этот дом – определенно чуждая нам форма жизни. Скорее всего, когда-то он полностью находился под контро-

лем созданий, несравненно превосходящих нас по уровню своего развития. Думаю, определенная опасность существует уже сейчас, когда он в точности исполняет твои желания, Пол; но стоит ему почувствовать себя свободным от твоих ментальных поводов...

– Хватит об этом, Коннор! – прервал его молодой человек. – Я уже говорил, что не могу согласиться с таким ходом рассуждений, а ты опять за свое. Это просто некрасиво с твоей стороны. Согласна со мной, дорогая?

– И к тому же нелогично, – улыбнулась она.

Доку Коннору Кунцу оставалось одно – просто стоять и думать про себя свои горькие думы.

За их спинами дом жизнерадостно заиграл свадебную мелодию из «Лоэнгрина».

«О, славный господин, ты не покинешь никогда...»

Когда вертолет поднимался в желтоватое предзакатное небо и Эстер махала рукой стоящей все меньше фигуре внизу, рядом с которой весело подпрыгивал дом, Кунц сказал, осторожно подбирая слова:

– Если вы собираетесь провести в этом доме что-то вроде медового месяца, вам придется получить от компании разрешение. Это может оказаться нелегко.

Она повернулась к нему:

– Почему?

– Потому что каждый из вас подписал контракт и правительство субсидировало компанию в соответствии с этим контрактом. Вы не имеете права просто так взять и гулять, сколько вам вздумается. Если на то пошло, Пол уже сейчас может иметь неприятности, устроив себе этот затянувшийся выходной.

Эстер на мгновение задумалась.

– Да, понимаю. Но знаешь, Коннор, этот чудный дом и все прочее... Я хочу, не откладывая, совсем уйти из компании и поскорее перебраться сюда. Уверена, Пол настроен точно так же. Надеюсь, никаких сложностей не возникнет. – Она легко рассмеялась, лицо у нее прояснилось. – Нет, не думаю, что возникнут какие-то сложности. Думаю, все пройдет гладко. Я просто чувствую это.

Это необычное для Эстер Сакариан проявление «женской интуиции» исключительно точно отражает положение вещей, потрясенно подумал Коннор Кунц. На протяжении всего полета его одолевали тревожные мысли.

«Дом позаботится, чтобы правительство без всяких сложностей аннулировало их контракт, потому что хочет видеть их счастливыми. Он будет оберегать их счастье, давая им все, что они пожелают, – за исключением возможности покинуть его. Этот продукт чьей-то невероятной творческой фантазии наконец-то заполучил тех, кому может служить. Вновь обретая хозяев спустя все эти долгие годы, он будет хранить его, ее, их любой ценой. Для этого ему придется начать вмешиваться в дела нашего мира, но уже первый шаг в этом направлении окажется равносильным удару по длинному ряду костяшек домино. Оберегая своих подопечных от могущего нарушить их счастье вмешательства мира, дом будет вынужден заходить все дальше и дальше.

В конце концов этот предмет домашнего обихода сможет контролировать все человечество и заставит его прыгать, подчиняясь изменчивым капризам Пола Маркуса и Эстер Сакариан. Все во имя преданного служения! Без сомнения, у него хватит сил на это, а в случае чего он наверняка сможет черпать их из доступного лишь ему одному источника, где эти силы пребывают в состоянии временного покоя. И когда он начнет контролировать всю планету... ведь наверняка никто даже не пикнет, как молчат сейчас Эстер и Пол! Этот рабелепный обломок движимого имущества настолько превосходит нас по своим возможностям, что запросто сумеет перестроить наше мышление. Подумать только, я сижу рядом с одной из тех двоих, чья любая, даже мимолетная фантазия вскоре станет непреложной командой! Ужасно, ужасно...»

Однако к тому времени, когда Коннор Кунц посадил вертолет в Литл-Ферми, эти идея больше не вызвала у него возражений. Ему казалось это в порядке вещей – что он может делать лишь то, против чего Пол и Эстер не будут возражать. А как же иначе, в самом деле?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Причина, по которой я взялся за эту историю, имела мало общего с научной фантастикой или с зарабатыванием денег. Я пытался написать портреты моих ближайших в то время друзей – Джуди Меррил и Теда Старджона. Когда я дал им прочитать законченный фрагмент, они сказали, что сам рассказ, может, и неплох, но в том, что касается их портретов, – это полный провал. Я, однако, считал, что и сам рассказ никуда не годится, и так же думаю сейчас, но помещаю рассказ здесь ради исторического или литературного значения, которое он, возможно, имеет.

Цитируя нашего великого президента-оратора, Ричарда Никсона, позвольте мне прояснить одну вещь: Тед и Джуди никогда не рассматривали возможность брака друг с другом. В то время мы трое вели счастливую жизнь с различными партнерами, но я чувствовал, что, увязывая их друг с другом сюжетно, повышаю градус необходимого драматического накала, могущего, в свою очередь, усилить портреты, которые я пытался создать.

И еще кое-что. Приписываемые главному герою музыкальные и книжные предпочтения были скорее моими, нежели Теда, а характер Коннора Кунца базировался на образе Джерома Стэнтона, позднее – редактора «Поразительной научной фантастики» (где рассказ, в конце концов, и появился), человека, который практически вытащил Старджона из трущоб, поселив его в своей квартире, когда тот вернулся в Нью-Йорк из тропиков после творческого кризиса и болезненного развода.

А что насчет самого дома? Дом – моя попытка описать существование такого вида жилого помещения, какое, по моему мнению, Тед в то время как раз разыскивал. Он сказал, что считает это лучшей частью повествования. Во как!

Написан в 1947 г., опубликован в 1948 г.

Жили люди на Бикини, жили люди на Атту

В один прекрасный день оказалось, что Земля окружена космическими кораблями.

Они были огромными, совершенно немислимым по земному разумению форм; в основе их перемещения в пространстве лежали такие могучие силы, что ни один астроном даже не заподозрил их приближения. Корабли просто материализовались вокруг планеты в каком-то сверхъестественном множестве и так и оставались висеть на орбите на протяжении примерно двух десятков часов, никак не проявляя себя.

Зато на Земле, естественно, все кипело; отчасти это напоминало безумие. Слухи распространялись почти мгновенно, союзник протягивал союзнику потную от страха руку, враг пытался выведать о враге все, что только возможно.

Газеты выходили со скоростью работы печатных станков, а на экранах телевизоров взъерошенные, заикающиеся ученые – физики-атомщики, ботаники, археологи, анатомы и проч. – мелькали, как в сумасшедшем калейдоскопе. То и дело на улицах завязывались стихийные драки; в церкви и приемные психоаналитиков ломились толпы обалдевших людей; резко возросло число самоубийств.

Экспедиция, работающая на озере Лох-Несс, под присягой показала, что к ним приблизилась сорокавосемифутовая морская змея, которая на безупречном английском объявила себя жительницей звезды Арктур, прибывшей на Землю два часа назад ровно. Она ратовала за права рабочих и выступала против вивисекции.

По всему миру мужчины, женщины, дети, щурясь и прикрывая глаза от солнца, всматривались в небеса. Иногда им удавалось различить очертания какого-нибудь из кораблей, похожего на виноградную гроздь невероятных размеров. Ночью чужеземные корабли неярко мерцали, окрашивая фиолетовое небо вокруг себя желтоватой фосфоресцирующей сеткой.

Люди испуганно суеились, без конца спрашивая и у начальства, и друг у друга, и даже у прохожих на улице:

– Что это значит? Чего они хотят?

Никто понятия не имел ни «что», ни «чего».

Радиоуправляемый космический зонд, предназначенный для исследования марсианских лун, перепрограммировали таким образом, чтобы он прошел вблизи чужих кораблей. Едва выйдя за пределы атмосферы, он бесследно исчез. Следом спустя минуту-другую исчезли все искусственные спутники Земли. Никаких взрывов, никаких таинственных смертоносных лучей – только что спутники были, и вот их нету.

Уже не вызывало сомнений, что, если космические пришельцы задумают напасть на планету, чтобы расправиться с ее населением, ничто их не остановит. Все, что человечество могло выставить против них, выглядело не эффективнее мухобойки против тротилового заряда.

Тем не менее нация за нацией были поставлены под ружье. Пилоты напряженно застыли в своих машинах, ожидая приказа к вылету, хотя все они понимали, что не смогут покрыть даже сотую часть расстояния до космических кораблей; зенитные расчеты, полностью укомплектованные боезарядами, тоже ожидали сигнала к началу действий. Все системы противоракетной обороны и нападения были приведены в состояние полной боевой готовности. В Гренландии, на мысе Горн и на Андаманских островах было объявлено военное положение.

В то же время люди доброй воли на всей Земле пытались обратить внимание общественности на то, что обитатели космических кораблей, скорее всего, не имеют никаких враждебных намерений. Уровень их технологии несравненно выше земного – почему в таком случае не может быть выше их социальный уровень? Если машины пришельцев лучше, почему не могут быть лучше и нормы их этики? Рассуждайте здраво, страстно призывали ратующие за дело

мира: если чужеземцы смогли приблизиться к Земле столь неожиданно, им ничего не стоило уничтожить ее во мгновение ока. Нет, считали они, человечеству нечего бояться.

Человечество, однако, упрямо продолжало бояться.

– Эти космические корабли, зачем они здесь?

В продолжение всего этого злосчастного дня и последовавшей за ним столь же злосчастной ночи в военных штабах и кабинетах правительств кипела бурная деятельность. Военные собрали специалистов различных профилей, так или иначе имеющих отношение к сфере коммуникаций, и поставили перед ними задачу найти способ передавать и получать сообщения с чужеземных космических кораблей. Радио, световые сигналы, даже телепатия – все было испробовано. И ничего не сработало. Паника росла.

Через двадцать часов после появления кораблей на орбите от каждого из них одновременно отделились по пять кораблей поменьше. Они устремились к поверхности планеты и, приземлившись, начали громко вещать через установленные на них громкоговорители:

– Всем покинуть Землю!

В Тибете эти слова прозвучали по-тибетски; в Норвегии – по-норвежски; на озере Чад – на диалектах многочисленных окрестных племен; в центральной же части Соединенных Штатов Америки их слышали именно в таком виде: «Всем покинуть Землю! Немедленно!»

Примерно в течение получаса эти слова обрушивались на ошеломленных людей, собравшихся вокруг странных кораблей. Затем внезапно и одновременно по всей Земле в кораблях открылись проемы и оттуда вышли металлические создания с металлическими щупальцами вместо рук. Люди, способные еще хоть что-то соображать, пришли к выводу, что создания эти – роботы, механические слуги разумных существ из больших космических кораблей, по-прежнему парящих в пустоте над Землей.

И тут роботы стали хватать людей: подходили к какой-нибудь группе – причем двигались поразительно быстро, – вытягивали вперед свои щупальца и мягко, но очень цепко обхватывали человека за талию. Когда в каждом щупальце оказывался брыкающийся, вопящий, извивающийся человек, роботы возвращались на корабль, все время настойчиво, хотя и несколько монотонно повторяя: «Все должны покинуть Землю – все!»

Людей осторожно размещали в чем-то вроде корабельного трюма, и затем роботы уходили опять, закрыв за собой дверь. Далее они захватывали новые порции или впавших в истерику, или потерявших сознание, или застывших от ужаса людей и тоже переправляли их в трюмы. Как только пленников скапливалось столько, что им становилось тесно, судно взмывало вверх и возвращалось на большой корабль. Там роботы осторожно, с некоторым даже изяществом переносили людей одного за другим в гораздо более вместительные трюмы корабля-матки. В этих трюмах были установлены длинные ярусы коек наподобие тех, что имеются на военных кораблях. На каждой койке лежали одеяло и подушка из незнакомого мягкого белого материала. Когда размещение людей завершалось, меньший корабль с роботами отбывал на Землю за новым грузом.

Погрузка продолжалась весь день и всю ночь. Сбившись в трюмах кораблей-маток, люди устремляли вверх безумные взоры. Каждые пять минут в центре металлического потолка высоко над их головами открывалось отверстие и оттуда вливалась новая группа извивающихся, орущих пленников. Потом потолок снова обретал целостность, а вновь прибывшие мягко приземлялись на пружинистый пол и тут же осыпали захваченных раньше градом вопросов.

Что с ними собираются делать? С какой целью? Кто стоит за всем этим? Куда их собираются везти? Может, их просто съедят, а этот сводчатый, гигантских размеров трюм всего-навсего склад провизии?

Ответа не знал никто. Большинство пленников дрожали от страха, ожидая худшего; лишь немногие не утратили способность рассуждать здраво; но никто ничего не знал.

Весь день и всю ночь людей грузили на корабли. Без малейших исключений. Границы государств не учитывались. Португальских рыбаков размещали среди китайских крестьян из Квантуна. Римские католики опускались на колени и молились вместе с раздражительным методистом из Альбукерке, Нью-Мексико; симпатичный молодой председатель колхоза суетился, сбивая группу изучения марксизма из числа повизгивающих от страха празднично одетых матрон из Йоханнесбурга, Южная Африка, захваченных во время собрания женского благотворительного общества.

Когда в трюм загружали столько народу, что свободных коек не оставалось, потолок больше не открывали, и деятельность чужаков перемещалась к другому трюму или другому кораблю. Таким образом, половина конгресса Соединенных Штатов Америки оказалась вместе с учениками средней школы из Бухареста, а другая половина тщетно пыталась собрать информацию и навести порядок среди крестьян из Мадраса и совершенно сбитых с толку заключенных дамасской тюрьмы.

Погрузочные работы продолжались пятеро суток. Ничто не могло их ни задержать, ни остановить. Ракеты с ядерными боеголовками не просто исчезали, не долетев до цели, но заодно привлекали внимание пришельцев к тем местам, откуда их запускали. Была ли это аризонская пустыня или сибирская тундра, в течение считанных минут там появлялись роботы и делали свое дело. Кое-где воинские подразделения доблестно вели оборону до последнего. Их командиры в оцепенении смотрели, как снаряды отскакивают от роботов, не причиняя им ни капли вреда, и как роботы, не обращая внимания на убийственный огонь, продолжают хватать сражающихся.

Наконец работа была закончена. Подводные лодки подняли на поверхность и освободили от экипажей; горняки в глубочайших шахтах отчаянно цеплялись за деревянный крепеж, однако роботы мягко, но непреклонно отрывали их щупальцами от подпорок и переносили в трюм корабля.

Таким образом, всех, кто жил на Земле, доставили на чужеземные корабли. Всех, кроме животных. Животных оставили там, где они обитали, – а вместе с ними обезлюдившие поля, бескрайние леса и моря, омывающие пустынные берега материков.

Когда погрузка была закончена, космический флот дружно тронулся с места. Ускорение было практически не ощутимо, поэтому немногие из людей догадались, что путешествие началось. Корабли двинулись прочь от Земли, прочь от земного Солнца и погрузились в черную бездну Вселенной.

Если не считать шока, вызванного тем, что их резко вырвали из привычного окружения, люди на борту кораблей вынуждены были признать, что ничего страшного с ними не происходит. В каждом трюме имелись фонтанчики с питьевой водой и прочие необходимые удобства; койки были мягкие, поддерживалась нормальная температура.

Дважды в день, с перерывом в двенадцать часов, били корабельные склянки, и на полу неизвестно откуда появлялись огромные чаны с супом. В них плавало в зеленоватом бульоне что-то белое, похожее на клецки. И бульон, и то, что в нем плавало, были, видимо, продуктами очень питательными и на вкус терпимыми, несмотря на всю пестроту привычек множества народов, которым если что в полете и досаждало, так это однообразная диета. После того как пища съедалась, снова звенели склянки, и чаны исчезали, словно огромные пузыри. Насытившимся пленникам оставалось только бродить по трюму, пытаться выучить язык соседа-сотрюмника, спать, беспокоиться о будущем – и дожидаться следующей еды.

Если начинались какие-нибудь разборки – к примеру, между австралийскими литейщиками и зулусскими воинами за расположение медсестер ленинградской больницы, – даже если возникала крупная потасовка, или массовая драка, или, например, даже бунт, конфликты эти тут же гасились. Как до этого чаны с супом, из пола являлись роботы, каждый из них хватал столько противников, сколько мог удержать в щупальцах, и так держал их друг от друга на рас-

стоянии, пока явная нелепость подобной сцены не гасила их боевой пыл и они худо-бедно не успокаивались. Затем без каких-либо замечаний или хотя бы жеста, который что-либо кому-либо разъяснял, роботы исчезали.

Без сомнения, о людях заботились. На этом сходились все. Но почему? С какой целью?

И, несомненно, это радушие всем было приятно, хотя в нем чудился и некий зловещий оттенок. О них заботились, но кое-кто мрачно напоминал, что фермеры на скотном дворе тоже заботятся о своей скотине, которая чем тучнее, тем большая с нее будет прибыль.

А может, возражали им оптимисты, эти высокоразвитые чужеземцы смешали различных представителей человечества в одних и тех же «плавильных печах» умышленно? Разве не могли они, с тревогой наблюдая наши вечные непримиримые споры, войны, жестокие предрассудки, испытать нечто вроде праведного гнева и попытаться раз и навсегда превратить нас в одну сплоченную расу?

Трудно сказать. Вживую ни один чужеземец так и не объявился. Ни один робот после того, как трюмы закрылись, не произнес ни слова. На протяжении всего долгого путешествия, несмотря на все усилия обитателей трюмов, несмотря на неутомимую изобретательность, проявленную представителями человеческой расы буквально на всех кораблях, между людьми и их чужеземными хозяевами не завязалось никаких отношений.

Все, что пленникам оставалось делать, это гадать – точнее говоря, есть, спать, разговаривать и гадать, – пока корабли летели себе все дальше и дальше, оставляя позади одну звездную систему за другой, – только зарождающиеся, пребывающие в газообразном состоянии миры-эмбрионы и старые, превратившиеся в обломки, мертвые, безжизненные планеты.

И по мере того как тянулись дни – различаемые лишь благодаря периодам сна и регулярно подводимым часам на руках у пленников, – большинство людей начали склоняться к тому, что полное отсутствие связи с пришельцами и пренебрежение, которое они этим выказывают, служат очень тревожным признаком.

В самих трюмах между тем происходило множество больших и малых событий. Молодая домохозяйка из Дании, оказавшись в разлуке с мужем и детьми и устав отбиваться от домогательств мужчин с Тробриандских островов, не мудрствуя лукаво выбрала самого рослого и настойчивого из своих поклонников; члены Совета Безопасности ООН оставили попытки наладить дружественные отношения с чудаковатыми раввинами в длиннополых сюртуках из вильямсбургского квартала Бруклина и сидели в тягостной изоляции в своем углу трюма, время от времени возвещая, что только они представляют собой мировое правительство, имеющее законное право вести переговоры с чужеземцами от имени всего человечества. Тогда, конечно, когда чужеземцы пожелают вступить с землянами в переговоры...

Вот что было главным камнем преткновения, и все ощущали это в той или иной степени, ощущали все острее и острее, по мере того как дни складывались в недели, а недели в месяцы. Внутри каждого – дипломата и набожного еврея-хасида, белой женщины с побережья Северного моря и чернокожего мужчины с широких просторов Тихого океана – нарастали нервная напряженность и беспокойство за свое будущее. Что будет с ними дальше? Зачем могла понадобиться чужеземцам вся человеческая раса?

Большинство пленников не почувствовали, когда корабли прибыли к месту назначения и остановились. Понимание того, что путешествие закончилось, пришло лишь в тот момент, когда над их головами открылись трюмы и внутрь хлынул солнечный свет. Когда первые радостные возгласы смолкли, все заметили, что этот свет имел не желтый, а красноватый оттенок.

А потом началась высадка.

На этот раз, в отличие от посадки, никто не кричал, не сопротивлялся и даже не испытывал страха. Все были едва ли не счастливы при появлении роботов, повторивших то, что они проделали несколько месяцев назад, но в обратном порядке. Мужчины и женщины, за

исключением чересчур нервных и подозрительных, чуть ли не дрались за возможность оказаться первыми среди тех, кого захватывали твердые, блестящие, состоящие из сегментов щупальца. Людей пересаживали на корабли меньших размеров, которые, словно крошечные паучки, лепились к бокам огромных транспортников.

Когда малые корабли приземлились, человеческий контингент с энтузиазмом помогал роботам сам себя выгружать. Корабль за кораблем, теперь опустевшие, возвращались к основному флоту за новыми людьми, а те земляне, что уже высадились, стояли на твердой почве и с любопытством озирались по сторонам.

Это была не Земля – вот единственное, что не вызывало сомнений.

Твердая серая поверхность планеты выглядела слегка холмистой, но без единого признака наличия гор. Пахнувшая сухостью серая планета, бедная океанами, с разбросанными тут и там крошечными, похожими на озера морями. Серая, обдуваемая ветрами планета, без деревьев, способных противостоять этим ветрам и их усмирить. Из песка вылезали растения с широкими листьями, низкие, не выше лодыжки, – и больше никакой флоры.

Все краски тут были «не такие». Растения напоминали бледно-голубой шпинат. Старое, в оспинах пятен солнце отсвечивало болезненной медью. По небу, казалось, разлили желчь; даже облаков и тех не было – просто густая желчь с зеленоватым отливом.

И луна не плыла среди абсолютно незнакомых созвездий. Ночью здесь царил мрак, и к тому же с заходом солнца жмущиеся к земле растения начинали испускать вонь, которую разносили повсюду издающие стоны ветры.

Нет, это была не Земля. Это совсем не походило на Землю... Землю, оставшуюся в немыслимом далеке.

Финский крестьянин не сводил взгляда с маленького мальчика из Дакара. Тот сорвал вялый голубой лист, попробовал разжевать его, но тут же выплюнул и принялся яростно тереть ладошкой язык. Крестьянин носком сапога ковырнул почву, чувствуя, как нарастает тревога:

«Серая пыль, больше ничего. Что съедобного может вырасти на ней? У меня нет никаких семян, но даже если бы и были, еще неизвестно, вырастет ли что-нибудь в этой проклятой пыли».

Хозяин овечьего ранчо из Новой Зеландии в недоумении покусывал ноготь:

«С нами нет никаких животных, но даже если бы и были, чем, черт возьми, они питались бы здесь? Ни одна овца, будучи в здравом уме, даже близко не подойдет к этим голубым сорнякам».

Инженер-горняк из Боливии внимательно изучил почву и сказал жене:

– Складывается впечатление, и весьма сильное, что планета богата медью – а больше почти ничем. Медь, конечно, штука хорошая, но существует много всего, чего из нее не сделаешь. Пишущую машинку, например. Автомобиль, самолет...

Люди напрасно шарили взглядом по сторонам в поисках деревьев для строительства дома или камней, чтобы построить храм с алтарем. Вокруг не было ничего, кроме зеленоватого неба, голубых растений и серой, серой, ужасающе серой почвы. Рыбаки вглядывались в толщу воды, но там ничего не плавало, не ползало, не извивалось; только тонкие пряди водорослей, пурпурно-голубых водорослей.

Маленький мальчик из Чаттануги, Теннесси, подошел к матери, обменивающейся впечатлениями с соседями, и потянул за рубашку, добиваясь ее внимания.

– Здесь очень плохо, мамочка, – решительно заявил он. – Здесь плохо, гадко, и мне здесь не нравится. Я хочу домой.

Она подхватила его на руки, прижала к себе, но не успела раскрыть рта – надо же было еще придумать, что сказать сыну! – как роботы приступили к строительству.

Они спускались с неподвижно зависших в пустоте больших кораблей, неся части сборных строений, и быстро сооружали невероятно длинные бараки со знакомыми койками внутри.

Каждый барак предназначался для людей с одного корабля; в каждом были туалеты и фонтанчики с питьевой водой; и в каждом по стенам и потолку были установлены громкоговорители.

Собрав из частей бараки, роботы загнали в них людей. Широко раскинув щупальца, они терпеливо и настойчиво подталкивали людей к дверям. Всех, независимо от возраста, пола, национальности и семейных связей. Они действовали, как всегда, эффективно; к тому же большинство людей уже усвоили, что сопротивляться им бесполезно. Роботы хорошо делали свое дело – с целеустремленностью механизмов, но достаточно мягко и вежливо для неразумных созданий.

Люди уселись на койки и стали ждать, пока всех их разместят по баракам. Затем роботы исчезли, а на их месте появились знакомые чаны с бульоном и клетками. Люди ели, искоса поглядывая друг на друга и пожимая плечами. Как только с едой было покончено, чаны исчезли тоже.

И тут впервые зазвучал голос одного из чужеземцев, хозяев роботов, владельцев похожих на виноградные гроздья кораблей.

Это было объяснение – наконец-то! Оно доносилось из маленьких громкоговорителей и звучало одновременно на всех человеческих языках – нужно было быстро рассредоточиться по бараку и отыскать, где говорят на твоём, чтобы понять его содержание. Все слушали с напряженным вниманием.

Прежде всего, объяснили чужеземцы, земляне должны проникнуться мыслью о том, что они, те, кто их доставил сюда, высокоцивилизованная раса. Это самое важное, основа основ, главная движущая сила всего, что они делают. Они – цивилизованная раса, в высшей степени цивилизованная, издревле цивилизованная, цивилизованная за пределами любых земных представлений о цивилизованности.

Земляне же как раса совершают лишь первые неуклюжие шаги на пути к цивилизованности. Мы, земляне, примитивны, жалки и – просим прощения за подобные выражения – в чем-то даже смешны. Наша технология находится на элементарном уровне, а этика и духовные знания практически отсутствуют.

Но мы разумные создания и все же несем в себе крошечные задатки цивилизованности, обещание ее. Следовательно, у них, сюда нас доставивших, отсутствовал выбор: они должны были спасти нас во что бы то ни стало, невзирая на все сложности и расходы. Что они и сделали. Цивилизованным созданиям ничего другого просто не оставалось.

Мы должны знать, что отнюдь не все создания во Вселенной столь же цивилизованны, как они. Происходят войны, используется оружие. Совсем недавно они и сами разработали новое оружие, исключительно для целей самообороны...

Это ужасное оружие, смертоносное оружие, полностью разрушающее пространственно-временную структуру в том месте, где оно применяется. Они от всей души надеются, что им никогда не придется этим оружием воспользоваться. Но ведь никто не знает, как далеко способен зайти нецивилизованный враг.

Оружие требовалось испытать.

Учитывая разрушительную природу оружия и непредсказуемые последствия его применения, испытывать его в той или иной густонаселенной области галактики было совершенно невозможно. Кроме того, чтобы получить ясную и научно обоснованную картину потенциальной военной ценности этого оружия, требовалось уничтожить целую планету.

Чужеземцы очень тщательно выбирали место испытания и остановились на малонаселенной звездной системе с единственной, не представляющей особой ценности обитаемой планетой, на которой жила крайне отсталая раса – настолько отсталая, что фактически она только сейчас начинает свое развитие. Среди множества миров они отобрали такой, в котором ни один их консультант не усмотрел ничего ценного, о котором не пролетит и слезинки ни одна другая раса в галактике, не мир, а пустое место... Короче, они выбрали Землю.

На ней они и решили испытать свое оружие – в мире, чье полное уничтожение не будет замечено практически никем.

Однако на Земле обитает раса разумных существ, пусть даже в самом широком понимании этого слова. А чужеземцы – помните? – цивилизованны, высокоцивилизованны. Они не могут просто взять и одним махом уничтожить расу разумных существ, какими бы примитивными те ни были. Они понимают свою ответственность перед самой жизнью, перед будущим, перед историей.

Итак, они проявили альтруизм, совершив нечто невероятное по своим масштабам, баснословно дорогое и вообще неслыханное. Они эвакуировали всю нашу планету, а во сколько им это обошлось, вообще невозможно выразить в масштабах слаборазвитой человеческой экономики.

Они доставили всех нас на другой конец галактики («Плевать на расходы! Расходы не имеют значения! Главное, поступать как должно!»), на планету, пока еще необитаемую и больше всех прочих во Вселенной похожую на Землю.

Размеры и масса у нее почти в точности такие же, как у Земли, – о разнице в гравитации можно не беспокоиться. Расстояние от Солнца, периоды оборота вокруг собственной оси и вокруг Солнца тоже близки к земным – так что наши система исчисления времени и календарь не претерпят больших изменений.

В общем и целом прекрасный новый дом.

Конечно, имелись и некоторые отличия: не существует двух абсолютно одинаковых планет. Чуть-чуть другой количественный состав атмосферы; вода не ядовита, но не слишком пригодна для питья; на этой почве не скоро вырастут съедобные растения. И, как мы, без сомнения, заметили, здесь нет животных и отсутствуют те минералы, которые мы использовали для развития своей технологии. Однако, плюс на минус, горькое со сладким, так или иначе, раньше или позже, мы выкарабкаемся – в этом они не сомневаются. В нашем полном распоряжении новенькая, с иголочки, нетронутая, девственная планета.

Единственное, что от нас требуется, это научиться пользоваться своим новым владением.

И пока этого не случится, они не покинут нас. Мы ведь уже поняли, как высока степень их цивилизованности? Сколько времени ни уйдет у нас на то, чтобы встать на ноги и обрести способность существовать самостоятельно, их роботы будут оставаться здесь и заботиться о нас. Мы можем жить в бараках (они сделаны из практически неразрушимого материала) до тех пор, пока не придумаем, как и из чего в этом мире можно строить дома. И суп с разработанными специально для нас питательными белыми клецками мы будем получать день за днем, пока не создадим или не найдем другие, местные источники питания.

Но все это в будущем. Позади у нас долгое, утомительное путешествие, и вряд ли мы горим желанием заняться решением практических проблем прямо сейчас. Как мы отнесемся к тому, чтобы немного развлечься? Они могут предложить нам нечто из ряда вон – нечто такое, что мы и представить себе не в состоянии.

На потолке барачных появились телевизионные экраны, и люди подняли к ним огорченные, растерянные лица. За стенами упорно, безостановочно выл ветер.

Это будет редчайшее удовольствие, продолжали свои объяснения чужеземцы; такое случается раз в тысячи и тысячи лет. Нам будет о чем рассказывать своим детям и детям наших детей. К тому же мы сможем наблюдать это невиданное зрелище одновременно со всеми другими, несравненно более развитыми галактическими расами.

– Итак, сейчас вы станете непосредственными свидетелями полного уничтожения целого мира – планеты Земля – в процессе чрезвычайно важного научного эксперимента.

Послесловие

Для тех читателей, которым это не известно:

В 1946 году Соединенным Штатам потребовалось провести испытание атомной бомбы, разработанной за год до этого, для чего был избран атолл Бикини в Тихом океане. Он состоял из тридцати шести островков на рифе общей протяженностью двадцать пять миль.

Все население было эвакуировано сначала на Ронгерик, затем на Уджеланг, потом на Кили. Между 1948 и 1958 годами на атолле было произведено двадцать три испытания атомных и водородных бомб. В 1969 году Бикини вновь был объявлен безопасным для проживания людей, а в 1974-м на атолл позволили вернуться примерно сотне прежних его обитателей. Однако в 1978 году всех их вывезли оттуда снова.

Но кому-то где-то и этих испытаний оказалось недостаточно. Тогда они перебрались на остров Атту из числа Алеутских островов в северной части Тихого океана и там занялись тем же самым.

Написан в 1994 г., опубликован в 1994 г.

Наифантастичнейшая фантастика

Она выходит только по ночам

Народ в наших краях верит, что док Джадд носит в своем черном кожаном саквояже чудо – такой уж он волшебник.

Когда я остался без ноги из-за несчастного случая на лесопилке, то устроился прислугой в дом к Джадду. Частенько, когда дока после тяжелого рабочего дня вызывали ночью к пациенту, а он выглядел слишком усталым, чтобы вести машину... в общем, я у него и шофером заделался. Я не хуже иного другого могу давить на газ ногой из блестящего пластика, которую док продал мне со скидкой, – и вот мы с ревом подкатываем к ферме, и, пока док внутри принимает роды или вынимает рыбью кость из горла у бабули, я сижу в машине и слушаю разговоры на крыльце о том, какой наш старина док крутой парень.

У нас в округе Гроппа говорят, что док Джадд может справиться с чем угодно. А я себе слушаю и киваю, слушаю и киваю. Только меня ни на минуту не оставляет мысль – что они думают насчет того, как он обошелся с единственным сыном, влюбившимся в вампира...

Лето, когда Стив приехал домой на каникулы, выдалось жарче некуда. Он было решил поездить с отцом, чтобы помочь тому по работе, да только док сказал, что после нелегкого первого курса в медицинском колледже всякому нужно отдохнуть как следует.

– Лето в наших краях – время спокойное, – толковывал он парню. – Ничего страшнее Ядовитого Плюща¹, и так будет до самого августа, когда придет черед полиомиелита. Ну и потом, ты же не хочешь оставить старину Тома без работы, нет? Послушай отца, Стиви, покайся лучше по округе в своем рыдване, поживи в собственное удовольствие.

Стив кивнул и сорвался с места.

И, видимо, развлекся как следует – не прошло и недели, как он начал возвращаться домой в пять, в шесть утра. Спал до трех пополудни, пару часов шатался по дому, а где-нибудь в полдевятого садился в свой маленький хот-род и отчаливал. Кабаки, решили мы. Или девица какая-нибудь... Не скажу, чтоб доку это нравилось, но он никогда не держал парня в ежовых рукавицах, вот и в этот раз ничего пока не говорил.

Другое дело старина Том Бутински, то бишь я. Я помогал растить мальчика с тех пор, как его мать померла, и кто, как не я, выпорол его, застав на леднике. Поэтому я осторожненько так, исподволь заводил разговор на эту тему, почти что вопросы задавал, но не напрямую, нет. Да только с тем же успехом мог беседовать с каменной изгородью. И не то чтобы Стив мне грубил, вовсе нет. Просто он с головой ушел в это что-то, чем бы это ни было, чтобы обращать внимание еще и на меня. А потом началась другая буза, да такая, что мы с доком и думать забыли про Стива.

Что-то навряд ли эпидемии навалилось на детей в округе Гроппа и уложило в постель два, а то и три десятка ребятишек разом.

– Ничего не могу понять, Том, – признавался мне док, пока мы тряслись по раздолбаным проселкам. – Налицо все симптомы серьезной лихорадки, но температура почти не поднимается. А дети все слабеют, и кровяное давление у них падает. И так все и остается, что бы я ни делал. Одно хорошо: это, похоже, не смертельно. Пока что.

И всякий раз, как он об этом заговаривал, у меня начиналось странное подергивание в культе – ну, той, к которой крепилась пластмассовая нога. Да так чувствительно, что я даже

¹ Злодейка из вселенной DC. – Примеч. пер.

пытался тему разговора сменить. И то сказать, с доком такие штуки не проходили. Он ведь привык обдумывать свои проблемы, разговаривая со мной, а уж эта эпидемия у него из головы не шла. Он написал в пару университетов в надежде на совет, но и это не слишком-то помогло.

И все это время родители больных детей жили надеждой на то, что он достанет из своего черного саквояжа обернутое в целлофан чудо. Потому как, у нас в округе Гроппа говорят, не может ничего плохого с человеческим телом случиться, с чем бы док Джадд не справился бы, не так, так этак.

У дока аж мешки под глазами потемнели от сидения ночи напролет за самыми что ни на есть новыми книжками и медицинскими журналами. И сколь я могу судить, ничего он в них не нашел, хотя спать порой ложился почти так же поздно, как Стив.

А потом он привез домой платок.

Стоило мне его увидеть, как культю мою дернуло вдвое сильнее обычного, и мне захотелось выйти из кухни.

Маленький такой носовой платочек, весь в кружевах да в вышивке.

– Что скажешь, Том? Я нашел его на полу в детской спальне у Стоупов. Ни Бетти, ни Вилли не знают, откуда он там взялся. Поначалу я думал, может, они через него инфекцию подцепили, но эти дети не имеют привычки врать. Если они говорят, что никогда прежде его не видели, значит, так оно и есть. – Он бросил платок на кухонный стол, который я только что протер, выпрямился и вздохнул. – Не нравится мне анемия у Бетти. Если бы только знать... Ну, ладно. – И он вышел в гостиную, сторбившись, словно волок на горбу мешок цемента.

Я все еще стоял, глядя на платок да обгрызая ноготь, когда на кухню ворвался Стив. Он налил себе чашку кофе, поставил ее на стол и тут увидел платок.

– Эй, – сказал он. – Это же Татьянин! Как это он сюда попал?

Я проглотил отгрызенный кусок ногтя и сел рядом с ним.

– Стив, – начал было я и тут же смолк, так как культя разболелась и ее пришлось помассировать немного. – Стиви, ты знаком с девушкой, хозяйкой этого платка? И ее зовут Татьяна?

– Ну! Татьяна Лотяну. Сам посмотри: вот ее инициалы вышиты в углу, «Т» и «Л». Она из старого, знатного румынского рода; их история чуть не пять веков насчитывает. Я хочу на ней жениться.

– Так это с ней ты встречаешься весь последний месяц по ночам?

Он кивнул.

– Она выходит только по ночам. Говорит, терпеть не может солнечного света. Ну, понимаешь ли, такая вот поэтическая натура! И, Том, она просто красавица!..

Битый час я сидел там и слушал его. И, скажу вам, с каждым словом мне все хуже становилось. Потому как у меня и самого чуток румынской крови есть, со стороны матери. И теперь я уже знал, с чего это мою культю так дергает.

Жила она в Браскет-Тауне, милях в двадцати от нас. Стив познакомился с ней как-то ночью на дороге, когда ее кабриолет сломался. Он подвез ее до дому (она тогда только-только арендовала старый особняк Мидов) – и втюрился в девицу по уши, по самые что ни на есть кончики ушей. Частенько, когда он приезжал к ней на свидание, ее не оказывалось дома. Она каталась по окрестностям на машине, дыша свежим ночным воздухом, а Стиву приходилось играть в криббедж с ее горничной, старухой румынкой с крючковатым носом, в ожидании, пока она вернется. Раз или два он пытался поехать за ней на своей тачке, но это не привело ни к чему кроме ссор. Когда она хочет побыть одна, сказала девица, она хочет одиночества, и точка. Он ждал ее ночь за ночью. Зато когда она возвращалась, если верить Стиву, это искупало все. Они слушали музыку, и болтали, и танцевали, и ели странную румынскую еду, которую стряпала крюконосая старуха. И так до рассвета. А потом он возвращался домой.

Стив положил руку мне на плечо.

– Помнишь, Том, это стихотворение, про Филина и Кисоньку? «И обнявшись, вдвоем, на песочке морском танцевали при полной луне! Да-да-да, при луне! Танцевали при полной луне!»² Вот на что будет похожа моя жизнь с Татьяной. Если только она согласится стать моей... Мне все никак не удается уговорить ее.

Я чуток перевел дух.

– Это первая, – говорю, – хорошая новость, что я от тебя услышал. – Не могу сказать, чтоб я хорошенько подумал, прежде как это ляпнуть. – Потому как женитьба на такой девушке...

Тут я увидел, какие сделались у него глаза, и прикусил язык, да только было уже поздно.

– Что, черт побери, ты хочешь этим сказать, Том: «на такой девушке»? Ты же ее даже не видел!

Я попытался было увильнуть от ответа, но Стив впился в меня как клещ. Видать, зацепило его не на шутку. Поэтому я и решил, что ничего не остается, как выложить ему всю правду, как она есть.

– Послушай меня, Стиви. Только не смейся. Твоя подружка – вампир.

У него челюсть отвисла.

– Том, да ты с ума...

– И вовсе нет. – И тут я выложил ему все, что знал о вампирах. Все, что услышал от матери, которая приехала сюда из родной Трансильвании, когда ей едва исполнилось двадцать. Как они выживают, какими странными свойствами обладают – если смогут лакомиться от случая к случаю человеческой кровью. Как ихние свойства вампирские передаются от поколения к поколению, так что хоть один ребенок из потомства да унаследует жажду крови. И как они выходят только по ночам, потому как солнечный свет – одна из немногих вещей, что грозят им неминуемой смертью.

В этом месте моего рассказа Стив сделался белый как мел. Но я продолжал. Я поведал ему про загадочную эпидемию, поразившую детей округа Гроппа, от которой у них развивается анемия. Я поведал ему о том, как его старик нашел этот чертов платок в доме у Стоупов, в комнате у детей, хворавших гораздо сильнее других. И начал толковать о том, что... и тут вдруг оказалось, что толковать-то мне и не с кем. Стив вскочил и пулей вылетел с кухни. Спустя секунду или две я услышал, как взревел его хот-род.

Он вернулся ближе к полудню и выглядел таким усталым, ужасно постаревшим на вид, почти как его отец. И ведь все так и оказалось, как я сказал. Когда он разбудил Татьяну и спросил ее напрямую, так это или не так, она разревелась в три ручья. Ну да, она была вампир, но жажду крови ощутила всего пару месяцев назад. Поначалу она пыталась с этим бороться, да только едва умом не тронулась, так ее крутило да корежило. Кормилась она только на детях, потому как взрослых боялась: вдруг те проснутся да схватят ее. И каждый раз старалась обойти побольше детей, чтоб на каждого поменьше потерянной крови приходилось. Да только вот беда, жажда ее разгоралась все сильнее.

И даже так Стив продолжал просить ее выйти за него!

– Должно же быть средство, способное это вылечить, – сказал он. – Это болезнь, такая же, как любая другая.

Вот только девица... ей-богу, я радовался как маленький, когда узнал, что она сказала «нет». Она оттолкнула его и попросила уехать.

– Где папа? – спросил он. – Может, он знает.

Я сообщил ему, что отец, должно быть, отбыл почти одновременно с ним и до сих пор не вернулся. Так что мы с ним сидели и думали. Кумекали то так, то этак. Когда зазвонил телефон, мы едва не попадали со стульев. Стив пошел в гостиную ответить и почти сразу же

² Эдвард Лир, «Филин и Кисонька». – *Примеч. пер.*

начал кричать что-то. Потом вихрем влетел на кухню, схватил меня за руку и потащил к себе в машину.

– Это Магда, Татьянина горничная, – сказал он, когда мы уже неслись в ночи по шоссе. – Говорит, с Татьяной после моего отъезда случилась истерика, а потом она уехала куда-то на своем кабриолете, ни слова ей не сказав. Магда боится, как бы она чего-нибудь с собой не сделала.

– Наложил на себя руки? Но как? Она же вампир?.. – И вдруг я понял, как. Посмотрел на часы и все понял.

– Стиви, – крикнул я ему. – Гони на перекресток в Криспин! Гони что есть мочи!

И он погнал. Порой мне казалось, мотор оторвется от машины, так он надрывался. Помнится, повороты мы проходили на двух колесах, а ощущение было такое, что и вовсе на одном.

Кабриолет мы увидели сразу, как вылетели на перекресток. Он стоял у тротуара одной из трех дорог, пересекавших городишко. И на самой середине пустынного перекрестка виднелась фигурка в тонкой ночной рубашке. Моя культа болела так, словно по ней со всего маху ударили молотком. Мы подбежали к девице, и тут церковный колокол начал бить полночь. Стив бросился вперед и выхватил у нее из рук заостренную деревяшку. Она упала в его объятия и разревелась.

Признаюсь, я чувствовал себя паршивее некуда. Потому что все, о чем я мог думать, – это о том, каким таким наущением Стив сподобился полюбить вампира. О ее чувствах я не думал. А ведь она, должно быть, здорово его любила, если пыталась убить себя единственным доступным вампиру способом: воткнув осиновый кол в сердце на перекрестке в полночь. И хороша же она была – не то слово! Я-то представлял ее себе этакой ведьмой с картинки: высокой, тощей, в обтягивающем платье. А увидел перепуганную, хрупкую девчонку, которая, сев к нам в машину, свернулась у Стива под свободной рукой так, словно хотела остаться там навсегда. И ведь она была даже младше Стива.

В общем, всю дорогу домой я думал о том, что этим ребятишкам придется ой как нелегко. Плохо влюбиться в вампира, но каково вампиру влюбиться в смертного...

– И как же мне выйти за тебя замуж? – всхлипывала Татьяна. – Что за жизнь у нас с тобой будет? И ведь, Стив, однажды ночью я могу так проголодаться, что нападу на тебя...

Одного мы не приняли в расчет – дока. Скажем так, недооценили.

Стоило ему познакомиться с Татьяной и услышать ее историю, как плечи его расправились, а в глазах снова загорелся обычный огонек. Главное, с больными детьми больше ничего не случится. А что до Татьяны...

– Вздор, – сказал он ей. – В пятнадцатом веке вампиризм был неизлечимым заболеванием, но я уверен, в двадцатом с ним можно справиться. Во-первых, этот ваш ночной образ жизни говорит о возможной аллергии на солнечный свет и, вероятно, о фотофобии в легкой форме. Походите некоторое время в темных очках, девочка моя, и мы посмотрим, что удастся сделать гормональными инъекциями. Вот с потребностью в крови, сдается мне, справиться будет сложнее.

Но ведь он и с этим справился!

Кровь для переливания хранят теперь в обезвоженном, консервированном виде. Поэтому каждый вечер перед сном миссис Стивен Джадд насыпает немного порошка в высокий стакан с водой, бросает туда кубик-другой льда и получает свою ежедневную порцию крови.

И, насколько мне известно, они с мужем живут счастливо, в любви и ласке.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мне почти нечего сказать об этой истории. Лео Маргулис, издатель, и Фрэнк Белкнеп Лонг, редактор «Фэнтэстик Юниверс» пригласили меня как-то на ланч и предложили написать

для них готический ужастик. Я честно попробовал, но не мое это оказалось дело: я уже написал как-то рассказ для «Виэд Тейлз» и с тех пор зарекся работать в подобном жанре. Поэтому я написал рассказ готический, но еще и научно-фантастический. Насколько он удался, судить читателям. Однако примите к сведению, что развязка мне удалась точно. Настолько, что ее у меня украли несколько рассказов и по меньшей мере два фильма.

Написан в 1955 г., опубликован в 1956 г.

Мистрис Сари

В тот вечер, подходя к дому, я миновал двух девочек, с серьезным видом стучавших мячиком о мостовую в такт древней считалке. Должно быть, у меня губы побелели, – с такой силой я стиснул зубы, в правом виске с барабанным грохотом пульсировала кровь, и я вдруг понял: что бы ни случилось, я не в силах сделать ни шага, пока они не допоят ее до конца:

Раз, два, мистрис Сари,
На метле и в пеньюаре.
Три, четыре, пять,
Надо ведьму нам прогнать!

Стоило девчонке допеть последнюю ноту, как я снова ожил. Я отпер ключом замок и поспешно закрыл за собой дверь. Потом зажег свет везде: в прихожей, на кухне, в библиотеке. А потом долго-долго расхаживал по комнатам – до тех пор, пока дыхание мое не успокоилось, а жуткое воспоминание не убралось прочь, затаившись в какой-то глубокой расщелине моей памяти.

Этот стишок! Что бы там ни говорили мои друзья, я вовсе не ненавижу детей. То есть ни капельки не ненавижу... но с чего это они вдруг запели эту дурацкую песню? Как раз тогда, когда я проходил мимо? Словно эти мелкие мерзавки знали, что она делает со мной...

Сариетта Хоун поселилась у миссис Клейтон после смерти ее родителей в Вест-Индии. Ее мать приходилась миссис Клейтон сестрой – единственной; у ее отца, колониального чиновника, родственников вообще не нашлось. Вполне естественно, ребенка отослали по морю в Ненвилль, к моей домохозяйке. Ее записали в ненвилльскую начальную школу, где я преподавал математику и естественные науки, – в дополнение к английскому, истории и географии, за которые отвечала мисс Друри.

– Эта маленькая Хоун совершенно невозможна! – мисс Друри вихрем влетела в мой класс в начале утренней перемены. – Она просто уродка – наглая, отвратительная уродка!

Я дождался, пока гулкое эхо ее пронзительного голоса стихнет в пустой классной комнате, и удивленно поднял взгляд на ее монументальную, в лучших традициях викторианской эпохи фигуру. Туго стянутый корсетом бюст вздымался как после долгой ходьбы; тяжелые юбки с каждым шагом хлопали ее по лодыжкам. Она остановилась перед доской. Я откинулся на спинку стула и заложил руки за голову.

– Будьте добры, мисс Друри, выбирайте выражения. Последние две недели я был слишком занят подготовкой к четверти, поэтому не успел приглядеться к Сариетте. У мисс Клейтон нет своих детей, так что, когда девочка приехала в прошлый четверг, она встретила ее со всем присущим ей радушием. И она не потерпит, чтобы Сариетту наказывали так... так... ну, как вы поступили неделю назад с Джоом Ричардсом. И, если уж на то пошло, попечительский совет тоже этого не потерпит.

Мисс Друри сердито тряхнула головой.

– Поучи вы детей столько, сколько я, молодой человек, уж вы бы знали, что экономить розги на таких упрямых отродьях, как Джой Ричардс, глупо – ни к чему хорошему это не приведет. Если я не буду кормить его березовой кашей время от времени, помяните мое слово, он вырастет в такого же пьянчугу, как его папаша.

– Ладно. Только не забывайте, что школьный совет будет пристально следить за вами, мисс Друри. И с чего это вы называете Сариетту Хоун уродкой? Насколько я припоминаю, она альбинос; отсутствие пигментации проистекает из наследственных факторов, но никак не

является уродством. Оно отмечено у тысяч людей, живущих нормальной, я бы даже сказал, счастливой жизнью.

– Наследственность! – презрительно фыркнула она. – Это все ваш новомодный вздор! Истинно вам говорю: она уродка! Настоящая маленькая дьяволица, отродье Сатаны! Когда я попросила ее рассказать классу про ее дом в Вест-Индии, она встала и пропищала: «Эта книга закрыта для дураков и простофиль!» Как вам? Когда бы звонок на перемену не прозвенел, клянусь вам, я б ее высекла не сходя с места! – Она посмотрела на свои часики-кулон. – Перемена вот-вот кончится. Проверьте звонок, мистер Флинн: нынче утром он зазвонил на минуту раньше, ей-богу. И не позволяйте этой девчонке Хоун дерзить вам.

– Дети мне не дерзят. – Я посмотрел на захлопывающуюся за ней дверь и улыбнулся. Спустя минуту класс наполнился смехом и болтовней: восьмилетки занимали свои места за партами. Свой посвященный правилам деления урок я начал с того, что незаметно покосился на задний ряд. Там, напряженно выпрямив спину, аккуратно сложив руки перед собой на парте, сидела Сарьетта Хоун. На фоне темного дерева классной мебели ее пепельно-серые косички и абсолютно белая кожа, казалось, приобрели желтоватый оттенок. Глаза ее тоже были чуть желтоваты: огромные бесцветные зрачки под полупрозрачными веками, которые – по крайней мере, пока я на нее смотрел – ни разу не моргнули. Да, красивым ребенком я бы ее не назвал. Слишком большой рот; уши, посаженные почти под прямым углом к голове, и в довершение всего нос, длинный, странно кривой, спускавшийся почти до верхней губы. Да и одежда – белоснежное платье строгого покроя – играла злую шутку с ее истинным возрастом.

Закончив урок арифметики, я подошел к одинокой фигурке на задней парте.

– Не хотела бы ты пересест поближе к моему столу? – спросил я ее так мягко, как только мог. – Так тебе будет проще разглядеть то, что написано на доске.

Она встала и сделала реверанс.

– Большое вам спасибо, сэр, но там, в первых рядах, гораздо светлее, чем здесь, а у меня от света болят глаза. Я чувствую себя гораздо лучше в темноте или в тени. – Она даже чуть улыбнулась... или мне это показалось?

Я кивнул. От ее вежливого, абсолютно безукоризненного по форме ответа мне почему-то сделалось не по себе.

Все время урока естествознания я постоянно ощущал на себе взгляд ее немигающих глаз. Это действовало мне на нервы; я неловко возился с пособиями, и дети, заметив мою скованность, сразу же определили и источник напряжения. Они начали перешептываться и оглядываться на последнюю парту.

Коробка с бабочками на булавках выскользнула у меня из рук. Я наклонился, чтобы поднять ее, и в это мгновение класс – как один человек – громко охнул.

– Гляньте! Она снова делает это!

Я выпрямился.

Сарьетта Хоун продолжала сидеть все так же прямо. Но волосы ее приобрели насыщенный каштановый цвет, глаза сделались голубыми, а щеки окрасились легким румянцем.

Пальцы мои стиснули край деревянной столешницы. Невероятно! Способна ли игра света и тени производить столь фантастические трюки? Нет... не может быть! Забыв про необходимость соблюдать достоинство педагога, я тоже охнул, девочка, казалось, покраснела, и тень вокруг нее сгустилась еще сильнее.

Нетвердым голосом продолжил я рассказ про чешуекрылых и их коконы. Спустя минуту я заметил, что лицо ее и волосы снова сделались белыми, как прежде. Однако я утратил интерес к объяснениям; класс, судя по всему, тоже. Урок пошел насмарку.

– Она сделала абсолютно то же самое у меня на уроке! – воскликнула мисс Друри за ланчем. – Абсолютно то же самое! Только мне показалось, что она обернулась брюнеткой с черными глазами! И это случилось после того, как она обозвала меня – подумать только, нахалка

какая! – дурой, а я потянулась уже за березовой хворостиной, и тут она вдруг обернулась смуглянкой. Она б у меня живо покраснела, истинно говорю, да только тут звонок зазвенел. На минуту раньше!

– Возможно, – сказал я. – Но при таком экзотическом окрасе кожи и волос любое изменение освещения способно выделять невероятные штуки с вашим зрением. Я теперь даже не уверен, что действительно видел это. Сариетта Хоун – не хамелеон.

Старая учительница сжала губы так, что они побелели и превратились в тонкую линию, едва заметную на ее морщинистом лице. Потом тряхнула головой и облокотилась на стол, усыпанный хлебными крошками.

– Не хамелеон. Ведьма. Я наверное знаю! А в Библии сказано, мы должны убивать ведьм, жечь их, чтоб и духу их не осталось.

Я рассмеялся, но смех мой прозвучал в нашей подвальной столовой без единого окна как-то невесело и даже зловеще.

– Но вы же сами в это не верите! Восемилетняя девочка...

– Тем более важно перехватить ее сейчас, покуда она не выросла и не наделала серьезного вреда! Истинно говорю, мистер Флинн: я точно знаю! Один мой предок сжег три десятка ведьм в Новой Англии. У моего рода нюх на таких тварей. Не бывать миру между нами!

Остальные дети, похоже, разделяли опасения мисс Друри. Они прозвали девочку-альбиноса «Мистрис Сари». Сариетта, с другой стороны, не возражала против такого прозвища. Когда Джой Ричардс набросился на компанию детишек, следовавших за ней с этой считалкой, она остановила его.

– Не трогай их, Джозеф, – обратилась она к нему по обыкновению серьезно, как взрослая. – Откуда им знать о разнице между ведьмой и феей? А ведь я и впрямь похожа на маленькую фею.

И Джой послушно отвернулся от детей, разжав кулаки. Он ее боготворил. Возможно, оттого, что оба они сделались изгоями в маленьком детском сообществе, а может, потому, что оба были сиротами – его постоянно пьяный отец вряд ли мог считаться полноценным родителем – они всегда держались вместе. Как-то раз, выходя из дому, чтобы подышать вечерним воздухом, я наткнулся на них: он сидел на земле у ее ног, а она замолчала на полуслове, назидательно подняв в воздух указательный палец. Оба так и сидели, не говоря ни единого слова, пока я не ушел с крыльца.

Джой относился ко мне неплохо. Наверное, поэтому я единственный удостоился чести услышать хоть немного о прошлой жизни мистрис Сари.

Как-то вечером, оглянувшись во время прогулки, я увидел Джоя – он только что спустился с крыльца.

– Эх, – мечтательно вздохнул он. – Жаль, Стоголо здесь нету. Он мистрис Сари здоровско всякому выучил – уж он-то мисс Дуре показал бы! Еще как показал!

– Стоголо? – удивился я.

– Ну! Знахарь, наложивший проклятие на мамашу Сарину еще до ее рождения, – а все за то, что та его в тюрьму засадила. А как мамаша померла родами, папаша ихний, она говорит, начал пить, да еще как, похуже моего старика. Вот только она отыскала этого Стоголо и задружилась с ним. Они смешали кровь да поклялись в вечной дружбе на могиле Сариной мамаше. И он обучил ее всяким штучкам вуду вроде родового проклятия, или как делать приворотные амулеты из свиной печенки, или...

– Ты меня удивляешь, Джой, – перебил я его. – Что за глупые суеверия! И это говоришь мне ты, у кого такие хорошие оценки по естествознанию!

Он с досадой пнул башмаком траву на обочине.

– Угу, – тихо сказал он. – Угу. Извините, мистер Флинн, что заговорил об этом.

Он повернулся и побежал домой, только белая рубашонка мелькала некоторое время в темноте.

Напрасно я его перебил: он редко откровенничал со мной, а Сарьетта вообще подавала голос только тогда, когда к ней обращались, не изменяя этому правилу даже со своей тетей.

Погода сделалась удивительно теплой.

– Истинно говорю, – заявила мисс Друри как-то утром. – В жизни не видела зимы вроде этой. Одно дело бабье лето и всякие подобные потепления, но чтобы жара продолжалась изо дня в день, без малейшего намека на прохладу!

– Ученые говорят, климат становится теплее на всей земле. Конечно, сейчас это почти незаметно, но Гольфстрим...

– Гольфстрим! – фыркнула она. На ней была все та же тяжелая, плотная одежда, так что характер ее, и прежде не отличавшийся мягкостью, в жару сделался почти невыносимым. – Гольфстрим! С тех пор, как к нам в Ненвилль приехало это отродье Хоун, все вообще идет наперекосяк. Мел то и дело крошится в руках, полки в столе застревают, тряпки рвутся... Это маленькая ведьма наводит на меня порчу!

– Послушайте-ка, – я остановился и повернулся лицом к ней, спиной к зданию школы. – Все это заходит слишком далеко. Если вам угодно верить в ведьм и колдовство, это ваше дело, но не лезьте с этим к детям. Они здесь для того, чтобы приобретать знания, а не сумасшедшие бредни...

– Скучной старухи. Ну давайте, говорите уж, – огрызнулась она. – Я знаю, мистер Флинн, вы так думаете. Вы ей потакаете, вот она вас и не трогает. Но я знаю то, что знаю, и эта маленькая злобная чертовка, которую вы называете Сарьеттой Хоун, – тоже. Так знайте: между мной и этой тварью война – война добра со злом, – которая не прекратится, пока в живых не останется лишь одна из нас! – Она повернулась, взметнув полы юбок, и устремилась по дорожке к школе.

Я начал опасаться за ее душевное здоровье. Мне припомнилась ее фраза: «Не прочла ни одной книги, изданной после тысяча восемьсот девяносто третьего года!»

А потом настал день, когда ученики вошли ко мне на урок математики неслышно, словно их обволакивал пузырь тишины. Пузырь лопнул, стоило двери закрыться за последним учеником, и все начали перешептываться.

– Где Сарьетта Хоун? – спросил я. – И Джой Ричардс?

Из-за своей парты поднялась Луиза Белл в накрахмаленном розовом платье, немного великоватом для ее худенькой фигурки.

– Они провинились. Мисс Друри поймала Джоя, когда он отрезал прядь ее волос, и принялась пороть его. Тогда мистрис Сари встала и говорит, что, мол, та не должна его трогать, потому что он под ее, Сари, как это... про... протекцией, вот! А тогда мисс Друри выгнала нас всех из класса, и, думаю, теперь будет пороть их обоих. Она вконец ополоумела!

Я поспешил к двери. Не успел я коснуться ручки, как послышался визг. Голос Сарьетты! Я бросился по коридору. Визг становился все выше, дрогнул на мгновение и стих. Распахивая дверь класса мисс Друри, я был готов ко всему, даже к убийству. Но отнюдь не к тому, что я увидел.

Я стоял, держась за дверную ручку, пытаюсь осознать открывшуюся мне сцену. Джой Ричардс прижался спиной к доске и сжимал в потной руке длинную прядь седеющих волос. Мистрис Сари стояла перед мисс Друри, склонив голову набок – так, что я видел ярко-красный рубец на белой как мел шее. А мисс Друри, словно окаменев, уставилась на обломок березового прута в руке. Остальные обломки валялись на полу у ее ног.

При виде меня дети ожили. Мистрис Сари выпрямилась и, сжав губы в жесткую линию, пошла к двери. Джой Ричардс опрометью бросился к выходу. По дороге он мазнул отрезанным локоном по платью учительницы, но та его словно не заметила.

Когда они с девочкой миновали меня у двери, я заметил, что волосы у него в руке потемнели от пота – так же, как платье на спине у мисс Друри. Повинуясь легкому кивку мистрис Сари, мальчик отдал ей клочок мокрых волос. Она очень осторожно убрала их в карман платья. Потом, не говоря ни слова, оба прошмыгнули мимо меня и направились по коридору к моему классу.

Оба явно не получили повреждений, по крайней мере серьезных. Я подошел к мисс Друри. Ее колотила дрожь, и она бормотала что-то себе под нос. Взгляд ее оставался прикован к обломку березового прута.

– Он просто разлетелся на куски. На куски! Я... а он разлетелся на куски!

Я положил руку ей на талию и осторожно проводил к стулу. Она послушно села, но бормотать не перестала.

– Только раз... я хлестнула ее только раз. Я занесла руку для следующего удара... и тут прут разлетелся на куски, прямо у меня над головой. Джой стоял в углу, он не мог этого сделать... а прут разлетелся на куски. – Она таращилась на зажатый в руке обломок словно на утраченную драгоценность. Я не мог бросить урок. Я принес ей стакан воды, попросил уборщика позаботиться о ней и поспешил обратно в свой класс.

Кто-то из учеников по глупости или из обычной детской жестокости написал на доске крупными буквами стишок.

Раз, два, мистрис Сари,
На метле и в пеньюаре.
Три, четыре, пять,
Надо ведьму нам прогнать!

Рассерженный, повернулся я к классу – и сразу же заметил изменения. Парта Джоя Ричардса опустела. Он переместился к мистрис Сари, в тень на заднем ряду.

К моему несказанному облегчению, мистрис Сари ни словом не обмолвилась об инциденте. За обедом она по обыкновению сидела молча, не сводя глаз со своей тарелки. Стоило тарелке опустеть, как она извинилась и выскользнула из столовой.

Должно быть, миссис Клейтон была слишком занята кухней и болтовней, чтобы заметить это. По крайней мере, с этой стороны никаких последствий не ожидалось.

После обеда я отправился в старомодный, с высокой крышей дом, где проживала с родней мисс Друри. Я насквозь пропотел от жары и никак не мог собраться с мыслями. Ни дуновения ветерка, ни единый листок не шелхнулся на дереве – жуткая духота.

Старая учительница чувствовала себя заметно лучше. Но оставить инцидент без последствий она категорически отказалась, сколько бы я ее ни упрашивал. Она раскачивалась взад-вперед в кресле-качалке колониальных времен и решительно мотала головой.

– Нет, нет и еще раз нет! Я никогда не прощу это исчадие тьмы; скорее уж соглашусь пожать руку самому Вельзевулу. Она ненавидит меня еще сильнее прежнего, потому что... неужели вы сами не понимаете? – потому что я заставила ее выказать свое истинное лицо. Я заставила ее продемонстрировать свое колдовство. А теперь... теперь я должна сразиться с ней и Тем, кто ее наставляет. Я должна придумать... я должна... только так дьявольски жарко. Слишком жарко! У меня мысли от этой жары путаются, – она вытерла лоб тяжелым кашмирским платком.

Бредя домой, я пытался придумать выход из этой ситуации. Что-то должно было случиться, не могло не случиться... но тогда попечительский совет устроит расследование, и на школе можно будет ставить крест. Я пытался перебрать в уме возможные последствия, но одежда липла к телу, даже дыхание давалось с трудом. На крыльце никто не сидел, но я заметил движение в саду и поспешил туда.

Две тени соткались в мистрис Сари и Джоя Ричардса. Они повернулись ко мне, словно ожидая моего приближения. Сариетта сидела на корточках, держа в руках куклу. Маленькую восковую куклу с прилепленными к голове седеющими волосами, собранными в тугий пучок, – точь-в-точь как повязывала их мисс Друри. Даже платье из клочка муслина напоминало своим фасоном старомодные одеяния мисс Друри. В общем, вышла довольно точная восковая карикатура.

– Вам не кажется, что все это довольно глупо? – выдавил я из себя наконец. – Мисс Друри весьма расстроена и сожалеет о том, как она поступила в ответ на то, как вы обошлись с ее суевериями. Мне кажется, если вы как следует постараетесь, все наладится и все мы снова будем друзьями.

Они встали. Сариетта прижимала куклу к груди.

– Это вовсе не глупо, мистер Флинн. Эту дурную женщину необходимо проучить. Так, чтобы память об этом осталась у нее на всю жизнь. А теперь извините, мне надо спешить. Еще много чего надо успеть сегодня вечером.

И она исчезла в спящем доме. Я повернулся к мальчику.

– Джой, ты же разумный парень. Скажу тебе как мужчина мужчине, что...

– Извините, мистер Флинн, – он пошел к калитке. – Я... мне пора домой.

Его башмаки простучали по тротуару и стихли вдали. Я явно утратил его доверие.

Этой ночью мне скверно спалось. Я ворочался на мокрых простынях, задремывал, просыпался и задремывал снова. Около полуночи я проснулся, весь дрожа. Вzbив подушку, я сделал попытку снова провалиться в сон, когда услышал негромкий, далекий звук.

Я узнал этот звук. Именно он вторгся в мой сон и терзал слух. Я сел в кровати. Голос Сариетты!

Она пела песню, но слов я разобрать не мог. Голос ее становился все выше, незнакомые слова сменяли друг друга все быстрее, словно она торопилась достичь какой-то ужасной черты. И наконец, когда мне казалось, что голос ее вот-вот сорвется на визг, она вдруг замолчала. А потом, так пронзительно, что сделалось больно ушам, выкрикнула нараспев: «Курунуу о Стоголооооо!»

И наступила тишина.

Спустя пару часов мне все-таки удалось снова уснуть.

Меня разбудило солнце, бившее в глаза. Ощущая странную апатию, я оделся. Есть не хотелось, и впервые в жизни я вышел из дома, не позавтракав. Жар, поднимавшийся от тротуара, почти обжигал руки и лицо, а ноги ощущали его и сквозь подошвы ботинок. Даже оказавшись в тени школьного здания, я не испытал облегчения.

Аппетит у мисс Друри тоже был сегодня неважный. Ее по обыкновению аккуратно завернутые сэндвичи с латуком так и остались лежать нетронутыми на столе в подвальной столовой. Уронив голову на тонкие руки, она смотрела на меня покрасневшими глазами.

– Господи, какая жара, – прошептала она. – Просто невыносимая. Не понимаю, чего это все так жалеют эту чертову Хоун. Я всего-то заставила ее пересесть на солнце. Я страдаю от этой жары в тысячу раз больше, чем она.

– Вы... заставили... Сариетту...?

– Еще как заставила! Она ничем не лучше других. Но сидит всегда на задней парте, в полном комфорте, в прохладе. Я пересаживала ее к окну, пускай погрееется на солнышке! Она это запомнит, помяните мое слово! Вот только я стала чувствовать себя еще хуже. Словно на куски распадаюсь. Ночью глаза не сомкнула: все жуткие сны какие-то. Чьи-то огромные руки мнут меня и теребят, тычут ножами в лицо и руки...

– Но девочка не выносит солнечного света! Она же альбинос!

– Тоже мне альбинос, чушь какая! Она ведьма! Ей дай волю, она восковые фигурки лепить начнет. Негодник Джой Ричардс ведь не просто так мои волосы срезал. Наверняка она ему... Ох! – Мисс Друри чуть не вдвое сложилась на стуле. – Какая боль!

Я дождался, пока приступ пройдет, и заглянул в ее измученное лицо.

– Забавно, что вы вспомнили про восковых кукол. Вы настолько убедили девочку в том, что она ведьма, что она одну и в самом деле сделала. Хотите верьте, хотите нет, но вчера вечером, выйдя от вас...

Она вскочила со стула, пошатнулась, но удержалась на ногах, схватившись рукой за трубу отопления.

– Она слепила восковую фигуру? Мою?

– Ну, вы же знаете детей. В ее представлении вы выглядите так. Немного грубовато исполнено, но в целом похоже. Что до меня, я считаю, ее талант заслуживает одобрения.

Мисс Друри не обратила внимания на мои слова.

– Ломота! – фыркнула она. – Я-то думала, это ломота! А это она втыкала в меня булавки! Ах, маленькая... Вот уже я ей... Но я должна действовать осторожно. И быстро. Быстро!

Она сделала несколько шагов и остановилась у лестницы, разговаривая сама с собой.

– Палка или дубинка не помогут: они ей подчиняются. Но руки... если я успею схватить ее за шею и придушить достаточно быстро, она меня не остановит. Но я не должна оставить ей ни единого шанса, – она почти всхлипывала. – Ни единого! – и с неожиданной прытью устремилась вверх по лестнице.

Я отшвырнул в сторону стол и бросился за ней.

Большинство детей обедали за длинным столом в углу школьного участка. Однако сейчас они бросили еду и заворуженно уставились на что-то. Надкусанные сэндвичи зависли в воздухе перед открытыми ртами. Я проследил направление их взглядов.

Вдоль школьной стены, крадучись, словно огромная пантера в юбках, скользила мисс Друри. Время от времени она пошатывалась и хваталась за стену, чтобы не упасть.

Всего в двух футах от нее сидели в тени Сариетта Хоун и Джой Ричардс. Оба пристально смотрели на восковую куклу в муслиновом платье, лежавшую на залитой солнцем отмостке. Кукла лежала на спине, и даже с такого расстояния я видел, что она тает.

– Эй! – крикнул я на бегу. – Мисс Друри! Будьте же благоразумны!

На мой крик дети оглянулись. Мисс Друри сделала отчаянный рывок и не столько напрыгнула, сколько упала на девочку. Джой Ричардс схватил куклу и бросился в мою сторону. Я споткнулся о него и кувырком полетел на землю. Падая, я краем глаза увидел, как мисс Друри замахивается правой рукой на съежившуюся в жалкий комок девочку.

Я перекатился по полу и сел лицом к Джою. Дети за спиной у меня визжали – в жизни не подумал бы, что можно визжать так громко. Да я и сам с трудом удерживался от визга. Джой сжимал куклу обеими руками. На моих глазах – я пытался отвести взгляд, но не мог – уже размякший на солнечном свете воск начал терять форму и просачиваться сквозь пальцы. Капли его падали на цементную отмостку. К крикам детей добавился – и почти сразу заглушил их – полный боли, не стихающий визг мисс Друри. Джой округлившимися от ужаса глазами смотрел мне за спину, но продолжал сжимать куклу, а я никак не мог оторвать от нее взгляда. Визг не прекращался, пот заливал мне глаза, а воск все капал и капал у него сквозь пальцы.

И тут он, задыхаясь в истерике, запел:

Раз, два, мистрис Сари,
На метле и в пеньюаре.
Три, четыре, пять,
Надо ведьму нам прогнать!

И мисс Друри визжала, а дети вопили, но я все не мог отвести взгляда от маленькой восковой куклы. От совсем крохотной восковой куклы, сочившейся сквозь покрытые веснушками пальцы Джоя Ричардса. Смотрел на нее, и смотрел, и смотрел...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Это моя первая попытка писать в готической манере, которой я никогда особенно не увлекался, — за возможным исключением отдельных произведений сестер Бронте... ну и, конечно, Мэри Уолстонкрафт Шелли. Однако в раннем подростковом возрасте я зачитывался «Странными историями» (услышали бы это Г.Ф. Лавкрафт! Сибири Квинн! Си. Эл. Мур! Кларк Эштон Смит!). Так что позже, на третьем десятке лет, хотя интересы мои поменялись довольно заметно, мне изрядно польстило желание Теда Старджона купить у меня что-нибудь себе в журнал. Я дал им «Мистрис Сари», и они его купили.

Ну да, это не «Франкенштейн», и даже не «Тень над Иннсмутом», но я был рад увидеть рассказ в журнале, где некогда блистал один из лучших редакторов, Фарнсуорт Райт.

И выпить по этому поводу.

Написан в 1947 г., опубликован в 1947 г.

Шоколадно-Молочное Чудище

Едва открыв глаза и увидев цвет неба, форму облаков и невероятный ландшафт вокруг, Картер Браун уже точно знал, где находится. Для этого ему не понадобилось внюхиваться в сладковато-приторный запах, буквально ударяющий в ноздри, или детально исследовать темно-коричневую, мягко журчащую реку, текущую между двумя невысокими конусообразными холмами, совершенно одинаковыми по форме и покрывающей их растительности.

Никаких сомнений – после того как в течение полутора десятков наполненных ужасом секунд Картер созерцал абсолютной голубизны небо («Голубее не бывает», – мрачно пошутил он) и плывущие по нему овальные розово-белые облака. Ни малейших – если сюда прибавить еще и хлопающих крыльями птиц, каждая из которых выглядела как буква V с чуть загнутыми наружу и вниз концами.

Только одно место во Вселенной могло похвастаться таким вот ландшафтом, такой атмосферой, такими птицами. Это был Мир Шоколадно-Молочного Чудища.

«Господи, помоги мне, – подумал Картер. – Неужели теперь это станет и моим миром тоже?»

Он вспомнил странную, необычайно яркую вспышку, пронзившую его перед этим, – словно молния ударила в него изнутри. С Лией он распрощался на лужайке около ее дома и по небольшой аккуратной улочке направился туда, где оставил свой MG. Играя ключами от автомобиля, он еще, помнится, представлял себе, как проведет с Лией вечер пятницы («Если во второе свидание вам не удастся заманить девушку к себе домой, – полагал он, – считайте, вы потерпели фиаско»), когда заметил, что из-за живой изгороди немигающим взглядом за ним наблюдает Шоколадно-Молочное Чудище. Наверное, она тащилась за ними от самого кафе.

А затем – эта вспышка и совершенно противоестественное ощущение, будто его вырвали из привычной обстановки и зашвырнули в другое место. И теперь он открыл глаза.

Чувство горечи переполняло его. Начать с того, что свидание происходило в кафе-мороженом вместо настоящего бара. Впрочем, бар – не очень подходящее место, чтобы водить туда девушку в воскресенье в полдень. Да и не идти же со школьной учительницей в бар неподалеку от дома, где она живет? Гораздо дальновиднее накачать ее безобидной содовой, по осенним улицам проводить до дома, всю дорогу ведя себя исключительно по-джентльменски; отклонить приглашение зайти познакомиться со «стариками», сославшись на необходимость закончить важный отчет, который должен быть готов к завтрашней конференции, ведь для мужчины дело прежде всего, и потом вернуться в Манхэттен с приятным сознанием того, как умно проведено обольщение.

К несчастью, в этом плане оказались не учтенными некоторые побочные факторы – невидимые силы, например.

Особого смысла в проверке Картер не видел, но все же окончательно убедиться стоило. Хотя бы для того, чтобы начать по-настоящему беспокоиться. И разрабатывать план бегства.

По аккуратно стриженной траве мимо больших блестящих цветов Картер подошел к коричневой реке. Опустился на колени, сунул палец в густую жидкость и лизнул ее. Шоколад. Ну, конечно.

На всякий случай он себя ущипнул. Больно. Нет, с самого начала было ясно, что это не сон. Потому, во-первых, что во сне редко осознаешь, что спишь.

Все было совершенно реально.

Шоколад вместо питья. А вместо еды...

Два невысоких холма заросли карликовыми деревьями, с которых свешивались завернутые в целлофан леденцы на палочке, на каждом дереве – своего цвета. Здесь и там из земли

торчали конфетные кусты и конусы рождественских елок с маленькими пирожками на ветках, пирожными и прочими угощениями – по большей части из шоколада.

Ярко светило солнце, но шоколадные подарки не таяли. И шоколадная река с тихим плеском неустанно бежала вдоль берегов. Наверное, ей было откуда и куда течь.

Внезапно Картеру сделалось совсем уж не по себе. Раз тут есть река, значит, может пойти шоколадный дождь? Наверняка Шоколадно-Молочное Чудище предусмотрело и такую возможность.

Лии не понравилось это прозвище.

– Она всего лишь маленький толстый ребенок. Немного необычный, немного нервный. И она сгорает от любопытства – что это за незнакомый молодой человек поит ее учительницу содовой?

– Все это хорошо, но я ведь считаю, – стоял на своем Картер. – Пять шоколадно-молочных коктейлей с тех пор, как мы здесь сидим. Пять! И заметь, она ни на мгновение не сводит с нас взгляда, даже когда вынимает новую трубочку.

– У нас многие дети тратят денег гораздо больше, чем следовало бы с точки зрения пользы. Родители Дороти в разводе. У матери полжизни уходит на магазины, отец – вице-президент банка. И оба используют свои деньги как рычаг в борьбе за ее привязанность. Она проводит в этом кафе почти все свое время. Знаешь, Картер, происходит психологическое замещение своего рода: когда я была маленькой, родители в знак любви давали мне еду; следовательно, еда эквивалентна любви. Понимаешь?

Картер кивнул. Он прекрасно знал о подобном психологическом замещении. Как человек, не склонный пасовать перед трудностями, и удачливый в любовных делах молодой холостяк, он изучал Фрейда так старательно, как какой-нибудь лейтенант времен Первой мировой войны – Клаузевица.

– Ты чертовски женственна, – нежно польстил он девушке, используя любую возможность подчеркнуть, что его больше всего интересует эта ее особенность. – Только настоящая женщина способна разглядеть в этом шаре свиного сала, в этом пухлом Шоколадно-Молочном Чудище...

– Она не такая, Картер! Нельзя называть запутавшуюся в своих желаниях маленькую девочку этим ужасным прозвищем! Хотя... – Длинной трубочкой Лия подняла вихрь пузырьков в мутном осадке содовой у себя в стакане. – Хотя забавно, что именно это тебе пришло в голову. Так, или чем-то в этом роде, дразнят ее ребята в классе. Они рассказывают о ней всякие нелепые вещи... Будто она взглядом заставляет исчезать камни и цветочные горшки. Дети подражают взрослым, вот и все. Делают ведьму из той, кто не пользуется у них популярностью.

Он предпринял новый заход.

– Уверен, из тебя они ничего такого не делают. Стоит посмотреть на тебя, и становится ясно, что любовь и нежность...

– Некоторые вещи просто берут за душу, – остановила она его, сама этого не заметив. – Как-то я попросила их написать сочинение о самом счастливом дне, который им запомнился больше всего. Знаешь, о чем написала Дороти? О дне, проведенном в мире своей мечты, дне, которого никогда не было на самом деле. Это было замечательно сделано – для ребенка ее возраста. Множество дорогих ее сердцу символов типа пирожных и леденцов. В этом мире пахнет, как в кафе-мороженом. Только представь себе! Там был прекрасно написанный отрывок – ты ведь способен оценить хороший стиль, Картер, я знаю – о двух симпатичных невысоких холмах, поросших деревьями с леденцами, причем на каждом дереве леденцы разные. А между холмами течет река из чистого шоколада...

Картер сдался, закурил и посмотрел поверх серьезного, но из-за этого не менее очаровательного лица девушки. На безобразно толстую девочку, чей жирный зад не умещался на стуле,

рот безостановочно поглощал шоколадно-молочный коктейль, а глаза неотрывно смотрели на него. И как-то так получилось, что именно он был вынужден первым отвести взгляд.

– ...даже на уроке рисования, – продолжала Лия. – Она никогда не рисует ничего другого. Этот выдуманный мир абсолютно реален для бедной девочки – такой одинокой, такой истосковавшейся по друзьям! Ничего иного от ее рисунков я уже и не жду – только плоское голубое небо с овальными розовыми облаками, только странные птицы с изогнутыми крыльями, только шоколадная река и кусты, на которых висят всякие сладости. Правда, для ребенка с ее интеллектом графика чуть-чуть слабовата. Она рисует примерно так, как дети возрастом младше ее года на два. Но этого следовало ожидать: у нее чисто буквальный, концептуальный, можно сказать, склад ума...

Можно также сказать, что избранная для разговора тема раздражала Картера тем, что без всякой пользы уводила разговор в сторону. Зажав в зубах сигарету, Картер снова осторожно перевел взгляд на Шоколадно-Молочное Чудище; ее глаза по-прежнему были прикованы к нему. Что она в нем такого притягательного нашла? А-а, понятно. Наверняка ее отец типичный бизнесмен с Мэдисон-авеню: одежда, вот что, скорее всего, ее привлекало. Картер имел все основания гордиться своим гардеробом. Его одежда была выдержана в нарочито хорошем вкусе – сочетание бросающейся в глаза строгости и едва заметного налета вульгарности.

Да, так оно и есть. Он напоминает ей отца. Ее богатого папочку.

Почувствовав, что начинает собой гордиться, Картер в резком приступе отвращения загасил окурки. Вот уж эта чертова музыка Мэдисон-авеню, до чего же она прилипчива! Вы смееетесь над ней, высмеиваете перед другими, читаете книги, где ее высмеивают, – а потом сами вдруг замечаете, что мотивчик-то у вас на губах. Картер ей напомнил отца, вице-президента банка, скорее всего – человека преуспевающего. Ну и что здесь такого? Разве это свидетельствует о том, что Картер Браун погряз в буржуазности? Вовсе нет, вовсе нет. Он всего лишь хорошо образованный, умный и удачливый молодой человек, сумевший пробиться в хорошо оплачиваемый, интеллектуальный бизнес, изюминкой которого как раз и является удача.

И при всем при том, добавил он справедливости ради, такой циничный и недалекий, что при виде девочки, столь вопиюще, столь ужасающе несчастной, ему в голову не пришло ничего иного, кроме этого остроумного и – увы! – достаточно меткого прозвища.

Теперь Лия. Корневая система Лии чересчур тесно сплетена с корнями других людей. Она любит свою работу, но явно вкладывает в нее слишком много души. Да, так оно и есть. Достаточно послушать ее разговоры! Посмотреть в ее сияющие глаза!

– ...Остальные дети были просто ошеломлены. Или вот еще, когда я попросила их загадывать загадки. Знаешь, что загадала Дороти, когда подошла ее очередь? Только вдумайся, Картер. Она задала классу такой вопрос: «Кто съест вас скорее – огромная гусеница или миллион крошечных львов?» Вот я и говорю, что девочка с таким богатым воображением...

– С таким неумением приспосабливаться к окружающей обстановке, – поправил он. – Знаешь, по-моему, она серьезно больна. Интересно было бы проверить ее на тест Роршаха. Огромная гусеница или миллион маленьких львов... надо же такое придумать! Не знаешь, ее когда-либо водили к психотерапевту?

Лия мрачно улыбнулась.

– Ее родители люди состоятельные, я тебе уже говорила. Подозреваю, что она использует все преимущества своего положения. Включая и бесконечные стычки из-за того, к какому ей доктору ходить, папиному или маминому. В чем девочка действительно нуждается, того ей никто дать не может: других родителей или, по крайней мере, одного из них, но чтобы он на самом деле заботился о ней.

С этим Картер никак не мог согласиться.

– Гораздо больше толку было бы, если бы нашла пара ребят, которые относились бы к ней с симпатией и приняли бы ее в свой круг. Если и существует что-то, что можно выве-

сти из анализа нашего поведения, так это то, какие мы, без всяких исключений, общественные животные. Без цементирующей среды товарищества, без интереса и одобрения хотя бы немногих наших сверстников мы не просто перестаем понимать, что к чему, – мы вообще не можем считаться людьми. Отшельники никакие не люди; не знаю в точности, кто они такие, но не люди наверняка. А поскольку этот ребенок психологический отшельник, на самом деле она тоже не человек. Она что-то другое.

Минут через пятнадцать стало ясно, что успех у Лии ему обеспечен. Однако к этому моменту он слишком прочно увяз в проблеме, каким образом можно помочь ребенку вроде Дороти обрести друзей. Это стало чем-то вроде *idée fixe*, хотя его специальностью была психология групп, а не личностей; и, как всякая *idée fixe*, она настолько завладела им, что все остальное отступило на второй план.

В конце концов именно Лия сменила тему их разговора; именно Лия намекнула на возможность следующей встречи. Он сумел взять себя в руки и заговорил о том, что они будут делать, когда вечером в следующую пятницу она приедет в город на свидание с ним. В итоге все обернулось как нельзя лучше.

Но когда они покидали кафе, Картер бросил через стекло витрины последний взгляд на Шоколадно-Молочное Чудище. Повернувшись на своем стуле, она, все еще с соломинкой во рту, следила за ним глазами, которые наводили на мысль о паре изголодавшихся акул.

А дальше, ясное дело, она шла за ними до самого дома Лии. Что она с ним все-таки сделала? И как она это сделала? И... зачем?

Он сердито пнул ногой камень, наблюдая за тем, как тот запрыгал по траве и с всплеском плюхнулся в густую коричневую реку. Интересно, Дороти извлекла этот камень из реального мира? Как? Зачем? Впрочем, зачем – понятно. Наверное, проверяла таким способом свое могущество.

Могущество? Может, нужно другое слово? Талант, или дар, или необычные способности – так, пожалуй, будет вернее.

Теперь, если учесть достаточно развитое мышление, если учесть, что в детском сознании обитает сильная личность, чувствующая себя несчастной, если учесть непопулярность у товарищей и общий невроз, обостривший это мышление и добавивший сил этой личности, то... что? Что из всего этого получится?

Внезапно он вспомнил, о чем думал непосредственно перед тем, как очутился в этом леденцовом мире. Он только что расстался с Лией, с удовольствием представлял себе вечер пятницы, как вдруг заметил девочку и снова подумал, что у нее точно проблемы. Это надо же! Она шла за ними от самого кафе, по-прежнему одна. В своем ли она уме?

Выстраивалась определенная последовательность. Первое: она изголодалась по людям, это несомненно! Второе: не по людям в принципе, а по детям своего возраста. Кстати, что вообще делать детям вроде нее? Третье: какие у нее мотивы; что творится у нее в голове? Давай поломай голову, специалист по решению серьезных проблем.

И потом эта ужасная вспышка, и он открывает глаза здесь.

Короче, у него было нечто, что могло способствовать решению ее проблемы. Причина крылась не только в ней. Он попытался отчетливо представить себе, что у девочки на уме, как она делала... то, что делала.

Нет, требовалось, однако, что-то и от нее, чтобы все это произошло. И независимо от того, как это называть – талант, могущество, особые способности, – она это имела. И применила на нем.

Картер внезапно вздрогнул, вспомнив ее загадку.

Озабоченный тем, чтобы направить беседу с Лией в более выгодное для себя русло, он пропустил мимо ушей половину рассказанного ею о фантазиях девочки и теперь ужасно

жалел об этом. Чтобы выбраться отсюда целым и невредимым, чтобы выжить, ему необходимо использовать каждый клочок информации о Дороти.

Как-никак, именно ее убогие желания превратились теперь в непреложные законы природы, которым он должен подчиняться.

Тут Картер заметил, что он больше не один. Его окружали дети. Они словно материализовались неизвестно откуда – вопя, играя, подпрыгивая, карабкаясь. И там, где кричали громче всего, где в играх участвовало больше детей, там была Дороти, Шоколадно-Молочное Чудище. Дети скакали вокруг нее, словно струи вокруг статуи, возвышающейся в центре фонтана.

Она стояла среди них, но глядела только на Картера. И ее взгляд вызывал еще большее чувство неловкости, чем прежде. Несравненно большее, если уж на то пошло. На ней были все те же голубые джинсы и желтый кашемировый свитер с грязными пятнами. Она казалась выше, чем на самом деле, и чуть возвышалась над всеми остальными детьми. И она казалась стройнее. Теперь, положив руку на сердце, ее можно было назвать разве что пухленькой.

И у нее не было прыщей.

Картера разозлило, как быстро ему пришлось опустить взгляд. Но смотреть на нее было все равно что на слепящий прожектор.

– Посмотри на меня, Дороти! – кричали дети. – Видишь? Я прыгаю! Видишь, как высоко я прыгаю?

– Давай поиграем в пятнашки, Дороти! – вопили они. – В пятнашки! Выбери, кому водить!

– Придумай новую игру, Дороти! Ты так здорово их придумываешь!

– Давай устроим пикник, эй, Дороти?

– Дороти, давай бегать наперегонки!

– Дороти, поиграем в дом!

– Дороти, давай прыгать через веревку!

– Дороти...

– Дороти...

– Дороти...

Как только она заговорила, все дети сразу же смолкли. Они перестали бегать, они перестали кричать, они перестали делать то, что делали до этого, и устали на нее.

– Это славный человек, – сказала она. – Он поиграет с нами. Ведь поиграете, мистер?

– Нет, – сказал Картер. – Я бы не против, но боюсь, что...

– Он поиграет с нами в мяч, – невозмутимо продолжала она. – Смотрите, мистер. Вот мяч. Такой славный человек не откажется поиграть с нами.

Она зашагала к нему, держа в руках неизвестно откуда взявшийся мяч, и дети всей гурьбой бросились за ней.

Картер все еще подыскивал слова, с помощью которых мог бы объяснить, что в данный момент ему хочется не играть в мяч, а побеседовать с Дороти с глазу на глаз, разобраться, так сказать... Однако мяч вдруг полетел в его сторону, и он с удивлением обнаружил, что играет.

– Видишь ли, я обычно не... – бормотал он, ловя и бросая мяч, ловя и бросая его. – Сейчас мне не до того, но как-нибудь в другой раз...

В каком бы направлении он ни бросал мяч, сколько бы детских рук ни тянулось к нему, мяч всегда оказывался у Дороти, которая тут же швыряла его обратно Картеру.

– Эй, Дороти! – вопили дети. – Вот здорово!

– С удовольствием поиграю с вами, как только закончу свои... – Картеру приходилось нелегко, и он уже начал задыхаться.

– Эй, Дороти! Замечательная игра!

– Такой славный человек!

– Вот здорово!

Наконец Дороти забросила мяч вверх, и он исчез.

– Давайте поиграем в чехарду, – сказала она. – Вы ведь сыграете с нами в чехарду, мистер?

– Прошу прощения. – Тяжело дыша, Картер все же согнулся и уперся руками в колени, давая ей возможность перепрыгнуть через себя. – Я уже сто лет не играл в чехарду и не собираюсь... – Он побежал вперед, уперся руками в спину Дороти, перепрыгнул через нее и тут же снова наклонился в ожидании ее прыжка. – Мне чехарда никогда не нра...

Они играли в чехарду, пока у него не закружилась голова и при каждом вдохе не начало возникать ощущение, словно грудь рвут когтями.

Дороти грациозно уселась на землю; дети столпились вокруг, с обожанием глядя на нее.

– Теперь нам хочется послушать сказку. Пожалуйста, мистер, расскажите что-нибудь.

Картер яростно запротестовал, но его возражения странным образом перешли в сказку о Златовласке и трех медведях. Излагая ее, он то и дело останавливался и открытым ртом хватал воздух. Потом он рассказал сказку о Красной Шапочке, а потом еще одну, про Синюю Бороду.

Где-то к концу последнего повествования Дороти исчезла. Однако дети остались, и Картер волей-неволей продолжил свой рассказ. Дети выглядели испуганными. Некоторые вздрагивали, другие вскрикивали и плакали.

За последние несколько минут заметно стемнело. Как только Картер закончил с Синею Бородой и без остановки протараторил: «Жил-поживал бедный, но честный дровосек, и было у него двое детей, которых звали Ганс и Гретель», по небу заскользило огромное черное облако и внезапно устремилось вниз, к ним.

Высунувшаяся оттуда ужасная ярко-красная рожа с огромным носом и блестящими белыми зубами взревела так громко, что земля задрожала. Потом рожа заскрежетала зубами – словно на складе с глиняной посудой загрохотал взрыв.

Дети вытаращили глаза, завопили и пустились бежать.

– Дороти! – кричали они. – Дороти, спаси нас! Это Злыдень! Спаси нас, Дороти, спаси нас! Дороти, где ты?

Картер рухнул на траву, наконец-то свободный от повинности сказочника, но полностью вымотавшийся. Он слишком устал, чтобы бежать; был слишком выбит из колеи, чтобы волноваться из-за того, что еще может с ним приключиться. Впервые за несколько последних часов тело, казалось, снова стало подчиняться его командам; однако в данный момент от этого было мало проку.

– Эй, Мак! – с нотками сочувствия произнес голос у него над головой. – Они тебя «достали», да?

Это была красная рожа из облака. Сейчас она выглядела вовсе не страшной, а просто озабоченной и даже пожалуй что дружелюбной. Затем она начала резко мельчать, пока не достигла обычных человеческих размеров. Теперь это было просто загорелое морщинистое лицо, с седой неопрятной отросшей за несколько дней щетиной, с носом в красных прожилках. Человек встал на корточки на краю облака и спрыгнул на землю с высоты около шести футов.

Он был далеко не молод, средней комплекции, в серых штанах из грубой ткани, коричневой рубашке навыпуск и поношенных, грязных брезентовых тапках на босу ногу, на одном из которых была дыра на подошве. В нем проглядывало что-то неуловимо знакомое; Картер подумал, что все бездельники похожи один на другого. Типичный тупой опустившийся отщепенец, из тех, кого принято называть «отбросами общества», но...

Это был взрослый человек.

Картер вскочил и с горячностью протянул ему руку. Рукопожатие было вялым, несмелым, с оттенком униженности; так, наверное, освободившийся из тюрьмы заключенный прощается со своим охранником.

– Мак, ты не против выпить?

– Очень даже не против, – ответил Картер от всей души. – А как я рад тебя видеть!

«Отброс» кивнул, вскинул руку и подтянул черное облако поближе к себе. Зашарил внутри и вытащил бутылку, наполовину пустую. Оставшаяся в ней янтарная жидкость выглядела как положено, хотя этикетки на бутылке не оказалось.

– Я Эдди, хотя они меня кличут Злыдень, – сказал он, протягивая Картеру бутылку. – Без стакана-то сможешь? Стаканов нет.

Картер пожал плечами, обтер горлышко бутылки ладонью, поднес ее ко рту и сделал хороший глоток.

– Ух ты!

Он так сильно закашлялся, что чуть не выронил бутылку из рук. Злыдень заботливо перехватил ее.

– Забористая штука, правда? – спросил он и высосал примерно треть того, что оставалось в бутылке.

Не то слово, подумал Картер. По первому ощущению похоже на виски, но, когда жидкость достигла желудка, все перекрыл смешанный вкус йода, нашатырного спирта, камфары и разбавленной соляной кислоты. Язык извивался во рту, словно змея в ловушке.

Злыдень оторвал бутылку от губ, и его всего передернуло. Он скорчил гримасу и облизал губы.

– Это она думает, что у виски такой вкус.

– Кто? Дороти?

– Точно. Здесь все устроено так, как, ей кажется, должно быть. Но это лучше, чем ничего, лучше, чем вообще без спиртного. Полезем наверх? Можно посидеть там немного.

Злыдень мотнул головой на облако, теперь висящее низко над ними, словно темный, бесформенный дирижабль. Не слишком уверенно Картер ухватился за нижний край облака и подтянулся наверх. Впечатление было такое, словно плывешь сквозь туман, ощущающийся как твердый только в тех местах, где его касалась рука.

Парящая в воздухе темная пещера комнаты. В углу или, скорее, в нише, потому что углов как таковых не было, стояла армейская койка, покрытая рваным клетчатым пледом, а рядом с ней стол с треснувшими чашками, блюдами и три разномастных кухонных кресла. Над койкой на тонкой проволоке висела лампа без абажура, практически не дающая света. Трудно сказать, можно ли было то, что находилось позади койки, назвать стеной, но все это пространство покрывали картинки с изображением обнаженных женщин.

– Это не я придумал – она, – объяснил Злыдень, пролезая сквозь пол. – Все, что здесь есть, она придумала. Наверно, увидела когда-то в будке ночного сторожа. Ну, я для нее и есть что-то вроде ночного сторожа, вот и получил, что имею. Но главное – бутылка, слава тебе господи. Картинки – это хорошо, конечно, но бутылка... бутылка...

Он снова протянул ее Картеру, но тот покачал головой. Они уселись в кресла, которые тут же перекошились под ними в разные стороны. Черт возьми, подумал Картер, я ведь определенно видел его прежде. Но где?

– Давай, Мак, глотни. Из всего того, что девчушка здесь устроила, только это и хорошо – пьешь, а бутылка не пустеет. Так что у меня не убавится, а тебе полегчает. Если тут не пить, то начнешь разговаривать сам с собой. А какой в этом толк, сам понимаешь.

Картер подумал-подумал, счел этот довод веским и хлебнул еще. Пойло обжигало, как и в первый раз, но эффект алкоголя сейчас оказался сильнее, и мерзкий вкус как-то притупился. Он вздохнул и сделал новый глоток. Ничего не скажешь, теперь мир вокруг – даже несмотря на то, что это был мир Дороти, – смотрелся лучше.

Он вернул бутылку своему новому знакомому, внимательно разглядывая его. Если подумать, такому типу здесь самое место. Почему они называют его Злыднем?

– Давно ты здесь? – спросил Картер.

Злыдень пожал плечами и устремил поверх бутылки рассеянный взгляд.

– Может, год. Может, два. Как тут посчитаешь? Иногда один день зима, а на завтра уже лето. Даже щетина у меня не растет с тех пор, как я здесь. Мне кажется, что прошло много-много лет. Хуже двигаюсь, все хуже. Ты не представляешь, Мак, как мне бывает плохо!

– Совсем плохо? – с сочувствием спросил Картер.

– Совсем? – Злыдень выразительно выкатил глаза из красных, опухших век. – Не то слово. Я вылезая отсюда и пугаю этих детей всякий раз, когда она пожелает. Может, я хочу спать или у меня что другое на уме, не важно. Дороти посылает мне мысль: «Поднимайся и начинай пугать». Я все бросаю и начинаю пугать. Раздуваюсь – ну, ты меня видел, – кричу, стучу ножами, а потом снижаюсь. Дети вопят: «Дороти, спаси нас!» – и она начинает разносить меня. Что значит «разносить»? Кричит: «Пиф! Паф! Бим! Бом!» – и шлепает меня... так, понарошку, сюда, сюда... куда ей вздумается. За то, что я пугаю детей! Не важно, что это не я придумал. Я ведь просто делаю то, что она заставляет.

– А сопротивляться не пробовал? Отказаться? – спросил Картер. – Что бывает, если ты говоришь «нет»?

– Мак, сказать «нет» просто не получается. Все здесь происходит так, как она хочет. Если у нее зуд, ты чешешься. Если у нее сопلي, ты вытираешь нос. Как только я ее ни обзывал, но вот прошло время, и – веришь ли, Мак? – я не помню ни одного прозвища. Пытаюсь вспомнить что-нибудь похлеще и не могу. Она просто Дороти, так и зову ее. Понимаешь, что я хочу сказать? Все здесь, как она хочет, даже у тебя в голове. Если будешь слушаться, получишь хоть какую-то свободу действий. Но если нет – все будет только по ее, и чем дольше ты здесь торчишь, тем больше.

Картер со страхом припомнил, до какой степени ему не хотелось играть в мяч и как послушно он это делал. Хуже того, он начал рассказывать эти дурацкие сказки вместо того, чтобы протестовать, как он хотел. И что еще хуже – уже какое-то время он ни разу, даже мысленно, не называл ее Шоколадно-Молочным Чудищем! Он думал о ней и обращался к ней только как к Дороти.

«И чем дольше ты здесь торчишь...»

Он должен выбраться отсюда, должен найти способ уничтожить этот мир, причем – быстро.

Злыдень снова протянул ему бутылку, но Картер нетерпеливо отмахнулся. Бежать, выбраться отсюда – вот что прежде всего, а для этого ему нужна ясная голова. А иначе мир мечтаний Дороти медленно засосет его и психологически, и физически, и даже его мысли станут лишь странной версией того, каким он кажется ей, и он угодит в ловушку, завязнет тут, словно муха в янтаре, и станет воплощением ее представлений о Приличном Человеке.

Приличный Человек! Его передернуло. Ничего себе способ провести весь остаток жизни! Нет, сейчас, пока он еще более-менее остается самим собой, Картером Брауном, пока не угасло его сознание удачливого молодого руководителя, в реальном мире занимающегося мотивационным анализом, – именно сейчас самое время бежать отсюда.

Реальный мир. Определение не хуже любого другого. Картер никогда не был мистиком, а фрейдистом делался только тогда, когда этого требовала ситуация. Его кредо выглядело предельно просто: все, что существует, реально. Значит...

Постулируя космос как нечто безграничное по протяженности и возможностям, можно найти во всем этом бесконечном разнообразии место для любого мира, который человек способен вообразить.

Или о котором ребенок может мечтать.

Пойдем дальше. Представим себе ребенка, терзаемого одиночеством и одержимого страстным желанием вырваться из этого одиночества, да к тому же обладающего совершенно невероятным врожденным даром. Такой ребенок вполне способен отыскать в слоистой материи космоса одну-единственную щелочку и прорваться сквозь нее туда, где мир его мечты

существует как осязаемая реальность. А отсюда недалеко уже до того, чтобы переносить в эту вселенную других людей, детей и взрослых, о камнях и цветочных горшках и говорить нечего. Трудно было сделать только первый шаг, решил Картер, остальные дались ей гораздо легче.

Среди бесчисленного множества параллельных миров можно найти то, что тебе по сердцу...

Так Дороти и сделала? И если да, кто возьмется с уверенностью сказать, какой мир реальный, а какой нет? Наверняка и в том, и в другом можно умереть с одинаковой легкостью... Нет, это не критерий.

Да и какая, в сущности, разница? Для Картера реален тот мир, из которого его выдернули, мир, где он имел положение, индивидуальность и личную цель. Мир, который он любил и куда был твердо намерен вернуться. А этот другой мир, совершенно независимо от того, насколько он реален внутри своей собственной пространственно-временной среды, не более чем мир мечты – мир, откуда ему следует как можно скорее сбежать. Вопреки логике своих ощущений, он должен признать его несуществующим – покинув или каким-то образом уничтожив.

Уничтожив...

Он внимательно пригляделся к Злыдню. Неудивительно, что этот тип показался ему таким знакомым!

В сознании мелькнул отблеск воспоминания о том, как несколько недель или, может быть, даже месяцев назад он видел фотографию этой самой физиономии, а под ней нравоучительную подпись.

Да. Бульварная газетенка. Он заметил ее, проходя мимо газетного стенда на 53-й улице, сразу за Мэдисон. Что-то заставило его остановиться и бросить пристальный взгляд на фотографию, занимающую большую часть первой страницы. «ЭТОТ ЧЕЛОВЕК САМ ПОГУБИЛ СЕБЯ» – вот что было под ней написано.

Далее следовало объяснение, изобилующее газетными штампами; вот, дескать, что может случиться с тем, кто не работает, спит в подворотнях, не питается как положено и беспробудно пьянствует. «Даже самые стойкие врачи и медицинские сестры отводят взгляд от этого ужасного существа, когда-то бывшего человеком».

И тем не менее фотография предоставляла всем желающим возможность увидеть именно это ужасное существо, когда-то бывшее человеком. Он лежал на носилках в переулке, где его нашли; зрелище относилось к разряду тех, которые не скоро забудешь.

Самое ужасное, что этот человек был еще жив. Пустой, ничего не выражающий взгляд, устремленный в объектив камеры. На лице и теле ни ран, ни крови – вообще ничего, кроме грязи, и все же возникало ощущение, что этот человек упал с десятого этажа или был сбит автомобилем, мчавшимся со скоростью девяносто миль в час, – однако почему-то не умер. Точнее, умер, но не совсем, только отчасти.

Тело цело, глаза открыты, человек жив – вот все, что о нем можно было сказать. При взгляде на фотографию возникала мысль о сложной органической смеси, которая должна была стать живым существом, но почему-то не стала. По сравнению с абсолютной бессознательностью этого, с позволения сказать, «человека», кататония казалась в высшей степени активным состоянием.

Согласно заметке, именно в таком виде его нашли в переулке, доставили в городскую больницу, и десять часов доктора бились над ним, пытаясь вывести из этого состояния. Тщетно. Никакой реакции.

Картер хорошо запомнил фотографию. На ней был изображен Злыдень.

Возможно, в этот самый момент в одной из больниц Гренвилла испуганная, борющаяся с дурнотой Лия смотрит на другое тело, имеющее отдаленное сходство с неким Картером Брауном, но в одном важном отношении в точности напоминающее ту давнишнюю фотографию.

Тело едва живое, не реагирующее ни на какие раздражители, способное лишь просто существовать – поскольку его сознание находится в другом месте.

Здесь, в этом личном шоколадно-конфетном мире Дороти.

Он должен выбраться отсюда. Несмотря ни на что, он непременно выберется отсюда.

Только для этого ему нужно что-то вроде динамита. Психологического динамита.

– ...Даже перерезать себе глотку, – продолжал между тем свой тягостный рассказ Злыдень. – Ох, может, вначале я и смог бы перерезать себе глотку, если бы додумался до этого. А теперь слишком поздно: стоит попытаться, и мне делается как-то все равно. Я и голодом себя морил, но все без толку. Тут и есть-то нечего, кроме сладостей. Ну, можно перестать их есть, и что с того? Здесь можно вообще ничего не есть, можно даже не дышать. Перестань дышать, и все равно не умрешь. Точно говорю, Мак, точно. Можно не дышать часами, и ничего не случится. Здесь случается только то, что она хочет, чтобы случилось. Вот и весь сказ.

Картера охватило отчаяние, но сдаваться он не собирался.

– А как же, в таком случае, мы сейчас сидим здесь с тобой и разговариваем обо всем этом? Мы даже можем придумать какой-нибудь осуществимый план, а ведь она вряд ли хочет, чтобы это случилось. И все же мы сидим и разговариваем. Значит, на самом деле случается не только то, что она хочет.

– Мак, ты все еще не въехал. Если мы сидим тут с тобой и болтаем, значит, она этого хочет. Раз она посчитала, что мы должны быть вместе и разговаривать, значит, мы будем вместе и будем разговаривать. А она покуда тоже не дремлет, придумывает, что делать дальше. Что бы мы тут ни планировали, ее это не заботит. Все равно без толку.

Картер нахмурился, но не из-за разъяснения Злыдня, а из-за неожиданного и очень неприятного подтверждения его слов. Что-то с силой потянуло его, принуждая покинуть облако и опуститься на конфетную поверхность.

Дороти вернулась и хотела, чтобы он снова был рядом и выполнял ее желания. Картер так сильно сопротивлялся этой тяге, что даже вспотел.

Тяга стала сильнее, еще сильнее.

Он до боли стиснул кулаки.

– Шоколадно-Молочное Чудище, – сквозь стиснутые зубы заставил он выдавить из себя. – Помни – Шоколадно-Молочное Чудище.

Злыдень заинтригованно посмотрел на него.

– Эй! – сказал он. – Сделай доброе дело, Мак, – обругай ее еще раз. Так приятно слышать ругань, честно тебе говорю. Даже если я тут же забываю проклятия, мне нравится их слышать, хотя бы ради прежних времен.

Картер, погруженный в свою собственную борьбу (его колотило в кресле, локти он плотно прижал к бокам), покачал головой.

– Нет, – тяжело дыша, сказал он. – Не могу. Не сейчас.

– Понимаю. Это трудно. В смысле, я и сам прошел через это. Когда я тут только появился, то поначалу тоже сопротивлялся ей каждый раз, когда чувствовал, что она посылает мысль. Сопротивлялся, сопротивлялся, но – ничего не выходило. Знаешь, как со мной все случилось? Я слонялся по Восточным Пятидесятым, по Саттон-плейс и так далее. Ради глотка спиртного, в поисках места, где на ночь голову приклонить. Все впустую. Замерз, как собака, но проклятый мир держал карманы застегнутыми. Приходит ночь, прилечь негде. Я не сплю, хожу, чтобы не замерзнуть. Часов в пять-шесть утра я уже готов – мешок с отбросами, больше ничего...

Вопреки своей решимости сопротивляться, Картер обнаружил, что уже стоит на ногах. Он чувствовал, что лицо его налилось кровью от усилий. Нужно остановить ее прямо сейчас. Это единственный способ лишить ее мир силы.

Но Молочн... Дороти звала его.

Дрожащим грязным пальцем Злыдень поглаживал горлышко бутылки.

– ...И потом я вижу этот тупичок между домами, почему-то открытый, хотя обычно их запирают на ночь. Я иду туда, в темноту, там решетка, горячий воздух поднимается из подвала, но ветер туда не задувает. Можно прилечь. Я думаю – до чего же я везучий старый бездельник, но это было последнее мое везение. Я просыпаюсь, вокруг светло, и эта девочка, эта Дороти смотрит на меня. Смотрит, смотрит. В руках у нее большой мяч, она стоит и смотрит на меня. А потом протягивает мне бутылку. «Это бутылка моего папочки, – говорит она. – Он выбросил ее прошлой ночью, после вечеринки. Но это его бутылка». К чему мне неприятности с детьми в этом районе? К тому же мне не нравилось, как она на меня смотрит. «Брысь, девочка», – говорю я, заваливаюсь снова и просыпаюсь уже здесь. Со мной бутылка и все такое. Мак, сразу после этого разговора мне стало совсем хреново. Тяжело, я имею в виду. У нее здесь такие штуки, огромные, с ногами и с разными...

Как будто испытывая жгучее желание сделать это, Картер повернулся спиной к Злыдню и начал опускаться сквозь черный туман. Невнятная речь продолжала выплескиваться за его спиной, словно вода из стакана, зажатого в трясущейся руке. Ноги Картера отказывались подчиняться посылаемым головой нервным импульсам.

Он был не в состоянии воспротивиться, это совершенно очевидно. Могло ли воспротивиться солнце, когда Иисус приказал ему остановиться, или потоп, который должен был продолжаться сорок дней и сорок ночей? Нет, надо действовать как-то иначе. Искать другой способ борьбы. А пока подчиняться ее требованиям.

Дороти ждала его на участке аккуратно скошенной травы около куста с розовыми и зелеными конфетами. Когда Картер оказался рядом с ней, она на мгновение подняла взгляд на темное облако.

Оно исчезло.

Что случилось со Злыднем, спросил себя Картер? Она уничтожила его или временно отослала куда-то вроде тюрьмы, как она себе ее представляла?

И только потом он как следует разглядел Дороти – и происшедшие с ней перемены.

Все те же голубые джинсы и кашемировый свитер, но сейчас он был чист, абсолютно чист. Ярко-желтый, можно сказать – с иголки. И она стала еще выше и стройнее, чем в прошлый раз.

Но этот желтый кашемировый свитер!

Он прикрывал невероятно, просто чудовищно торчащие груди, явно позаимствованные с афиши в дешевой киношке, – победоносные атрибуты какой-нибудь голливудской секс-бомбы.

Остальное тело по-прежнему выглядело детским, сейчас даже больше, чем когда Картер впервые увидел ее, но в сочетании с этой фантастической грудью возникал карикатурный эффект.

Вот только...

Что означают эти мазки красного на губах, комки туши на ресницах и режущая глаз краска на ногтях? Неужели...

Он сердито тряхнул головой. Только этого ему не хватало!

– Ну вот, – с жеманной улыбкой заговорила наконец Дороти, – мы и встретились снова.

– Это было неизбежно, – ответил Картер, не веря своим ушам. – Судьба связала нас. Мы живем под одной и той же странной звездой.

А еще говорят, что дети нынче развиваются рано! Ничего удивительного. Интересно, откуда она взяла этот диалог, спрашивал себя Картер? Из кино? Из телевизионной драмы? Из книг? Или из своей собственной, явно свихнувшейся головы? И какая роль предназначалась ему? Ее роль была очевидна: она самым вульгарным образом соперничала с Лией.

Мелькнула мысль: с Лией и с кем еще? Но все затмевало пугающее понимание – он говорит то, чего в жизни не сказал бы по доброй воле. Разве когда-нибудь его мысли обретали форму таких клише?

Мелькнуло воспоминание – он придумал для нее прозвище... очень трудно вспомнить, но непременно нужно... что-то вроде... или нет... Да, Дороти! Другого имени у нее нет.

Но это не так. Нет.

Он напряженно думал – словно страус, пытающийся взлететь и мучительно, отчаянно хлопающий крыльями. Ужасно, ужасно. Нужно каким-то образом дотянуться до собственной личности. Он должен вырваться.

Разбить вдребезги...

– Ты по-прежнему любишь меня со всем пылом страсти, несмотря на долгую разлуку? – спросила она. – Погляди мне в глаза и ответь. Скажи, что твое сердце принадлежит мне одной.

«Не буду, – мысленно застонал он. И поглядел ей в глаза. – Нет, не могу! Не могу молоть такой совершеннейший вздор. И ведь она ребенок... маленькая девочка».

– Неужели ты сомневаешься во мне, дорогая? – Слова маленькими толчками вырывались у него изо рта вместе с дыханием. – Никогда, никогда не сомневайся во мне. Ты для меня единственная, так было и будет всегда, до тех пор, пока существуют небо над головой и земля под ногами. Ты и я, мы всегда будем вместе.

Он должен прекратить это. Еще немного, и она полностью возьмет его под контроль. Он уже говорит то, что она хочет услышать, а скоро будет и думать так же. Однако мысленные призывы не помогали. Как только она замолкала в ожидании и наступала его очередь, Картер не мог сдержать рвущихся изо рта слов...

Дороти перевела взгляд на совершенно одинаковые холмы в отдалении. Глаза у нее затуманились от слез, и, вопреки собственному желанию, Картер почувствовал, что в горле у него перехватило. «Нелепо! И тем не менее, как грустно...»

– Я почти боялась твоей любви, – сказала она. – Я чувствовала себя такой одинокой и убедила себя...

«Сейчас. Пока она говорит. Пока вся сила ее разума не обращена на него – потом она будет непреодолима. Сделай то, что должен. Вот он – способ взорвать мир ее мечты. Сделай это».

Он потянулся к ней.

– ...что ты забыл меня и нашел другую. Откуда мне знать...

Он внезапно схватил ее.

Он сделал то, что был должен.

Земля дрогнула под ногами, и от края до края небес прокатился оглушительный рев. Однако Картер не оглох, иначе как бы он мог расслышать все, каждый звук, каждую ноту этого немислимого раската, от которого завибрировали сами кости черепа? Как бы мог почувствовать сопровождающий эти звуки страх?

Кричала не только Дороти. Кричали леденцовые деревья. Кричали кусты с пирожками. Кричали оба холма. Шоколадная река вздыбилась между кричащими берегами и кричала тоже. Кричали камни и даже воздух.

А потом земля раздалась, и Картер Браун провалился в тартарары. Его падение длилось целые столетия, его падение длилось бесконечные эпохи, его падение длилось вечность. Потом оно прекратилось, крики смолкли, он отнял руки от ушей и оглянулся по сторонам.

Он находился внутри тускло-серого, совершенно круглого, лишенного каких бы то ни было выступов sklepa. Ровная, изогнутая поверхность со всех сторон – ни дверей и окон, ни швов, ни трещин. Место, абсолютно непроницаемое для света и звука.

Так и должно быть, начало доходить до него, пока он, как безумный, описывал круг за кругом. Самое дно этого мира мечты, откуда ни свет, ни звук никогда не дойдут до сознания Дороти.

Потайная камера в ее уме, созданная специально для того, чтобы спрятать там смертельно опасное воспоминание о нем, – навсегда или, по крайней мере, на тот срок, пока будет продолжаться жизнь самой Дороти.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Как бы лучше объяснить вам появление этой истории? Подобно тому, как у Пикассо был свой голубой период, у меня был школьно-Бронксо-учительский период. На протяжении двух лет я, казалось, общался только с учительницами младших классов, жившими на задворках Бронкса. Ох уж эти поздние вечерние поездки из моего Гринвич-Виллиджа! Долгие, ночные, наполненные бесконечным дребезжанием поездки в метро в их скалообразные дома и обратно! Я мечтал о встрече с девушкой, которая бы жила в пригороде, – в отличие от моего героя, тщетно. И, конечно же, однажды, во время ужина, к моему стулу подошла маленькая девочка-толстушка и задала мне вопрос об огромной гусенице и миллионе львят. Ее родители были так горды!

Я написал об этом рассказ в жанре фэнтези, предложив его изданию «За пределами» – подразделению «Галактики», издаваемой Горацием Голдом. Но Гораций сказал, что «Галактика» печатает только научную фантастику, а «За пределами» уже и так имел достаточно материала. Я расстроился, помыкался с ним немного и в конце концов решил отложить рассказ в сторону и поработать над чем-то другим. В один из летних вечеров 1958 года я показал часть рассказа Фреду Брауну, в один из его редких приездов в Нью-Йорк. Он немедленно предложил мне использовать идею из своего восхитительного романа «Что за безумная вселенная!». Я так и сделал. Гораций купил историю.

Ну, чем не объяснение? А теперь послушайте другое, в такой же степени правдивое.

Я читал роман Флоренс Леннон «Виктория проходит сквозь зеркало» и был глубоко впечатлен этим фрейдистским исследованием Льюиса Кэрролла. Я тут же засел и перечитал всю «Алису». Я перечитал ее трижды, не вставая со стула. И решил, что ненавижу Фрейда. А затем написал «Шоколадно-Молочное Чудище».

Написан в 1957 г., опубликован в 1959 г.

С человеческим лицом

Что за дорога! Что за дурной, унылый дождь, из-за которого совершенно ничего не видно! И, клянусь тенью старого Хораса Грили³, что за идиотское, невозможное поручение!

Джон Шеллингер проклинал запотевшее ветровое стекло, с которого монотонными движениями дворников стирались капли дождя. Он пристально всматривался в мокрую, нечеткую трапецию стекла и пытался угадать, что там впереди могло быть заброшенной сельской дорогой, а что – пожухшей забронзовевшей осенней растительностью. Возможно, он проехал мимо медленно бредущей колонны кровожадных селян, растянувшейся по обе стороны дороги вглубь этих жутких мест, возможно, он случайно свернул на проселочную дорогу и теперь направляется в забытые всеми цивилизованными людьми земли. Однако он надеялся, что все это ему только кажется.

Что за дурное задание!

– Эту ловлю вампиров необходимо показать с нормальной точки зрения, – говорил ему Рэндал. – Прочие новостные агентства сведут все к необразованной деревенщине, средневековым суевериям, которым не место в нашем современном мире атомной энергии. Будут разглазговствовать о том, какими тупицами на самом деле являются эти тупицы. А ты не поддавайся искушению освещать событие с того же ракурса. Найди свой собственный сентиментальный подход к этой истории о кровососах и накропай мне около трех тысяч слов. И не трать деньги зря. Не слишком-то много можно списать на служебные расходы в этих сельскохозяйственных трущобах.

«И вот, значить, я седлаю свой кабриолет, – мрачно думал Шеллингер, – и еду на землю, в которой еще жива община, где ни в коем разе никто не станет болтать с чужаками, особенно нонче, поскольку вампир порешил уже трех робят. И никто не скажет мне имен этих трех детей, а также живы ли они, а Рэндал все более настойчиво будет требовать прислать хоть что-то потребное для печати, а я до сих пор не могу найти хоть одного мало-мальски вменяемого болтуна во всем округе. Я вообще ничего не узнал бы об этой ловле на пересеченной местности, если бы не заметил, что все мужчины города в одно мгновение бесследно исчезли в этот дождливый, скучный вечер».

За считанные секунды дорога сделалась совсем скверной, так что ехать по ней стало невозможно на какой бы то ни было передаче. Эти выбоины враз повредят чертовы стойки.

Шеллингер стер перчаткой влагу со стекла и пожалел, что у него нет второй пары фар. Тьма – хоть глаз выколи.

Вон тот темный контур, к примеру. Возможно, это ватага злобных упырей. Возможно, тварь, которую выгнали из логова, когда прочесывали кусты. А может, просто маленькая девочка.

Он резко ударил по тормозам. У дороги действительно стояла девочка. Маленькая темноволосая девчонка в синих джинсах.

Судорожными движениями он принялся крутить ручку, опуская стекло, затем высунул голову под дождь.

– Девочка, привет! Может, тебя подвезти?

Ребенок казался слегка сутулым на унылом фоне черной как смоль ночи и угасающей, мокрой от дождя растительности. Девочка обвела глазами машину и снова посмотрела в его лицо, размышляя о чем-то своем. Должно быть, она даже не подозревала, что где-то может существовать такая хромированная, модная, недавнего года выпуска машина. И конечно, она даже мечтать не могла в такой прокатиться. А ведь ей выпадает шанс, которым она сможет

³ Американский журналист XIX в. – *примеч. пер.*

еще долго хвастать перед другими детьми, ее чумазыми сверстниками, копошащимися на картофельных грядках.

Она кивнула, очевидно, решив, что он не принадлежит к числу тех опасных чужаков, о которых предупреждала ее мать, и что ехать на машине будет гораздо удобнее, чем уныло плестись в грязи под дождем. Она очень медленно обошла машину спереди и села справа от него.

– Спасибо, мистер, – сказала она.

Шеллингер тронулся с места, окинув девочку быстрым взглядом. Ее изношенные синие джинсы промокли до нитки. Ей, должно быть, было очень холодно и неловко, однако она ему об этом ни за что не скажет. Она ни словом не обмолвится о своих проблемах – настоящий маленький стойк, как, впрочем, и все деревенские жители.

Но прежде всего, она была напугана. Она сидела, сжавшись в комок, сложив руки на коленях, как можно дальше отодвинувшись от него, практически прижавшись к двери. Чего же боялся этот ребенок? Вампиров! Кого же еще.

– Далеко ли до твоего дома? – спросил он как можно мягче.

– Примерно полторы мили. Но в ту сторону. – Она ткнула пухленьким большим пальцем себе за спину. Что за пышечка! По сравнению с тощими деревенскими детьми испольщиков ее тело действительно было кровь с молоком. К тому же, повзрослев, она станет просто красавицей, если к тому времени какой-нибудь необразованный увалень не возьмет ее в жены и не сгубит тяжелой работой, закрыв от всего света в убогой лачуге.

Вздохнув с сожалением, в несколько движений он развернул машину и поехал в обратную сторону. Разумеется, охотников ему не нагнать, но нельзя же тащить впечатлительного ребенка с собой, приобщая к мрачной суеверной бессмыслице нелепых ритуалов местной деревенщины. Наверное, ее нужно отвезти домой. К тому же вряд ли он вытянет что-нибудь путное из молчаливых фермеров, бредущих по окрестностям с заостренными копьями и автоматическими винтовками, заряженными серебряными пулями.

– Что выращивают твои родители, табак или хлопок?

– Они пока ничего не посадили. Мы лишь недавно сюда переехали.

Ага. Так вот почему у нее не было акцента, характерного для этой гористой местности. И к тому же в ней действительно чувствовалось достоинство, не свойственное большинству детей, которых он встретил в этих местах.

– А не поздновато ли для вечерней прогулки? Твои родные что, ничуть не переживают из-за этого вампира, который блуждает по окрестностям?

Девочка еще сильнее сжалась в ком, сделавшись едва заметной в своем кресле.

– Я... Я ведь осторожно, – пролепетала она.

«Вот оно! – подумал Шеллингер. – Вот освещение события глазами маленькой девочки. Именно об этой сентиментальности и блеял Рэндал. Испуганная малышка, которую при всем при том так распирает любопытство, что она обуздывает свой страх и отправляется гулять темной ночью, да к тому же еще какой ночью!»

Он пока не понимал, как связать концы с концами в этой истории, однако в пальцах уже возник знакомый журналистский зуд. Вполне годный сюжет: маленькая испуганная девчушка, сидящая на красном сиденье его автомобиля.

– Ты знаешь, что такое вампир?

Она взглянула на него, потупилась и стала рассматривать свои руки, словно искала подходящие слова.

– Это... это типа, когда кто-то ест других людей на обед, – в голосе девочки слышалось сомнение. – Да?

– Да-а. – Вот и славно. Этот ребенок даст ему свежий взгляд на событие, не извращенный никакими книжными суевериями. Так он и напишет: «Ест других людей на обед».

– Вампир – предположительно такой человек, который остается бессмертным, то есть не может умереть, пока пьет кровь живых людей. Единственный способ убить вампира – это...

– Поверните здесь направо, мистер.

Там было ответвление от основной дороги. Раздражающе узкое, – внезапно появившиеся из ниоткуда мокрые ветви били в лобовое стекло, лениво проводили листьями по брезентовой крыше машины. Иногда верхушки деревьев чихали скопившимися в них каплями дождя, и все это обрушивалось на автомобиль.

Шеллингер почти что прижался лицом к лобовому стеклу, читая, словно таинственный шифр, что там кроется за бурой грязью между зарослями, тускло освещаемыми светом фар.

– Что за дорога! Твои родные действительно начинают жизнь с нуля... Так вот, единственный способ убить вампира – это выстрелить в него серебряной пулей. Или забить кол в сердце и похоронить в полночь на перекрестке дорог. Именно это и собираются проделать все те мужчины, если они его поймают. – Он повернул голову, услышав, как она вздыхает. – Что, тебе, видимо, совсем не нравится эта идея?

– Я считаю, что это просто ужасно, – многозначительно сказала она.

– А как же, по-твоему, нужно поступить: сам живи и давай жить другим?

Она немного подумала, потом кивнула и улыбнулась.

– Да, сам живи и давай жить другим. Сам живи и давай жить другим. В конце концов... – она с трудом подбирала нужные слова. – В конце концов, некоторые люди не виноваты в том, кто они. То есть... – речь ее текла очень медленно и вдумчиво, – то есть, типа, если человек вампир, то что же ему делать?

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, деточка. – Он снова принялся изучать то, что появлялось за окном. – Единственная проблема в том, что, если ты веришь во всяких там вампиров... Ну, ты в них не веришь, и это хорошо... Так вот, если веришь, то должен также понимать, что они плохие. Те люди из деревни, которые говорят, что их дети были убиты вампиром, или что он там с ними сделал, они ненавидят вампира и хотят его уничтожить. Если на свете и существуют вампиры... Заметь, я сказал «если»... То тогда они делают все эти ужасные вещи в силу своей природы, и от них так или иначе нужно избавиться. Понимаешь?

– Нет. Нельзя вбивать кол в человека.

Шеллингер рассмеялся.

– Тут я с тобой согласен. Мне эта идея никогда не нравилась. Однако если дело дойдет до того, кто должен остаться в живых, я или вампир, то думаю, что я смог бы преодолеть свою безразличность и выполнить все необходимые действия, когда пробьет полночь.

Он замолчал, подумав, что этот ребенок оказался слишком умным для своего окружения. Похоже, что суеверия еще не овладели ее умом, а он, в свою очередь, прочитал ей целую лекцию «Мнение Шеллингера о черной магии». Это было неправильно. Со всей возможной деликатностью он продолжил:

– Говоря о том, что плохого в этих суевериях... Куча взрослых людей распространяет эти бредни, шатаясь ночью по всей округе, так как считает, что вампир сейчас на свободе и к тому же чрезвычайно опасен. И скорее всего, они поймают какого-нибудь несчастного бродягу и разделают его под орех со всей жестокостью, без какой бы то ни было причины, кроме той, что он оказался в поле этой ночью. И этого объяснения будет для них вполне достаточно.

Тишина. Она размышляла над его словами, а Шеллингеру нравилось ее вдумчивое, полное достоинства отношение к жизни. Он заметил, что девочка несколько расслабилась и сидела уже гораздо ближе к нему. Забавно, как ребенок чувствует, что ты не намерен причинять ему никакого вреда. Даже деревенский ребенок. Особенно деревенский ребенок, если уж на то пошло, потому что они живут в большем единении с природой или что-то вроде того.

Он читал доверие к себе в детских глазах и, как следствие, поверил, что у него все получится. Целая неделя жизни среди этих тонкогубых неучей, ничем не отличавшихся друг от

друга в демонстрации своего высокомерия, заставила его усомниться в своих журналистских способностях. Но теперь все пошло на лад. Он наконец нашел основу для своего сюжета.

Теперь осталось лишь довести сюжет до совершенства. В статье она будет простой деревенской девочкой, гораздо более худенькой, совершенно неприступной, и вся ее речь будет пестреть словечками, характерными для этой местности.

Да, у него теперь появился материал, так сказать, с человеческим лицом.

Она вновь придвинулась к нему, практически касаясь одежды. Бедное дитя! Его тепло согреет ее, так что джинсы чуть подсохнут, и ей уже будет чуть поудобнее. Ему подумалось, что неплохо было бы иметь в машине хорошую печку.

Дорога полностью растворилась в спутанных ветвях кустарника и скрюченных жутких деревьях. Он остановил машину, включил аварийный сигнал.

– Ты ведь не здесь живешь? Похоже, что тут уже много лет не было ни души.

Он был потрясен зрелищем дикой, совершенно неосвоенной пустоши.

– Конечно же, я живу здесь, мистер, – пылко сказала она прямо ему в ухо. – Я живу вон в том маленьком домике.

– В каком? – Он протер лобовое стекло, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в свете фар. – Я не вижу никаких домов. Где он?

– Там, – она подняла пухлую ручку и помахала куда-то в направлении ночи. – Вон там.

– Я ничего не вижу... – боковым зрением он вдруг увидел, что ее ладонь покрыта темными волосами.

Как странно.

Покрыта тонкой темной шерстью. Ее ладонь!

«А что ты там подумал с первых же минут встречи о форме ее зубов?» – завопил в ужасе его разум. Он начал было поворачивать голову, чтобы еще раз взглянуть на ее зубы. Но не успел.

Потому что девочка впилась зубами ему в горло.

Послесловие

В свое время издавали чудесный журнал «Famous Fantastic Mysteries». В нем ежемесячно публиковался короткий роман и три-четыре рассказа, в большинстве случаев – перепечатка занимательных вещей, незамеченных или незаслуженно забытых читателями. Журнал многим нравился.

Его редактором была пожилая женщина, которую звали Мэри Гнедингер. Ее вкус и редакторские способности были безупречны. Если можно так выразиться, ее любили больше, чем сам журнал. Если вы писали фэнтези или научную фантастику, то всегда с почтением упоминали имя Мэри Гнедингер.

Тед Старджон, мой первый и, наверное, лучший агент, пригласил меня как-то на ужин.

– Ты же слышал, – спросил он меня, – про обеды с редактором? Так вот, а это ужин с агентом. Намечен на шесть часов, поэтому, пожалуйста, не опаздывай. Это очень важно!

Он жил тогда в Виллидж с Ри, талантливой поэтессой, школьной подругой, которую называл своей «темной дамой из сонетов». Коли на то пошло, я как-то написал странный небольшой детектив об этой паре, который назвал «Убийственная Мира».

Ри не имела ничего общего с кулинарией, но ей это и не было нужно. Женщинам приходилось брать кухню Теда Старджона с боем, так как сам он отлично готовил.

Итак, Тед приготовил ужин, чтобы нанести удар моему воображению (я очень консервативен, когда дело касается пищи, хотя имею обыкновение, раз в одиннадцать лет, вводить в свой обиход какое-нибудь новое блюдо. Сидя за тарелками со странными тропическими фрук-

тами, которые он непонятно где откопал, и не менее странно выглядящим соусом, которым была покрыта говядина, Тед объяснил причину такого срочного приглашения.

Мэри Гнедингер позвонила ему днем. Она была в отчаянии. Целый номер Famous Fantastic Mysteries был утерян по дороге в типографию, которая располагалась где-то в Огайо. И с романом-то как раз проблем не было. У нее лежали две сшитые копии романа, но не осталось ни одной копии тех трех рассказов, и она не могла восстановить их за тот короткий срок, что ей предоставил издатель. Ей необходимы были три рассказа, по количеству знаков совпадающих с теми, потерянными. И времени на все про все было лишь двадцать четыре часа.

– Именно поэтому очень важно, чтобы ты все успел в срок, – сказал Тед.

Он позвонил Рэю Брэдбери в Калифорнию (что было очень дорого по тем временам), и Брэдбери согласился написать один из рассказов на 2100 слов и послать его Мэри авиапочтой.

– А мы с тобой, – сказал Тед, – напишем оставшиеся два рассказа, и я отвезу их Мэри прямо завтра утром.

Я помню, что состроил кислую рожу.

– Черт возьми, Тед, я вообще не знаю, о чем писать!

– Чушь, – сказал он. – Ты писатель или не писатель? Воспользуешься печатной машинкой Ри, а я своей. Мы сядем спина к спине и напишем по короткому классному фэнтезийному рассказу для Мэри.

– О чем? – заныл я. – Во имя Господа, Монтрезор, о чем?

Тед слегка поразмыслил.

– Ты будешь писать о вампирах, – наконец, сказал он. – Мэри нравятся рассказы о вампирах. Взглянешь на эту тему под новым углом. Итак, приступим. Помни, у нас только одна ночь.

Потом он поставил два стула спинкой к спинке. Перед одним стулом стоял стол с его переносной печатной машинкой «Royal». Перед другим стулом – стол с переносной печатной машинкой «Royal», принадлежавшей Ри. Он сел перед своей печатной машинкой и немедленно начал печатать. Ри принесла нам кофе. Это единственное, что Ри вообще могла сделать на кухне.

Что же мне оставалось? Я сел спиной к Теду, стал стучать по клавишам, совершенно не понимая, что именно делаю.

Я написал рассказ, который назвал «С человеческим лицом».

Тед написал рассказ, который назвал «Такой большой».

Мэри получила все три рассказа вечером следующего дня. Не помню, как назвал свой рассказ Брэдбери. Помню только, что рассказ был выше всех похвал.

Написан в 1948 г., опубликован в 1948 г.

Ирвинга Боммера любят все

Ирвинг Боммер задумчиво-печально шел за девушкой в зеленом платье и слышал нечто совершенно фантастическое.

Комплимент.

Толстая цыганка, растекшаяся всем телом по каменной ступеньке перед входом в свою замызанную лавочку, подалась вперед и крикнула: «Эй, мистар!» Затем, когда Ирвинг замедлил шаги и взглянул на нее и на витрину, забитую сонниками и книгами по нумерологии, цыганка прочистила горло, издав звук, который можно услышать, перемешивая комковатую овсянку.

– Эй, мистар! Да, ты, красавчик!

Ирвинг чуть не споткнулся, резко остановился и посмотрел вслед девушке, исчезающей вместе с зеленым платьем за углом и из его жизни.

На мгновение его словно парализовало. Он не смог бы покинуть место, где услышал столь восхитительный комплимент, даже... даже если бы сам Хамфрис, заведующий отделом хозяйственных товаров в «Универмаге Грегворта», сейчас материализовался перед ним за невидимым прилавком и повелительно щелкнул пальцами.

Ну конечно же. Некоторые находят такие шутки забавными. Некоторые, особенно женщины... Бледные щеки Ирвинга стала медленно заливать краска, и он, обычно медленно сообщающий, стал напряженно подыскивать ответ – умный и сокрушительный одновременно.

– А-а-ах! – начал он, понадеявшись на импровизацию.

– Поди сюда, красивый мистар, – велела цыганка без тени иронии. – Заходи – и получишь то, чего так сильно хочешь. У меня это есть.

А чего он хочет сильнее всего? Откуда она может знать? Даже он, Ирвинг Боммер, представлял себе это весьма смутно. Но все же он двинулся следом за толстой, покачивающейся при ходьбе цыганкой и вошел в лавку, скупо обставленную тремя складными стульями и столиком для бриджа, на котором расположился покрытый мелкими трещинками хрустальный шар. Перед драной простыней, закрывающей вход в заднюю комнату, играли пятеро детей на удивление близкого возраста. Когда цыганка повелительно цыкнула, они проворно высыпали на улицу.

Усевшись на складной стул, который немедленно накренился под углом сорок пять градусов, Ирвинг задумался над тем, что он здесь делает. Ему вспомнилось, что сказала миссис Нэгенбек, когда он снял у нее комнату: «Опоздавшим жильцам – никаких ужинов. Никогда», а поскольку сегодня в отделе хозяйственных товаров проводилась ежемесячная инвентаризация, он уже был и опоздавшим, и голодным. И все же...

Никогда нельзя знать заранее, чем может обернуться общение с цыганами. В проницательности им не откажешь. Их стандарты красоты отлиты не по голливудским формам; они потомки расы, бывшей космополитами еще во времена Пилата; они могут распознать такие вещи, как благородство души и... возможно, даже привлекательность – житейскую, зрелую привлекательность, если ее так можно назвать.

– Итак, э-э... – он еле заметно усмехнулся, – что же у вас есть такого, чего я... чего я... э-э... столь отчаянно желаю? Сонник, чтобы выигрывать на бегах? Я не играю на бегах. И судьбу мне тоже никогда не предсказывали.

Цыганка стояла перед ним многоскладчатой горой плоти, облаченной в столь же многоскладчатые разноцветные платья, и хмуро разглядывала его крошечными и усталыми черными глазками.

– Нет, – сказала она наконец. – Тебе я не буду предсказывать судьбу. Я дам это.

В ее протянутой руке он увидел бутылочку из-под лекарства, наполненную пурпурной жидкостью, которая в тусклом сумеречном свете, пробивающемся сквозь окно лавки, постоянно меняла цвет с густо-красного на темно-синий.

– Что... что это? – спросил он, хотя внезапно понял, что есть только одна вещь, которую ему могут предложить.

– Она принадлежала моему мужу. Он работал над этим много лет. А когда сделал, умер. Но ты... другой. У тебя есть на это право. А это даст тебе женщину.

Ирвинг вздрогнул, услышав оскорбление. Он попытался рассмеяться, но вместо этого глубоким вздохом выдал свою надежду, свое желание. Женщина!

– Так это настойка... приворотное зелье? – Его голос дрогнул, пытаясь выразить одновременно насмешку и согласие.

– Зелье. Когда я тебя увидела, то поняла, что тебе нужно. В тебе много несчастья. Очень мало счастья. Но помни, надо возвращать то, что взято. Если берешь каплю зелья, смешай ее с каплей своей крови – тогда она станет твоей. И бери каждый раз только по капле. Десять долларов, пожалуйста.

Это его доконало. Десять долларов! За флакон подкрашенной водички, которую она намешала в задней комнате. И лишь потому, что он из-за своей доверчивости вошел в лавку. Ну нет! Только не Ирвинг Боммер. Он не дурак.

– Я не дурак, – сообщил он цыганке, затем встал и расправил плечи.

– Слушай! – хрипло и повелительно произнесла цыганка. – Ты можешь стать дураком сейчас. Тебе это средство нужно. Я могла попросить пятьдесят, могла попросить тысячу. Я попросила десять, потому что это правильная цена, потому что у тебя есть эти десять и потому что тебе нужно это. А мне... мне уже не нужно. Не будь дураком. Возьми. Ты станешь... настоящим привлекательным.

Ирвинг обнаружил, что усмешек он больше не выдержит и что дверь слишком далеко. Он очень медленно отсчитал десять долларов, и до дня зарплаты у него осталось всего два. Его не остановило даже воспоминание о флаконе фантастически дорогого лосьона после бритья, который его уговорили купить на прошлой неделе. Он просто обязан... попробовать.

– Капля крови и капля зелья! – крикнула вслед цыганка, когда он торопливо зашагал к двери. – Удачи тебе, мистар.

К тому времени когда он, прошагав два длинных квартала, подошел к своему пансиону, его полная надежд возбужденность сменилась привычным состоянием покорной униженности.

– Какой лопух, какой лопух! – шипел он себе под нос, проскальзывая через черный ход в пансион миссис Нэгенбек и поднимаясь по лестнице. Ирвинг Боммер, чемпион лопухов всех времен и народов! Покажи ему хоть что-нибудь, и он это купит. Приворотное зелье!

Но когда Ирвинг захлопнул за собой дверь узкой комнатухи и швырнул бутылочку на постель, он прикусил губу, а из его близоруких глаз выкатились две огромные слезы.

– Ах, если бы только у меня было лицо, а не рожа из комикса, – всхлипнул он. – Если бы... черт побери!

А затем его сознание, будучи относительно здоровым, отказалось работать дальше на таких условиях. «Давай помечтаем, – предложило сознание подсознанию. – Давай помечтаем и представим, каким приятным мог бы оказаться мир».

* * *

Он сидел на кровати, блаженно уткнувшись подбородком в поднятое колено, и мечтал о правильно сотворенном мире, где женщины интриговали ради его внимания и дрались за него; где они, не в состоянии завоевать его целиком только для себя, волей-неволей делили его со

столь же целеустремленными сестрами. И он привычно бродил по этому блистательному миру, как всегда довольный тем, что правила здесь постоянно менялись в его пользу.

Иногда он становился единственным мужчиной, уцелевшим после атомной катастрофы; иногда откидывался на пурпурные подушки и попыхивал кальяном, окруженный гаремом преисполненных обожания гурий, от красоты которых захватывало дух; а иногда десятки мужчин – все они чем-то напоминали Хамфриса – с отчаянием наблюдали за тем, как Боммер богатый, Боммер преуспевающий, Боммер невероятно красивый провожает их жен, любовниц и особых подружек из просторных лимузинов в свои холостяцкие апартаменты, занимающие целый особняк на Парк-авеню.

Время от времени в его мечтах появлялся пластический хирург – разумеется, работающий абсолютно без боли! – талантливый джентльмен, который, завершив шедевр, умирал от удовлетворения, не успев осквернить свою лучшую работу созданием дубликата. Нередко Ирвинг Боммер откладывал на время трудный выбор между сияющей блондинкой с фигурой классической статуи и пикантной рыжеволосой красавицей и представлял, как его рост увеличивается до шести футов и двух дюймов, плечи расширяются, плоскостопие исчезает, а нос уменьшается и выпрямляется. И даже мысленно наслаждаясь новой звучностью своего голоса и неотразимой сердечностью своего смеха, гордясь своим безупречным и всегда отточенным остроумием и всесторонним образованием, он чаще всего возвращался в мечтах к своей блистательной внешности. О, эта шапка волос, небрежно скрывающая нынешнюю проплешину, третий урожай зубов, чудом вытесняющий из десен обломки пожелтевшей эмали и дешевые мостики, и желудок, более не привлекающий внимание имитацией проглоченного арбуза, а с достоинством скрытый за стеной мышц! Ах, желудок! В нем теперь найдут приют лишь изысканнейшие вина, лишь вкуснейшие блюда, приготовленные опытнейшими поварами, лишь тончайшие деликатесы...

Резко сглотнув накопившуюся во рту слюну, Ирвинг Боммер понял, что жутко голоден.

* * *

Судя по часам, кухне сейчас полагается быть темной и пустой: в нее можно было пробраться по проходящей рядом с его комнатой скрипучей лестнице, ведущей к задней двери.

Однако миссис Нэгенбек, обнаружив в кладовой посторонних лиц, имела склонность объединять наиболее значительные черты каждой из трех Фурий в одно гармоничное целое. Ирвинг Боммер даже содрогнулся, представив, что его ждет, если она его застукает...

– Что ж, приятель, это риск, на который тебе придется пойти, – резко вмешался желудок.

Тревожно вздыхая, он спустился на цыпочках по гнусно скрипящей лестнице.

Пошарив в темной кухне, он коснулся ручки холодильника. Ирвинг голодно нахмурился. Осторожные поиски и ободранная голень вознаградили его едва начатой палкой салами, полбуханкой ржаного хлеба и тяжелым ножом с клиновидным лезвием, незаменимым, когда берешь на бордаж испанский галеон.

– Отлично, – пробурчал желудок, вылизывая двенадцатиперстную кишку. – Пора начинать!

В комнате за кухней щелкнул выключатель. Ирвинг замер, не успев отрезать ломоть от краюхи. Тело его было абсолютно неподвижным, но сердце и все еще болтливый желудок принялись стучаться друг о друга, словно пара акробатов в финале дурацкого водевиля. Пугаясь, Ирвинг начинал обильно потеть, и теперь его пятки заскользили по кожаным стелькам, хотя туфли были ему тесноваты.

– Кто там? – послышался голос миссис Нэгенбек. – Есть кто-нибудь в кухне?

Передумав отвечать ей даже отрицательно, Ирвинг Боммер, крадучись, поднялся по лестнице – с едой, ножом и теперь уже полностью сконфуженной внутренней анатомией.

Оказавшись в своей комнате и положив палец на выключатель, он выдохнул, прислушался и улыбнулся. Следов он не оставил.

Он неторопливо подошел к кровати, с поразительной для него храбростью отправив в рот прямо с ножа ломтик салями. Бутылочка лежала на прежнем месте. Жидкость в ней по-прежнему казалась то красной, то синеватой.

Усевшись, он принялся отвинчивать двумя пальцами колпачок, но, столкнувшись с неожиданным затруднением, медленно приподнял брови. Так, подумал он, сейчас мы переместим нож в правую руку, допустим, сунем лезвие под мышку, хорошенько ухватимся за бутылочку левой рукой, а правой энергично повернем колпачок. А сами тем временем будем жевать.

Колпачок заело намертво. Может, его вообще не полагается отвинчивать. Быть может, бутылочку следует разбить и использовать содержимое сразу. Но об этом можно побеспокоиться и позже. А сейчас у него есть салями и хлеб. И два доллара вместо двенадцати.

Он начал опускать бутылочку, продолжая раздраженно покручивать колпачок туда-сюда и показывая тем самым, что еще не отступился окончательно. Внезапно колпачок провернулся. Боммер отвинтил его до конца, более чем слегка изумленный. Он и не знал, что бутылочки для лекарств стали выпускать с левой резьбой.

* * *

Станный запах. Напоминает запах только что отмытого и завернутого в свежую пленку младенца, который внезапно решил, что полный мочевого пузыря доставляет гораздо меньше удовольствия, чем пустой; и жидкость в бутылочке была синей. Он понюхал снова. Нет, больше похоже на запах очень волосатого человека, хорошенько потрудившегося весь день кайлом и лопатой, а потом решившего, что сегодня нет смысла принимать душ, и тем самым нарушившего собственную наиболее уважаемую традицию. И все же когда Боммер задумчиво разглядывал бутылочку, жидкость в ней блеснула яркой краснотой. Поднеся флакончик к носу, чтобы нюхнуть в последний раз, он поразился тому, насколько ошибался, распознавая запах: неприятный, и весьма, но легко узнаваемый. Это... застоявшийся табачный дым, но не совсем... недавно унавоженное поле – почти, но...

Он плеснул чуть-чуть на левую ладонь. Пурпурная.

В дверь замолотили кулаком.

– Эй, там! – взревела миссис Нэгенбек. – Вы, мистер Боммер! Откройте дверь! Я знаю, что у вас там. У вас там мои продукты. Откройте дверь!

Когда Ирвинг вздрогнул, зажатый под мышкой нож совершил отчаянный прыжок к свободе и славе. Он целился на запястье, ведь так, если повезет, можно отсечь всю кисть (а это достижение обязательно поставит на должное место некий весьма заносчивый мясницкий нож!). К несчастью, рука инстинктивно дернулась, засовывая хлеб и салями под подушку, и нож звякнул о пол, удовлетворившись – но не чувствуя себя счастливым – порезанным кончиком пальца.

– Если вы не откроете эту дверь сейчас, немедленно, сию секунду, – объявила миссис Нэгенбек через замочную скважину, призванную на службу в качестве мегафона, – то я ее вышибу, я ее выломаю. Я ее вышибу и выставлю вам счет за новую дверь, две новые петли и поврежденные косяки. Не говоря уже о продуктах, которые вы принесли к себе и сделали негигиеничными, хватая их грязными руками. Откройте дверь, мистер Боммер!

Ирвинг сунул нож под подушку и накрыл ее одеялом. Затем, закрутив колпачок на бутылочке, направился к двери, посасывая порезанный палец и обливаясь потом.

– Секундочку, – взмолился он заплетающимся от страха языком.

– И еще замок, – принялась размышлять вслух миссис Нэгенбек. – Хороший замок нынче стоит четыре, пять, а то и шесть долларов. А сколько возьмет плотник за его установку? Если мне придется сломать дверь, если придется испортить собственную...

Ее голос стал тише, превратившись в странное бормотание. Отпирая замок, Ирвинг дважды услышал звук, напоминающий шипение выпускающего пар локомотива.

За распахнутой дверью он увидел домохозяйку в лавандовом халате. Ее брови были сведены, а тонкие ноздри подрагивали.

Салями! С ее опытом она, вполне вероятно, сумеет по одному запаху отыскать под подушкой украденную колбасу.

– Какой странный... – неуверенно начала миссис Нэгенбек, с явным сожалением изгоняя враждебность с лица. – Какой странный запах! Такой необычный... такой удивительный, такой... О, мистер Боммер, бедный мальчик, вы ранены?

Он покачал головой, изумленный совершенно несвойственным ей выражением лица – не гнев, но нечто определенно опасное. Ирвинг отступил в комнату. Домохозяйка последовала за ним, ее голос экспериментировал со звуками и остановился на варианте, весьма смахивающем на воркование.

– Дайте-ка мне взглянуть на эти пальчики, на царапину, на порез, на эту рану, – робко попросила она, выдирая левую руку Боммера изо рта с такой силой, что у бедняги зашатались пять зубов. – О-о-о-о, болит? У вас есть антисептик – йод, перекись или меркурохром? А лаписный карандаш? А марлевые бинты?

Ошеломленный поразительной сменой ее настроения, Ирвинг указал носом на аптечку.

Забинтовывая рану, она продолжала издавать странные и тревожные звуки, напоминающие мурлыканье саблезубого тигра. Время от времени, когда ее глаза встречались с глазами Боммера, она улыбалась и быстро вздыхала. Но когда, подняв его руку для завершающего осмотра, хозяйка, страстно застонав, поцеловала его ладонь, Боммер по-настоящему испугался.

Он побрел к двери, ведя за собой миссис Нэгенбек, которая так и не выпустила его драгоценную руку.

– Огромное спасибо, – пробормотал он. – Но уже поздно. Мне пора ложиться.

Миссис Нэгенбек выпустила его руку.

– Вы хотите, чтобы я ушла, – с упреком произнесла она.

Увидев его кивок, она сглотнула, храбро улыбнулась и бочком протиснулась в дверь, едва не оторвав ему пуговицы на пиджаке.

– Не работайте слишком много, – с грустью попросила она, когда Боммер закрывал дверь. – Таким, как вы, нельзя изматывать себя до смерти на работе. Спокойной ночи, мистер Боммер.

* * *

Яркий пурпур бутылочки подмигнул ему с кровати. Приворотное зелье! Ведь он вылил каплю на ладонь, а порезавшись, невольно сжал пальцы в кулак. Цыганка говорила, что капля крови, смешанная с каплей зелья, делает эту каплю его собственной, личной. Очевидно, так и произошло: миссис Нэгенбек воспламенилась. Он содрогнулся. Миссис Нэгенбек. Ничего себе любовное зелье...

Но то, что подействовало на домохозяйку, несомненно, подействует и на других, более молодых и привлекательных женщин. Например, на девушку с томными глазами в отделе столовых приборов или на дерзкую кокетку в отделе салатниц и кастрюль.

Стук в дверь:

– Это всего лишь я, Хильда Нэгенбек. Послушайте, мистер Боммер, я тут подумала – салями и хлеб трудно есть всухомятку. К тому же от них вам наверняка пить захочется. Вот я и принесла вам две банки пива.

Открыв дверь и взяв пиво, Боммер улыбнулся. Время уже поработало над миссис Нэгенбек. То, что еще несколько минут назад было в ее глазах лишь бутонами, теперь пышно расцвело. Ее душа попрала сковывающие узы и помахивала ему рукой.

– Спасибо, миссис Нэгенбек. А теперь идите спать. Идите, идите.

Она быстро и покорно кивнула и побрела прочь, через каждый шаг томно поглядывая на него.

Гордо расправив плечи, Ирвинг Боммер вскрыл банку пива. Конечно, миссис Нэгенбек не бог весть что, но она подсказала ему дорогу к более интересному будущему.

Теперь он стал привлекательным – для любой женщины с чувствительным носом.

Жаль только, что зелья так немного, уж больно мала бутылочка. Кто знает, долго ли продлится эффект? А ему еще столь многое предстоит проверить и испытать!

Приканчивая вторую банку пива и намного более довольный собой, он внезапно натолкнулся на решение. Превосходное! И такое простое.

Первым делом Ирвинг вылил содержимое бутылочки в пустую пивную банку. Затем, сорвав бинт, сунул раненый палец в треугольное отверстие и соскреб подсохшую на ране корочку о голый металл. Через несколько секунд в банку потекла кровь. Когда струйка начала иссыхать, он вновь тербил ранку.

Решив, что смеси набралось достаточно, он потряс банку, забинтовал онемевший палец и вылил смесь в большой флакон с лосьоном после бритья, купленный неделю назад. Флакон был снабжен распылителем.

– А теперь, – заявил он, швырнув хлеб и нож на бюро, выключив свет, забравшись в постель и откусив кусок салями, – теперь остерегайтесь Ирвинга Боммера!

* * *

Он забыл завести будильник и проснулся лишь от шума, который издавал за стеной умывающийся сосед.

– Двадцать минут, чтобы одеться и добраться до работы, – пробормотал он, отбрасывая одеяло и бросаясь к раковине. – И никакого завтрака!

Но внизу миссис Нэгенбек встретила его широкой улыбкой и полным подносом и настояла, несмотря на его протесты, чтобы он «съел хоть кусочек».

Отчаянно забрасывая вилок яйчницу из суповой тарелки в рот, он столь же отчаянно дергал головой, избегая губ миссис Нэгенбек, украдкой пытавшейся его поцеловать, напоминая при этом человека-мишень, увертывающегося от бейсбольного мяча, а сам гадал, что же произошло с его властной хозяйкой со времени их последней встречи.

Со времени их последней встречи...

Воспользовавшись передышкой, когда миссис Нэгенбек вышла за баночкой икры («чтобы вы намазали ее на хлеб, когда будете пить кофе»), он опрометью помчался в свою комнату.

Ирвинг сорвал с себя галстук и рубашку, а затем, немного подумав, и майку. Потом направил на себя форсунку распылителя, сдвигая резиновую грушу и опрыскал лицо, волосы, уши, шею, спину, руки и живот. Он даже сунул головку распылителя за пояс брюк и сделал полный круг по талии. Когда мускулы рук стало сводить от непривычного напряжения, он наконец успокоился и начал одеваться. От запаха его едва не стошнило, и все же он ощущал паразитарную беззаботность.

Прежде чем выйти из комнаты, он встряхнул флакон. Полон почти на девять десятых. Что ж, пока флакон не опустеет, Боммер со многими и за многое рассчитается!

Когда он проходил мимо, цыганка стояла перед своей лавочкой. Завидев его, она начала было улыбаться, но резко стерла с лица улыбку и цыкнула на детей. Те юркнули в лавку. Попятившись к дверям, цыганка зажала нос и прогундосила:

– Ты взял слишком много! Нельзя все сразу!

Не останавливаясь, Ирвинг помахал ей:

– Я не все потратил. Там еще много осталось!

Его поезд был переполнен, но, еще стоя на платформе подземки, он заметил в вагоне незанятое место. Врезавшись в кучку людей перед входом, он буквально растолкал их, дерзким рывком ворвался в вагон, едва не напевая от самоуверенности и счастья, протиснулся между двумя женщинами, с ловкостью эксперта ткнул в голень какого-то старикана и уже опускался на сиденье, но тут поезд тронулся. Толчок лишил его равновесия и позволил юной леди с фарфоровым личиком лет двадцати или двадцати пяти проскользнуть за его спиной и усесться. Когда он выпрямился и обернулся, она уже хитро улыбалась ему маленьким, но поразительно красным ротиком.

Те, кто часто ездят подземкой, обязательно со временем узнают, что повороты судьбы здесь загадочны и непостижимы и разделяют пассажиров на сидящих и стоящих. Ирвинг ухватился за ручку над головой, приспосабливаясь к суровому вагонному закону спроса и предложения.

Лицо девушки скривилось, словно она собралась заплакать. Она затрясла головой, подняла на него глаза и прикусила губу. Дышала она очень громко.

Внезапно она встала и вежливо указала на сиденье.

– Не хотите ли присесть? – спросила она голосом, полным млека и меда. – У вас усталый вид.

Ирвинг Боммер сел, остро сознавая, что все головы поворачиваются в их сторону. Его соседка, пухленькая девушка лет девятнадцати, тоже принялась и медленно, словно удивляясь самой себе, перевела сияющие глаза с исторического романа на лицо Ирвинга.

Девушка, уступившая ему место, придвинулась вплотную, хотя все стоящие пассажиры качнулись в этот момент в другую сторону.

– Я совершенно уверена, что где-то встречала вас прежде, – начала она с некоторой неуверенностью, а затем все быстрее, словно вспоминая слова: – Меня зовут Ифигения Смит, и, если вы скажете мне ваше имя, я обязательно вспомню, где нас познакомили.

Ирвинг Боммер мысленно глубоко вздохнул и откинулся на спинку. Наконец-то биология пришла к нему на свидание.

К служебному входу в «Универмаг Грегворта» он подошел уже в сопровождении стайки женщин. Когда лифтер отказался впустить их в лифт, предназначенный только для персонала, они окружили шахту лифта и смотрели на его вознесение так, словно он был Адонисом, а весеннее равноденствие уже приближалось.

Хамфрис застукал его в тот момент, когда он расписывался в журнале.

– Опоздали на семь минут. Скверно, Боммер, скверно. Мы ведь постараемся встать вовремя, не так ли? Очень постараемся.

– Забыл завести будильник, – промямлил Боммер.

– Мы ведь больше не станем этим оправдываться, правда? Будем взрослыми, работая в «Грегворте»; признаем свои ошибки и попробуем исправиться. – Заведующий чуть-чуть затянул узел безупречно повязанного галстука и нахмурился. – Что за странный запах? Вы что, Боммер, не мылись?

– Женщина пролила на меня что-то в метро. Это выветрится.

Легко на сей раз отделавшись от заведующего, он прошел мимо кастрюль, сковородок и скороварок к прилавку с терками и машинками для чистки и резки овощей, где находилось его рабочее место. Он только-только начал выкладывать товары на прилавок перед началом работы, как сигнал гонга объявил внешнему миру, что теперь он (мир) может войти и гарантированно купить с повышенной скидкой Грегворта.

Его отвлекла чья-то рука, робко скользнувшая по лацкану пиджака. Дорис, прекрасная блондинка из отдела салатниц и форм для выпечки, нежно ласкала его, перегнувшись через прилавок. Дорис! Та самая, что обычно громко и неприятно фыркала, заметив его восторженный взгляд!

Ирвинг взял ее пальцами за подбородок.

– Дорис, – решительно произнес он, – ты меня любишь?

– Да, – выдохнула она. – Да, дорогой, да. Сильнее всех на свете...

Он поцеловал ее дважды, сперва быстро, а затем более страстно, когда заметил, что она не отпрянула, а вместо этого мечтательно застонала и едва не смахнула с прилавка никелированные терки.

Громкое пощелкивание пальцев заставило его отпрянуть и оттолкнуть Дорис.

– Так-так, так-так, – произнес Хамфрис, бросая на Боммера свирепый взгляд, приправленный легкой неуверенностью. – Мы находим время и место для всего, не так ли? Давайте-ка настроимся по-деловому; нас ждут покупатели. А личными делами займемся после работы.

Девушка метнула в заведующего взгляд, полный откровенной ненависти, но, когда Ирвинг махнул ей рукой, а Хамфрис пощелкал пальцами, медленно пошла на свое место, негромко и настойчиво бормоча:

– Ирвинг, милый, я буду ждать тебя после работы. Я пойду к тебе домой. Куда угодно, навсегда...

– Не понимаю, что с ней случилось, – удивился Хамфрис. – Всегда была лучшей продавщицей салатниц и форм для выпечки. – Он повернулся к Боммеру и после недолгой внутренней борьбы мягко произнес: – В любом случае, Боммер, не будем отвлекаться, так что давайте раскладывать терки и доставать резак. – Заведующий взял за костяную ручку резак с длинным изогнутым лезвием и продемонстрировал его стайке ранних покупательниц, собравшихся возле прилавка Боммера. – Новейший способ нарезать грейпфруты, апельсины и дыни, дамы. Единственный способ. Вам еще не надоели прямые и грубые ломтики на блюдах? – Его презрительный тон незаметно сменился задумчивым и околдовывающим: – Новым резаком «Голливудская мечта» вы сможете резать грейпфруты, апельсины и дыни легко и эффективно. Вы больше не будете терять драгоценный сок, полный витаминов; позабудете о пятнах от дынь на кружевных скатертях. А кроме того, у всех ломтиков будут привлекательные фигурные края. Детям очень нравится есть интересно разрезанные грейпфруты, апельсины...

– Он именно это продает? – спросила необъятных размеров дама с решительной челюстью. Хамфрис кивнул.

– Тогда я куплю резак. Если он сам мне его даст.

– А я куплю два. Он даст мне два?

– Пять! Я хочу пять. Я первая спросила, только вы не слышали.

– Дамы, успокойтесь, – просиял Хамфрис. – Не будем толкаться, не будем ссориться. Резаков «Голливудская мечта» у нас сколько угодно. Видишь, Боммер, – прошипел он, – какую пользу могут принести несколько слов продавца? Смотри не упусти их; энергичнее надо быть, энергичнее.

И он счастливо зашагал прочь, пощелкивая пальцами возле остальных прилавков, чьи стражи женского пола тревожно топтались на месте, подавшись всем телом вперед в порыве боммеротропизма.

– Выпрямитесь, девочки; смотрите бодрее навстречу Дню Бизнеса. А сегодня, – негромко пробормотал он, подходя к своему офису, чтобы оскорбить первую с утра группу торговых агентов, – сегодня, кажется, великий день для отдела терок и овощечисток.

Он даже не подозревал, насколько оказался прав, пока незадолго до обеденного перерыва к нему не ворвался начальник склада с воплем:

– Нам нужны еще люди, Хамфрис. Складской отдел не справляется с нагрузкой!

– Нагрузкой? Какой еще нагрузкой?

– Мы не успеваем подносить товар к прилавку Боммера, вот с какой нагрузкой! – Начальник склада вырвал клочок волос и продолжил, нервно приплясывая возле стола Хамфриса: – Я бросил на это всех своих людей, у меня никого не осталось ни на инвентаризации, ни на приемке, а он продает быстрее, чем мы успеваем подносить. Почему вы меня не предупредили, что сегодня начнется распродажа терок, резаков и овощечисток по сниженным ценам? Я бы тогда заказал больше товара с главного склада и не гонял бы туда людей каждые полчаса. Я смог бы тогда попросить Когена из отдела современной мебели или Блейка из детской спортивной одежды одолжить мне пару человек!

Хамфрис покачал головой:

– Сегодня нет никакой распродажи терок, резаков и овощечисток. Ни по сниженной цене, ни по цене сезонных распродаж, ни даже по оптовой. Возьмите себя в руки; не надо сдаваться перед неожиданными трудностями. Давайте-ка сходим и выясним, что там происходит.

Он открыл дверь кабинета и немедленно продемонстрировал позу человека, охваченного изумлением. Отдел хозтоваров был буквально забит колышущейся толпой задыхающихся женщин, рвущихся к прилавку с терками, резаками и овощечистками. Ирвинга Боммера полностью затопила волна кудряшек и перекосившихся шляпок, но время от времени из того места, где он примерно должен находиться, выплывал пустой картонный ящик и слышался писклявый надтреснутый голос:

– Принесите мне еще резаков! Эй, на складе, принесите еще! У меня кончается товар. Они начинают нервничать!

Все остальные прилавки на этаже оказались заброшенными – и продавцами, и покупателями.

Взревев: «Держись, Боммер, держись, мальчик!», заведующий взметнул в воздух манжеты и бросился в толпу. Проталкиваясь мимо женщин, прижимающих к взволнованно вздымающимся грудям целые упаковки картофелечисток, он заметил, что исходящий от Боммера странный запах теперь ощущается даже на расстоянии. И стал более сильным и насыщенным...

* * *

Ирвинг Боммер походил на человека, который спустился в Долину Теней и увидел там столько ужасов, что теперь его не напугать таким пустяком, как просто зло. Воротник у него был расстегнут, галстук лежал на плече, очки свисали с уха, безумные глаза налились краснотой, а пот заливал его столь обильно, что вся его одежда казалась недавно извлеченной из охваченной энтузиазмом стиральной машины.

Он был до смерти напуган. Пока у него был товар, чтобы отвлекать женщин, их обожание оставалось относительно пассивным. Но как только запасы начинали подходить к концу, женщины снова сосредоточивались на его персоне. Среди них не замечалось откровенного соперничества; они лишь расталкивали друг друга, чтобы лучше его видеть. Вначале он попросил нескольких уйти домой, и они подчинились, но теперь, соглашаясь выполнять все, о чем он их просил, они тем не менее категорически отказывались отойти. Проявляемая ими страсть становилась все более навязчивой и решительной – и более согласованной. Ирвинг с трудом

понял, что виной тому обильный пот – тот смешивался с приворотным зельем и разбавлял его, вынуждая запах распространяться все шире.

А их ласки! Прежде он даже представить не мог, каким болезненным может оказаться прикосновение женщины. Всякий раз, когда он склонялся к прилавку, выписывая чек, к нему протягивались десятки рук, поглаживая его руки, грудь и любую доступную часть тела. За три часа этого безумия нежные прикосновения начали ощущаться как тычки во время драки в забегаловке.

Когда Хамфрис встал рядом с ним за прилавком, Ирвинг едва не зарыдал.

– Пусть мне принесут побольше товара, мистер Хамфрис, – всхлипнул он. – У меня осталось только несколько терок для круглых овощей и пара резачков для капусты. Когда они кончатся, мне придет конец.

– Спокойно, мальчик, спокойно, – подбодрил его заведующий. – Это проверка наших способностей; с ней надо справиться, как подобает мужчине. Кем мы себя проявим – надежным и эффективным продавцом или сопливом, на которого нельзя положиться в солидном магазине? А где продавщицы из соседних отделов? Им следовало бы встать за прилавок и помогать тебе. Ладно, придется немного подождать, пока подвезут товар. Сделаем перерыв и попробуем заинтересовать дам вешалками для полотенец и товарами для туалета.

– Эй! – Затянутая в шерстяной рукав рука протянулась через прилавок и похлопала Хамфриса по плечу. – Отойди, а то я его не вижу.

– Секундочку, мадам, не будем столь нетерпеливы, – радостно начал Хамфрис и тут же смолк, наткнувшись на убийственный взгляд женских глаз. Она – да и другие, как он заметил, – смотрела на него так, словно была готова недрогнувшей рукой вонзить ему в сердце «Голливудскую мечту». Хамфрис сглотнул и дрожащей рукой поправил манжету.

– Послушайте, мистер Хамфрис, можно мне пойти домой? – взмолился Ирвинг со слезами на глазах. – Я себя плохо чувствую. А теперь и товар кончился, так что мне нет смысла бездельничать за прилавком.

– Гм-м, – задумчиво проговорил заведующий, – пожалуй, у нас сегодня был трудный день, верно? А раз мы себя плохо чувствуем, значит, мы себя плохо чувствуем. Конечно, мы не можем ожидать, что нам заплатят за вторую половину рабочего дня, но мы можем пойти домой.

– Господи, спасибо, – выдохнул Боммер и направился было к выходу из-за прилавка, но Хамфрис перехватил его за локоть и кашлянул.

– Хочу тебе сказать, Боммер, что тот запах не такой уж и неприятный. Даже весьма приятный. Надеюсь, я тебя не обидел своим необдуманном замечанием насчет мытья?

– Нет, ничего. Я не обиделся.

– Рад это слышать. Мне не хотелось тебя обижать. Я хочу понравиться тебе, Боммер, хочу, чтобы ты считал меня своим другом. Честное слово, я...

* * *

Ирвинг Боммер сбежал. Он бросился в толпу женщин, и повсюду они расступались перед ним, но все равно протягивали руки и касались – лишь касались! – какой-нибудь части его пропитанного болью тела.

Вывавшись, он успел прыгнуть в служебный лифт и содрогнулся, услышав голодный и отчаянный стон, раздавшийся в тот момент, когда дверцы лифта захлопнулись перед озабоченными лицами дам из авангарда. Спускаясь, он услышал высокий девичий голос:

– Слышите, я знаю, где он живет! Я отведу всех к его дому!

Боммер застонал. Так они еще и чертовски согласованно действуют! Он всегда мечтал стать мужчиной-богом, но ему никогда не приходило в голову, что богов бескорыстно обожают.

Выскочив из лифта на первом этаже, он поймал такси, заметив краем глаза, что лифтерша выбежала следом и поступила так же. Торопливо называя таксисту адрес, он увидел, что женщины по всей улице рассаживаются по такси и втискиваются в автобусы.

– Скорее, скорее, – молил он таксиста.

– Еду так быстро, как могу, – бросил тот через плечо. – Я-то соблюдаю правила, чего не скажешь об идиотках, которые едут за нами.

Бросив отчаянный взгляд назад, Ирвинг убедился, что несущиеся следом машины совершенно игнорируют светофоры, отчаянно размахивающих жезлами полицейских и транспорт на перекрестках. После каждой остановки такси к ним пристраивались все новые и новые женщины за рулем.

Ирвингу становилось все страшнее и страшнее, и от этого пот заливал его еще обильнее, а запах все больше распространялся по улицам.

Вернувшись домой, он первым делом встанет под душ и как следует, мылом и мочалкой, смое с тела проклятую гадость. Но сделать это надо быстро.

Такси резко остановилось, взвизгнув тормозами.

– Приехали, мистер. Дальше проехать не могу. Там то ли бунт, то ли еще что-то.

Рассчитавшись с таксистом, Боммер посмотрел вперед и едва не зажмурился. Улица была черна от женщин.

Флакон с лосьоном после бритья! На распылителе осталось немного содержимого, и испарения просочились на улицу. Флакон был почти полон, так что притяжение запаха оказалось весьма сильным. Но если всего лишь легкая утечка способна натворить такое...

Женщины стояли на улице, во дворе и в переулке, обратив лица на окно его комнаты, словно собаки, делающие стойку на опоссума. Они были очень терпеливы и очень спокойны, но время от времени кто-то вздыхал, а остальные подхватывали вздох, и тогда он звучал не слабее разрыва снаряда.

– Знаете что, – обратился он к таксисту. – Подождите меня. Возможно, я вернусь.

– Этого я обещать не могу. Не нравится мне эта толпа.

Ирвинг Боммер натянул на голову пиджак и побежал ко входу. Женские лица – удивленные и счастливые – начали поворачиваться к нему.

– Это он! – услышал он хриловатый голос миссис Нэгенбек. – Это наш чудесный Ирвинг Боммер!

– Он! Он! – подхватила цыганка. – Наш красавчик!

– Дайте пройти! – взревел Ирвинг. – Прочь с дороги!

Женщины неохотно расступились, освобождая для него проход. Он распахнул входную дверь как раз в тот момент, когда преследовавшие его машины с ревом выскочили из-за угла.

Женщины толпились в вестибюле, гостиной и столовой, женщины стояли на лестнице, ведущей к его комнате. Он протолкался мимо них, мимо их обожающих глаз и мучительных поглаживаний, сунул ключ в замок, открыл дверь и заперся изнутри.

– Думай, думай. – Он похлопал себя по голове покрасневшей рукой. Просто мытья окажется недостаточно, потому что флакон с лосьоном после бритья будет и дальше распространять свое жуткое содержимое. Вылить его в раковину? Тогда оно смешается с водой и разбавится еще больше. А вдруг на него начнут бросаться самки обитающих в канализации крыс? Нет, зелье надо уничтожить. Но как? Как?

В подвале есть печь. Лосьон сделан на спирту, а спирт горит. Сжечь зелье, а затем быстро вымыться, и не каким-то жалким мылом, а чем-нибудь по-настоящему эффективным – щелоком, а то и серной кислотой. Печь в подвале!

Ирвинг сунул флакон под мышку, как футбольный мяч. На улице ревели сотни автомобильных клаксонов, а тысячи женских голосов бормотали и распевали о своей любви к нему.

Где-то далеко и очень слабо слышались сирены полицейских и их изумленные голоса – они пытались сдвинуть с места нечто, твердо решившее не отступить ни на шаг.

Едва открыв дверь, он осознал, что совершил ошибку. Женщины хлынули в комнату – противостоять комбинации из запаха смешавшегося с потом зелья и эманации из флакона оказалось абсолютно невозможно.

– Назад! – гаркнул он – Все назад! Я иду вниз!

Женщины расступились, но медленнее и неохотнее, чем прежде. Ирвинг стал проталкиваться к лестнице, дергаясь и извиваясь всякий раз, когда к нему протягивалась нежная рука.

– Освободите лестницу, черт бы вас побрал, освободите лестницу!

Кто-то уступал ему дорогу, кто-то нет, но все же теперь он мог пройти вниз. Крепко сжимая флакон, Ирвинг ступил на лестницу. Совсем юная девушка, почти девочка, с любовью протянула к нему руки. Боммер дернулся в сторону, и его правая нога, к несчастью, соскользнула со ступеньки. Ирвинг пошатнулся, его тело качнулось вперед, с трудом удерживая равновесие. Седая матрона принялась поглаживать его спину, и он выгнул спину дугой.

Слишком далеко. Он упал, а флакон выскользнул из его вспотевших ладоней.

Прокатившись по ступенькам, он больно порезался о разбитый флакон и сразу ощутил, как намокла его грудь.

Ирвинг поднял голову и успел издать лишь один-единственный вопль. Его затопила волна страстных, обожающих и полных экстаза женщин.

Вот почему вместо него на кладбище «Белая ива» похоронили рулон заляпанного кровью линолеума. А возвышающийся над его могилой огромный памятник возведен на деньги, с энтузиазмом собранные по подписке всего за час.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Почему писатели проходят такой период, как «творческий кризис»? Очевидно, что причин этому столько же, сколько и самих писателей, но в большинстве случаев это объясняется творческим истощением и необходимостью перезарядки. Через несколько лет после того, как я стал профессиональным писателем, у меня появился агент, убедивший меня писать коммерческую и совершенно беспроектную прозу. (Полностью я описываю эту историю где-то еще в своих послесловиях). Единственный период в моей жизни, когда я искренне пытался стать послушной рабочей лошадкой. Но вскоре понял, что это не мое, так что надолго меня не хватило. Некоторое время у меня был стабильный доход, но потом я полностью прекратил писать.

Да, именно что полностью. Я садился за пишущую машинку, но не мог написать даже делового письма, не говоря уж о том, Что Должен Был Написать. Моя психика сопротивлялась всему, что имело отношение к литературному творчеству. Такое состояние длилось около двух лет, и мне пришлось заняться другой работой, далекой от всякой литературной деятельности, чтобы платить ренту за жилье. (Да, насчет продолжительности спада – это особенно касается Лестера дель Рея. Лестер умудрился в этом, как и во всем прочем, превзойти других писателей: по сравнению с его перерывом длиной в семь с половиной лет мои два года без писательства выглядят вяленько. Но, как я сказал Лестеру, в этом вяленьком состоянии вы тоже можете помереть с голодухи.)

Я почти перестал думать о себе как о писателе и работал официантом в заведении под названием «Meyers Goody Shoppe!» – когда однажды ночью, во время уборки, на меня вдруг нахлынуло название рассказа. «Все любят Ирвинга Боммера»? Я просто не мог дождаться той минуты, когда приду домой и начну писать, чтобы понять, что за история скрывается под этим заглавием. Я написал ее за семь часов и лишь потом рухнул в постель. И она положила конец моему литературному кризису – в этот раз, во всяком случае.

Однако это лишь малая часть истории об истории. В конце концов я написал много других рассказов и статей, завершил роман и стал профессором в Пенсильвании, и затем оставил Пенсильванию. Спустя 10 лет после моей отставки, однажды ночью я включил телевизор – и там был Ирвин Боммер! В виде фильма. Прямо там, на экране. Разумеется, название было другое, и главный герой не был мерзейшим человеком в городе, да, и да, и да – были и другие отличия, – но цыганка все так же предлагала зелье, неотразимое для одиноких мужчин, и главный герой побрызгался этим зельем, и – да, да – там были и другие отсылки к моему рассказу. Основные сюжетные трюки были полностью моими!

Это меня взбесило. Через своего племянника, Дэвида Класа, хорошего сценариста, я узнал имя голливудского адвоката и позвонил ему.

Адвокат сказал, что у меня нет ни единого шанса на удовлетворение моего иска. Предполагая, что я был прав во всех обнаруженных мною сходствах, оставалась еще проблема с законом штата Калифорния, относящимся к временным ограничениям. Голливудские магнаты мудро предусмотрели, что ты можешь поднять любой вопрос касательно плагиата в течение трех лет. Три года – и не больше. Я же вышел за этот трехлетний предел. То, что я видел по телевизору, являлось сеансом повторного показа. Возможно, фильм показывали в девятнадцатый или в двадцатый или даже в тридцать пятый раз. Вам следовало бы чаще смотреть кино, заявил адвокат. То есть я должен был увидеть этот фильм тогда, когда он вышел на экраны. И ничего тут я не смогу поделать.

Зато я мог возмущаться, возмущаться и возмущаться.

Говорю вам – этого достаточно, чтобы погрузить писателя в кризис.

Написан в 1950 г., опубликован в 1951 г.

Заплатить за квартиру

Вопрос частоты

Доктор Амадей Баллихок с гордостью указал пальцем через весь огромный кампус Университета Мег, Беш и Хэл Турман.

– Вот, – выдохнул он, обращаясь к взволнованно внимавшей ему группе, – вот это совершенное, обтекаемой формы здание, украшенное диагональными полосами. Гордость университета и последнее дополнение к нашим великолепным образовательным возможностям. Дименокоммунаплекс!

– Целое здание, – с благоговением, греющим душу любого мужчины, воскликнула молодая женщина справа от него, – для одного только прибора!

Президент университета любезно улыбнулся ей и перевел взгляд на остальных посетителей. Его широкая грудь под сшитой дорогим портным рубашкой из чистого стекла прямо на глазах раздувалась от гордости.

– Да. Одна машина.

– Один только вопрос, сэр, – неуверенно сказал очень красивый молодой человек, сотрудник иллюстрированного журнала «Телевидение во вторник». – Меня немного смущает только один момент, доктор: ведь Дименокоммунаплекс вряд ли можно считать образовательным прибором. Я хочу сказать... Его ведь не будут использовать для обучения? Он предназначен для исследований, верно? Для какого-нибудь сумаса?

При этих словах все остальные журналисты явно задумались и принялись чесать в отмытых дорогими шампунями затылках тщательно наманикюренными пальцами.

– Знаешь, Стив, – медленно проговорила хорошенькая девушка, – я думаю, в твоих словах что-то есть. Если этот прибор для какого-нибудь сумаса, он не может быть полезен для образования. Это уже относится к фигне типа «Открытие новых границ» или чего-то в том же духе. А за такой материал не захочет платить ни один спонсор. Если дело касается сумаса, необходимо все записывать, потому что возникает куча технических подробностей. А раз приходится делать записи, что происходит с непосредственностью хорошего телевизионного журналиста?

– Непосредственность бесследно улетучивается, Лаура, – кивнул ей молодой человек, – откуда ей взяться, если тебе придется читать свои записи, чтобы объяснить все, что происходит. Я имею в виду, кого все это заинтересует? С таким же успехом можно вернуться к тем сухим, как пыль, газетным отчетам, какие писали когда-то в старину.

– В дни сумасов, – добавил кто-то из группы, – в двадцатом веке.

Вся группа в ужасе содрогнулась.

– Вовсе нет, – резко вмешался в обсуждение доктор Баллихок. Все обернулись, и он вновь громко повторил самым убедительным тоном: – Вовсе нет! Ничего подобного!

– Что вы имеете в виду, сэр? – спросил Стив. – Любой прибор под названием Дименокоммунаплекс, уж конечно, является проектом какого-нибудь сумаса.

– Разумеется. Но, во-первых, мой дорогой, тот сумас, который участвует в этом проекте, находится под охраной и самым внимательным надзором некоторых наших беднейших умов. Кстати, разрешите мне с законной, отеческой гордостью сообщить вам, что он находится под надзором нашего факультета и студенческого коллектива, который в этом году обладает в среднем самым низким коэффициентом интеллекта среди всех колледжей всей страны.

– Да что вы говорите?! – воскликнула Лаура, с энтузиазмом оглядываясь по сторонам. – Это стоит вставить в мое шоу. Я люблю рассказывать о прогрессе и таким образом внушать

своей аудитории, что мы продвигаемся вперед... ну или что-то в этом роде. Вы меня понимаете?

– Конечно, понимаю, – заверил ее доктор Баллихок; тепло улыбаясь девушке, он с удовольствием разглядывал приятные изгибы ее тела, отчетливо просвечивающие сквозь прозрачное, с зеленым оттенком, платье. – Вам, журналистам, не понадобится делать какие бы то ни было заметки по поводу Дименокоммунаплекса по той простой, но весьма существенной причине, что никому из вас не удастся даже приблизиться к пониманию принципов его функционирования. Этот проект был отдан на разработку исключительно сумасам, и только самые деградировавшие из них могут сообразить, как он работает. Люди, такие, как вы, или я, или ваши телезрители, способны разве что описать его действия и производимый эффект – если он возникнет.

Раздался общий вздох облегчения. Стив вышел вперед и протянул руку.

– Примите мои извинения, доктор. Я на самом деле не имел в виду, не намекал на... на... ну, вы понимаете...

Доктор Баллихок кивнул.

– Вполне. Журналист, который появляется на миллионах экранов, просто обязан проявлять крайнюю осторожность. В этой стране и без того достаточно сумасов и их идей! Теперь, когда мы убедились в полном взаимопонимании, могу я попросить вас набраться терпения: все объяснения по поводу образовательного значения Дименокоммунаплекса вы получите после того, как мы отправимся туда на своих скутерах. Эксперимент должен начаться ровно в четыре тридцать. И нас ожидает встреча с весьма нестабильным индивидуумом.

Они вновь взобрались в весело разрисованные скутеры, потянули за украшенные лентами рычаги рулевого управления и взмыли вверх под приятный аккомпанемент крошечных серебряных колокольчиков, укрепленных на миниатюрных задних бамперах.

– Каково же образовательное значение Дименокоммунаплекса? – вновь принялся ораторствовать президент университета, устроившись на своем месте в ведущем скутере. – Ну, во-первых, существует чисто визуальный интерес студентов к столь сложной технике. Мы будем всячески поощрять учащихся за каждый час, проведенный в здании за созерцанием аппарата. Конечно, это ни в коем случае не является неприятным или – могу ли я употребить это слово? – «сумасбродным» способом проводить время, отведенное для обязательных занятий в колледже. Разумеется, та группа, которая посещает здание Арифметики, предпочтет провести час здесь, чем тратить его, как они это обязаны делать сейчас, на деление в столбик или десятичные дроби. Эти молодые люди могут впоследствии получить докторскую степень в области администрирования, как я, например; тогда они вынуждены будут управлять и нести ответственность за опасную умственную энергию от десяти до сотни сумасов. Когда еще они найдут лучшую возможность наблюдать за этими созданиями, как не на первых курсах колледжа?

– А оставшаяся часть образовательного аспекта – коммуникация, – заметила Лаура. – По крайней мере, в университетском рекламном буклете, присланном в мою студию, написано: «Пространственная коммуникация». Что это такое?

– Это выражение сумасов, – пожал плечами доктор Баллихок, – вот сумасы пусть его и объясняют. Счастлив сообщить, что мой коэффициент интеллекта гораздо ниже опасной отметки сто двадцать баллов. Пространственная коммуникация? Казалось бы, должна подразумеваться коммуникация между разными измерениями. Какая от этого польза – понятия не имею. Но, как со всеми разработками сумасов, никогда ничего нельзя знать наверняка. Это может привести к чему угодно. Например, скутеры, на которых мы сейчас передвигаемся, приводятся в движение некоей излучаемой энергией, открытой сумасом-астрономом, – он валял дурака с какими-то космическими лучами. Другой, менее деградировавший сумас – на самом деле почти нормальный человек, – применил открытие в инженерном проекте, относящемся к

средствам передвижения, и это дало возможность нормальным людям-техникам производить скутеры для нас. Вот почему все расходы, которые мы несем, заботясь о сумасах и предоставляя им пищу, совершенно необходимы. Никогда нельзя знать заранее, когда тот или иной их приступ прикладной науки – или даже припадок совершенно теоретической – приведет к чему-нибудь полезному.

– Или опасному! – вступила в разговор молодая матрона, до сих пор державшаяся в стороне. – Вспомните атомные бомбы, динамит – все эти ужасные вещи, которые сумасы, бывало, делали в старину, их философию... – Она содрогнулась и плотнее запахнула розовый жакет из стекловидного материала.

– В старину. В том-то и все дело. Вспомните, пожалуйста, историю, – наставительно сказал доктор Баллихок. – Первый человек приручил жизнь в форме низшего животного, чтобы обеспечить себя пищей. Затем он приручил материю в форме машин, чтобы они работали за него. А затем произошло самое главное, последнее событие! Человек приручил ум в виде сумасов, чтобы они думали за него!

Они прибыли к полосатому зданию со стреловидными опорами и сошли на землю. Стив указал на несколько располагавшихся прямо за новым зданием низких старомодных кирпичных строений, окруженных колючей проволокой.

– Это школа сумасов, доктор? Я знаю, что такая школа есть в вашем кампусе, и три года назад даже делал о ней краткое сообщение для тех людей, которых это могло заинтересовать.

– Да. Пожалуйста, не расстраивайтесь так, леди. Эти создания присутствуют здесь отнюдь не в опасных количествах и под строжайшей охраной. Наши законы в области государственного образования по-прежнему требуют, чтобы университеты содержали как минимум по одному колледжу – с отдельным, но адекватным остальному оборудованию – для тех, кто обладает душераздирающе высоким коэффициентом интеллекта. Однако я надеюсь, что недалек тот день, когда ради всеобщей безопасности их будут содержать отдельно – как уже произошло с большинством этих несчастных – в надежных, с прочными стенами учреждениях под неусыпным надзором специалистов по сумасам.

По знаку доктора Баллихока охранник отодвинул тяжелый дверной засов.

Внутри здания располагалось одно-единственное помещение, занятое под электронную машину. Впечатление было такое, будто паук сплел в этих стенах свой проволочный шедевр. Ряды трансформаторов застыли в ожидании энергии, которая хлынет в их компактные стержни. Электронные лампы, разбросанные, словно капли дождя, по огромной металлической пластине в центре комнаты, оставались пока обесточенными и слепо таращились на вошедших.

Возле металлической пластины находилась приборная доска со множеством индикаторов, рядом с которой стоял человек весьма неряшливого вида, волосатый и хмурый. Тонкие металлические нити охватывали обе его лодыжки и исчезали в отверстиях в полу, где, судя по всему, были намотаны на катушку, что позволяло человеку передвигаться в случае необходимости. Когда он возвращался на прежнее место, избыток нити втягивался обратно. Рядом постоянно находились два охранника: тот, что стоял справа, был вооружен весьма эффективным небольшим бластером; второй держал в руках крошечный радиопульт, управлявший работой металлических нитей.

– Дамы и господа, – обратился к телевизионщикам президент, – перед вами сумас-физик под номером 6Б 306, или, как записано в его свидетельстве о рождении, Реймонд Дж. Тинздейл. Его абсолютно нормальные родители даже не подозревали об умственных дефектах своего отпрыска до тех пор, пока целый ряд толковых изобретений ребенка не заставил их обратиться к администратору по детскому тестированию, который и открыл им правду.

– Какой ужас! – простионала Лаура. – Да после этого и детей иметь не захочешь – ведь такое может случиться с каждым!

Доктор Баллихок мрачно кивнул.

– Может. Утешением тут может послужить только тот факт, что об уродце будут заботиться до конца его дней – родителям больше никогда не придется его видеть. И конечно, мы используем их для осуществления трудотерапии в отношении таких же несчастных, как они сами.

– Зоопарк, – с горечью заметил сумас-физик 6Б 306. – Передвижной зоопарк прибыл поглазеть на людей. А теперь они захотят, чтобы их развлекали. Кого волнует, что мое оборудование еще не отлажено?!

– Ну-ну-ну... – предостерегающе произнес президент. – Не стоит впадать в буйство, иначе мы будем вынуждены лишить вас оборудования и книг на неделю. Пожалуйста, объясните, что это такое. Ах да, охранник! Заставьте его надеть рубашку – здесь же присутствуют дамы!

Охранник натянул на сумаса рубашку, и тот раздраженно помотал головой.

– Сама атмосфера кондиционирована, сезоны контролируются, каждое треклятое одеяние полностью прозрачное... И в то же время нельзя и шага свободно сделать – ни на метр, ни на секунду! Что за мир! – Он ударил кулаком по раскрытой ладони и вздохнул. – Ну, ладно. Мы называем этот агрегат Дименокоммунаплекс. Не потому, что мы так хотим, но потому, что надо же как-то его называть, а Джоджо тут подумал, что нам бы следовало окрестить его Баллихокером. Итак, это Дименокоммунаплекс. Он предназначен для межпространственных коммуникаций.

– Таких, как четвертое измерение? – предположил Стив.

– Нет, не таких, как четвертое. Существует бесконечное количество вселенных, сосуществующих с нами, но в ином времени и пространстве. Они прилегают к нам по градиенту энтропии.

Раздался ропот непонимания и недовольства.

– Ох уж мне эти бредни сумасов – энтропия! – пробормотал кто-то. – Градиент энтропии! Надо же! Пусть лучше начинает демонстрацию.

– Энтропию можно определить как повышающуюся хаотичность энергии, – быстро продолжал сумас-физик 6Б 306, пытаясь игнорировать сигналы доктора Баллихока. – Это темп, которым наша Вселенная движется к собственной пространственно-временной гибели. Вселенная, чей градиент энтропии круче, останется невосприимчивой к нашему разуму и нашим приборам. Более того, любое излучение в ней действует на гораздо более высокой частоте, чем у нас. Степень различия мы можем оценить только приблизительно. А так как это коммуникативный...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.